

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 3. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН.

ВВЕДЕНИЕ

В субботу, 22 мая 1971 года я приехал в Сонору «Мексика», чтобы увидеться с Хуаном Матусом, индейцем-магом из племени яки, с которым я был связан с 1961 года. Я думал, что мой визит в этот день никак не будет отличаться от множества других визитов, которые я делал за те десять лет, пока я был его учеником. События, которые имели место в тот день и в последующие дни были для меня поворотными. На этот раз мое ученичество пришло к концу. Это не было каким-либо моим уходом, а законченным окончанием учения.

Я уже представил мое ученичество в двух предыдущих книгах: «учение дона Хуана» и «отделенная реальность».

Моим основным положением в обеих книгах было то, что основными моментами в учении на мага были состояния необычной реальности, производимые приемом психотропных растений.

В этом отношении дон Хуан был экспертом в использовании трех таких растений: *datura innoxia*, известной, как дурман; *lephorhoca williamsi*, известной, как пейот; и галлюциногенный гриб из рода *psilocybe*.

Мое восприятие мира под воздействием этих психотропных веществ было таким запутанным и внушительным, что я был вынужден предположить, что такие состояния являлись единственной дорогой к передаче и обучению тому, чему дон Хуан пытался научить меня.

Это заключение было ошибочным.

Чтобы избежать любого недопонимания в моей работе с доном Хуаном, я хотел бы прояснить следующие моменты.

До сих пор я не делал никаких попыток поместить дона Хуана в культурные рамки. Тот факт, что он считает себя индейцем яки не означает, что его знания магии известны индейцам яки в основном или практикуются ими.

Все разговоры, которые мы провели с доном Хуаном во время моего ученичества велись на испанском языке, и лишь благодаря его отчетливому владению этим языком я смог получить полные объяснения системы верований.

Я сохранил название этой системы — «магия», и я также по-прежнему называю дона Хуана магом, потому что это те категории, которые он использовал сам.

Поскольку я был способен записать большинство из того, что было сказано на его позднейших фазах, я собрал большую кучу записок. Для того, чтобы сделать эти записки читабельными и в то же время сохранить драматическое единство учения дона Хуана, я должен был издать, а то, что я выпустил, является, я считаю не относящимся к тем вопросам, которые я хочу поднять.

В моей работе с доном Хуаном я ограничивал свои усилия рамками видения его, как мага, и получения ч л е н с т в а в его знании.

Для того, чтобы выразить свою мысль, я должен прежде объяснить основные моменты магии так, как дон Хуан представил их мне. Он сказал, что для мага мир повседневной жизни не является реальным или «вокруг нас», как мы привыкли верить. Для мага реальность, или тот мир, который мы все знаем, является только описанием.

Для того, чтобы упрочить этот момент, дон Хуан сконцентрировал основные свои усилия на том, чтобы подвести меня к искреннему убеждению, что тот мир, который я имею в уме, как окружающий, был просто описанием мира; описанием, которое было накачено в меня с того момента, как я родился.

Он указал, что любой, кто входит в контакт с ребенком, является учителем, который непрерывно описывает ему мир, вплоть до того момента, пока ребенок не будет способен воспринимать мир так, как он описан. Согласно дону Хуану мы не сохраняем памяти этого поворотного момента просто потому, что, пожалуй, никто из нас не имел никакой точки соотнесения для того, чтобы сравнить его с чем-либо еще. Однако, с этого момента и дальше ребенок становится членом. Он знает описание мира и его членство становится полноправным, я полагаю, когда он становится способным делать все должные интерпретации восприятия, которые, подтверждая это описание, делают его достоверным.

Для дона Хуана в таком случае, реальность нашей повседневной жизни состоит из бесконечного потока интерпретаций восприятия, которым мы, т.е. индивидуумы, которые разделяют особое членство, научились делать одинаково.

Ты идея, что интерпретации восприятия, которые делают мир, имеют недостаток, соответствует тому факту, что они текут непрерывно и редко, если вообще когда-либо, ставятся под вопрос. Фактически, реальность мира, который мы знаем, считается настолько сама собой разумеющейся, что основной момент магии состоящий в том, что наша реальность является просто одним из многих описаний, едва ли может быть принят, как серьезное заключение.

К счастью, в случае моего ученичества, дон Хуана совершенно не заботило, могу я или нет понимать то, что он говорит. Таким образом, как учитель магии, дон Хуан взялся описывать мне мир со времени нашего первого разговора. Моя трудность в понимании его концепции и методов проистекала из того факта, что его описание было чуждым и несовпадающим с моим собственным описанием.

Его утверждением было то, что он учит меня, как «видеть», в противоположность просто «смотрению», и что «остановка мира» была первым шагом к «видению».

В течение многих лет я рассматривал идею «останавливания мира», как загадочную метафору, которая на самом деле ничего не значит. И только лишь во время неофициального разговора, который имел место к концу моего ученичества, я полностью понял ее объем и важность, как одного из основных моментов в знании дон Хуана.

Дон Хуан и я разговаривали о различных вещах в свободной и непринужденной манере. Я рассказал ему о моем друге и его проблеме со своим девятилетним сыном. Ребенок, который жил с матерью в течение последних четырех лет, и теперь жил с моим другом, и проблема состояла в том, что с ним делать. Согласно моему другу, ребенок был негоден для школы. У него не хватало концентрации, и он ничем не интересовался. Он всему оказывал сопротивление, против любого контакта восстает и убегает из дома.

«У твоего друга действительно проблема», — сказал дон Хуан, смеясь.

Я хотел продолжать рассказывать ему обо всех «ужасных» вещах, которые сделал ребенок, но он прервал меня.

«Нет нужды говорить дальше об этом бедном мальчике», — сказал он. — «нет нужды ни для тебя, ни для меня рассматривать его поступки так или иначе в наших мыслях».

Его манера была прямой, и его голос был тверд, но затем он улыбнулся.

— Что может сделать мой друг? — спросил я.

— Наихудшая вещь, которую он может сделать, это заставить ребенка согласиться с ним, — сказал дон Хуан.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что отец ребенка не должен его шлепать или пугать в тех случаях, когда тот ведет себя не так, как хотелось бы отцу.

— Но как он может научить его чему-либо, если он не будет с ним тверд?

— Твой друг должен найти кого-нибудь другого, кто бы шлепал ребенка.

— Но он не может позволить никому тронуть своего мальчика! — сказал я, удивленный его предложению.

Дону Хуану, казалось, понравилась моя реакция, и он засмеялся.

— Твой друг не воин, — сказал он. — если бы он был воином, то он бы знал, что наихудший вещь, которую можно сделать, будет противопоставить себя человеку прямо.

— Что делает воин, дон Хуан?

— Воин действует стратегически.

— Я все же не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду, что если бы твой друг был воином, то он бы помог своему ребенку остановить мир.

— Но как мой друг может сделать это?

— Ему нужна была бы личная сила. Ему нужно было бы быть магом.

— Но он не маг.

— В таком случае он должен использовать обычные средства для того, чтобы помочь своему сыну изменить идею мира. Это не останавливание мира, но это подействует так же.

Я попросил его объяснить свои слова.

— Если бы я был твой друг, — сказал дон Хуан, — то я бы начал с того, что нанял бы кого-нибудь, кто бы шлепал маленького мальчика. Я пошел бы в городские трущобы и нанял бы наиболее страшно выглядящего человека, которого бы смог найти.

— Чтобы испугать маленького мальчика?

— Не просто для того, чтобы испугать мальчика, дурень, этот парнишка должен быть остановлен. Но этого не произойдет, если его будет бить собственный отец.

— Если кто-либо хочет остановить других людей, то он всегда должен быть в стороне от того круга, который нажимает на них. Таким образом, он всегда сможет управлять давлением.

Идея была необычной, но каким-то образом она находила во мне отклик.

Дон Хуан подпирал подбородок левой ладонью. Его левая рука была прижата к груди, опираясь на деревянный ящик, который служил низеньким столом. Его глаза были закрыты, его глазные яблоки двигались. Я чувствовал, что он смотрит на меня через закрытые веки. Эта мысль испугала меня.

— Расскажи мне еще, что должен делать мой друг со своим мальчиком.

— Скажи ему, пусть он пойдет в городские трущобы и очень тщательно выберет мерзко выглядящего подонка, — продолжал он. — скажи ему, пусть он берет молодого, такого, в котором еще осталась какая-то сила.

Дон Хуан обрисовал затем странную стратегию. Я должен был проинструктировать своего друга о том, что нанятый человек должен следовать за ним или ждать его в том месте, куда он придет со своим сыном. Этот человек в ответ на условный сигнал, который будет дан после любого неправильного поведения со стороны ребенка, должен был выскочить из укромного места, схватить ребенка и отшлепать его так, чтоб тот света не взвидел.

— После того, как человек испугает его, твой друг должен помочь мальчику восстановить его уверенность любым способом, каким он сможет. Если он проведет эту процедуру три-четыре раза, то я уверяю тебя, что ребенок будет иметь другие чувства по отношению ко всему. Он изменит свою идею мира.

— Но что, если испуг искалечит его?

— Испуг никогда никого не калечит. Что калечит дух, так это постоянное имение кого-нибудь у себя на спине, кто колотит тебя и говорит тебе, что следует делать, а чего не следует делать.

— Когда этот мальчик станет более сдержанным, ты должен сказать своему другу, чтобы тот сделал для него еще одну, последнюю вещь. Он должен найти какой-либо способ, чтобы получить доступ к мертвому ребенку, может быть в больнице или в конторе доктора. Он должен привести туда своего сына и показать ему мертвого ребенка. Он должен дать ему разок дотронуться до трупа левой рукой в любом месте, кроме живота трупа. После того, как мальчик это сделает, он будет обновлен. Мир никогда не будет тем же самым для него.

Я понял тогда, что за все годы нашей связи с доном Хуаном, он осуществлял со мной, хотя и в другом масштабе, ту же самую тактику, которую он предлагал моему другу для сына. Я спросил его об этом. Он сказал, что он все время пытался научить меня, как «остановить мир».

— Ты еще не сделал этого, — сказал он, улыбаясь. — ничто, кажется, не срабатывает, потому что ты очень упрям. Если бы ты был менее упрям, однако, то к этому времени ты, вероятно, остановил бы мир при помощи любой из техник, которым я обучил тебя.

— Какие техники, дон Хуан?

— Все, что я говорил тебе, было техникой останавливания мира.

Через несколько месяцев после этого разговора дон Хуан выполнил то, что он намеревался сделать: обучить меня «остановить мир».

Это монументальное событие в моей жизни заставило меня пересмотреть детально всю мою десятилетнюю работу. Для меня стало очевидным, что первоначальное заключение о роли психотропных растений было ошибочным. Они не были существенной чертой описания мира магом, но должны были только помочь сцементировать, так сказать, части того описания, которое я не был способен воспринять иначе. Моя настойчивость в том, чтобы держаться за свою стандартную версию реальности делала меня почти слепым и глухим к целям дона Хуана. Поэтому, просто отсутствие у меня чувствительности вызывало необходимость их применения. Пересматривая все свои полевые заметки, я понял, что дон Хуан дал мне основу нового описания в самом начале нашей связи, в том, что он называл «техникой для останавливания мира». В своих прежних работах я выпустил эти части моих полевых заметок, потому что они не относились к использованию психотропных растений. Теперь я на законном основании восстановил их в общем объеме учения дона Хуана, и они составили первые семнадцать глав этой книги. Первые три главы являются полевыми заметками, охватывающими события, которые вылились в мое «останавливание мира».

Подводя итоги, я могу сказать, что в то время, когда я начинал ученичество, была другая реальность. Иначе говоря, было описание мира магами, которого я не знал.

Дон Хуан, как маг и учитель, научил меня этому описанию. Десятилетнее ученичество, которое я прошел, состояло, поэтому, в установлении этой неизвестной реальности через развертывание ее описания. И добавление все более и более сложных частей по мере моего продвижения в учении.

Окончание ученичества означало, что я научился новому описанию мира убедительным и ясным образом и что я стал способен к новому восприятию мира, которое совпадало с его новым описанием. Другими словами, я достиг членства.

Дон Хуан утверждал, что для того, чтобы достичь «видения», следует «остановить мир». «Останавливание мира» действительно было нужным моментом определенных состояний сознания, в которых реальность повседневной жизни изменяется, поскольку поток интерпретаций, который обычно течет непрерывно, был остановлен рядом обстоятельств, чуждых этому потоку. В моем случае рядом обстоятельств, чуждых моему нормальному потоку интерпретаций, было описание мира магами. У дона Хуана необходимым условием для остановки мира было то, что следует быть убежденным. Другими словами, нужно научиться новому описанию в полном смысле, для того, чтобы наложить его на старое и, таким образом, сломать догматическую уверенность, которую мы все разделяем, что достоверность наших восприятий или нашей реальности мира не может ставиться под вопрос. После «остановки мира» следующим шагом было «видение». Под этим дон Хуан подразумевал то, что я хотел бы категоризовать, как «реагирование на перцептуальные установки о мире, находящемся вне того описания, которое мы научились называть реальностью».

Я убежден в том, что все эти шаги могут быть поняты единственно в терминах того описания, к которому они относятся. А поскольку это было описание, которое дон Хуан взялся мне давать с самого начала, я должен, в таком случае, позволить его учению быть единственным источником входа в него. Таким образом, я оставляю слова дона Хуана говорить самим за себя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ОСТАНАВЛИВАНИЕ МИРА»

1. ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЗ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

— Как я понимаю, вы очень много знаете о растениях, сэр? — сказал я старому индейцу, который был передо мной. Мой друг просто свел нас вместе и покинул комнату, и мы представлялись друг другу сами. Старик сказал мне, что его зовут Хуан Матус.

— Это твой друг сказал тебе так? — спросил он.

— Да, это он сказал.

— Я собираю растения или, скорее, они позволяют мне собирать их, — сказал он мягко.

Мы находились в зале ожидания автобусной станции в Аризоне. Я спросил его на очень официальном испанском языке, не позволит ли он мне расспросить его. Я сказал:

— Не позволит ли мне джентльмен «кабальеро» задать ему некоторые вопросы?

«Кабальеро» — производное слово от «кабальо» — лошадь, первоначально означало всадника или знатного человека на лошади. Он посмотрел на меня инквизиторски.

— Я всадник без лошади, — сказал он с широкой улыбкой. Затем добавил: — я сказал тебе, что меня зовут Хуан Матус.

Мне понравилась его улыбка. Я подумал, что, очевидно, он был таким человеком, которому нравится прямота, и я решил смело обратиться к нему с просьбой.

Я сказал ему, что интересуюсь сбором и изучением лекарственных растений. Я сказал, что мой особый интерес лежит в использовании галлюциногенного кактуса — пейота, который я много изучал в университете в Лос-Анжелесе.

Я думал, что мое представление очень серьезно, мои слова были очень сдержанными и звучали совершенно достоверно для меня.

Старик медленно покачал головой, и я, ободренный его молчанием, добавил, что, без сомнения, было бы полезным для нас обоим собраться вместе и поговорить о пейоте.

Именно в этот момент он поднял голову и взглянул мне прямо в глаза. Это был ужасный взгляд. И однако же он не был никоим образом ни угрожающим, ни устрашающим. Это был взгляд, который прошел сквозь меня. Я сразу же онемел и не мог продолжать говорить. Это был конец нашей встречи. И однако же он оставил крупницу надежды. Он сказал, что может быть я смогу когда-нибудь навестить его у него дома.

Было бы трудно установить воздействие взгляда дона Хуана, если бы не сопоставить мой предыдущий опыт с уникальностью этого события. Когда я начал изучать антропологию, и, таким образом, встретил дона Хуана, я уже был экспертом в том, что называется «умей вертеться». Я покинул свой дом много лет назад, и это означало по моей оценке, что я был способен позаботиться о самом себе. Всегда, когда я бывал отвергнут, я обычно мог проложить себе путь лестью, тем, что шел на компромисс, спорил, сердился или, если ничего не помогало, то я хлюпал носом и жаловался. иными словами, всегда было что-то такое, что, как я знал, я могу сделать при данных обстоятельствах. И никогда в моей жизни ни один человек не останавливал моей инерции так легко и настолько полностью, как сделал дон Хуан в этот день. Дело было не только в том, что меня заставили замолчать. Бывали времена, когда я не мог сказать ни слова своему оппоненту из-за какого-то врожденного

уважения, которое я чувствовал к нему. И все же в таких случаях моя злость или замешательство выражались в моих мыслях. Взгляд дона Хуана, однако, сделал меня немым до такой степени, что я перестал связно думать.

Я был полностью заинтригован этим поразительным взглядом и решил искать встречи с ним.

Я готовился в течение шести месяцев после этой первой встречи, читая об использовании пейота среди американских индейцев, особенно о культе пейота индейцев равнины. Я познакомился с каждой доступной работой и, когда я почувствовал, что готов, я вернулся назад в Аризону.

Суббота, 17 декабря 1960 года

Я нашел его дом после длинных и дорогостоящих расспросов среди местных индейцев. Была середина дня, когда я подъехал к дому и остановился перед ним. Я увидел дона Хуана, сидящего на деревянной молочной фляге. Он, казалось, узнал меня и приветствовал меня, когда я вылезал из машины.

В течение некоторого времени мы обменивались пустыми стандартными фразами, а затем я прямо признался ему, что был очень неоткровенен с ним, когда мы встретились в первый раз. Я хвастался, что знал очень много о пейоте, в то время, как на самом деле я не знал о нем ничего. Он смотрел на меня, его глаза были очень добрыми.

Я сказал ему, что в течение шести месяцев я читал, чтобы подготовиться к нашей встрече, и что на этот раз я действительно знаю намного больше.

Он засмеялся. Очевидно, в моем заявлении было что-то смешное для него. Он смеялся надо мной, и я чувствовал себя немножко смущенным и задетым.

Он, очевидно, заметил мое неудобство и заверил меня, что, хотя у меня были добрые намерения, на самом деле не было никакого способа подготовиться к нашей встрече.

Я подумал о том, будет ли удобным спросить, имеет ли это заявление какой-либо скрытый смысл, но не сделал этого. Однако же он, казалось, был подстроен к моим чувствам и продолжал объяснять, что он имел в виду. Он сказал, что мои усилия напомнили ему сказку о неких людях, которых король обвинил и казнил когда-то. Он сказал, что в сказке наказанные люди никак не отличались от тех, кто их наказывал, за исключением того, что они произносили некоторые слова особым образом, присущим только им. Этот недостаток, конечно, и выдавал их. Король поставил заставы на дорогах в критических точках, где чиновники требовали от каждого прохожего произнести ключевое слово. Те, кто могли произнести его так, как король его произносил, оставались жить, но тех, кто этого не мог, немедленно казнили. Основой сказки было то, что однажды молодой человек решил подготовиться к тому, чтобы пройти через заставу, научившись произносить испытательное слово так, как это нравилось королю.

Дон Хуан сказал с широкой улыбкой, что, фактически, это заняло у молодого человека «шесть месяцев» — столько времени ему понадобилось, чтобы добиться правильного произношения. И затем пришел день великого испытания. Молодой человек очень уверенно подошел к заставе и стал ждать, пока чиновник потребует у него произнести слово.

В этом месте дон Хуан очень драматично остановил свой рассказ и взглянул на меня. Его пауза была очень рассчитанной и немножко казалась мне ловушкой, но я продолжал игру. Я уже слышал тему сказки раньше. Там дело было с евреями в германии и с методом, путем которого можно было сказать, кто еврей по тому, как они произносили определенные слова. Я знал также основную нить рассказа: молодой человек должен был быть схвачен из-за того, что чиновник забыл ключевое слово и попросил его произнести другое слово, которое было очень похожим, но которое молодой человек не научился произносить правильно.

Дон Хуан, казалось, ждал от меня, чтобы я спросил, что случилось. Так я и сделал.

— Что с ним случилось? — спросил я, пытаюсь быть наивным и заинтересованным в сказке.

— Молодой человек, который был действительно хитрым, сообразил, что чиновник забыл ключевое слово и прежде, чем этот человек успел сказать что-либо еще, он признался ему в том, что готовился в течение шести месяцев.

Он сделал долгую паузу и взглянул на меня с предательским блеском в глазах. На этот раз он подменил карты. Признание молодого человека было новым элементом, и я уже не знал, чем закончится история.

— Ну, что случилось потом? — спросил я, действительно заинтересованный.

— Молодой человек был немедленно казнен, конечно, — сказал он и расхохотался.

Мне очень понравился способ, каким он захватил мой интерес. Еще больше мне понравился способ, которым он связал сказку с моим собственным случаем. Фактически, он,

казалось, составил ее для меня, он потешался надо мной очень тонко и артистично. Я засмеялся вместе с ним.

После этого я сказал ему, что вне зависимости от того, насколько глупо это может звучать, я действительно заинтересован в том, чтобы узнать что-либо о растениях.

— Я очень люблю гулять, — сказал он.

Я подумал, что он намеренно меняет тему разговора для того, чтобы не отвечать мне. Я не хотел его настраивать против себя своей настойчивостью.

Он спросил меня, не хочу ли я пойти вместе с ним на короткую прогулку в пустыню. Я с энтузиазмом сказал, что мне понравилось бы прогуляться по пустыне.

— Это не пикник, — сказал он тоном предупреждения.

Я сказал ему, что я очень серьезно хочу работать с ним. Я сказал, что нуждаюсь в информации, любого рода информации об использовании лекарственных растений, и что я собираюсь платить ему за его время и труды.

— Ты будешь работать на меня, а я буду платить тебе зарплату.

— Как много ты будешь платить мне? — спросил он.

Я уловил в его голосе нотку жадности.

— Сколько ты найдешь нужным, — сказал я.

— Плати мне за мое время... Своим временем, — сказал он.

Я подумал, что он — любопытнейшая личность. Я сказал ему, что я не понимаю, что он имеет в виду. Он заметил, что о растениях нечего сказать, поэтому взять мои деньги было бы невысказано для него.

— Что ты делаешь у себя в кармане? — спросил он, делая гримасу. — ты что, играешь со своим хером? — он говорил о моем незаметном записывании в миниатюрный блокнот, который находился в огромном кармане моей штормовки.

Когда я рассказал ему, что я делаю, он сердечно рассмеялся.

Я сказал, что не хотел беспокоить его, записывая прямо перед ним.

— Если ты хочешь записывать — записывай, ты не обеспокоишь меня, — сказал он.

Мы гуляли по окружающей пустыне, пока не стало почти совсем темно. Он не показывал мне никаких растений и не говорил о них совсем. Мы остановились на минуту отдохнуть у больших кустов.

— Растения очень любопытные вещи, — сказал он, не глядя на меня. — они живые, и они чувствуют.

В тот самый момент, как он сделал это заявление, сильный порыв ветра потряс пустынный чапараль вокруг нас. Кусты издали гремющий звук.

— Ты слышишь это? — спросил он меня, приставляя правую руку к своему уху, как бы помогая своему слуху. — листья и ветер соглашаются со мной.

Я засмеялся. Друг, который свел нас, уже предупреждал, чтобы я держался настороже, потому что старик был очень эксцентричен. Я подумал, что «соглашение с листьями» было одной из его эксцентричностей.

Мы еще гуляли некоторое время, но он все еще не показывал мне никаких растений, и не сорвал ни одного из них. Он просто шел через кусты, слегка их касаясь. Затем он остановился, сел на камень и сказал мне, чтоб я отдохнул и осмотрелся.

Я настаивал на разговоре. Я еще раз дал ему знать, что очень хочу учиться о растениях, особенно о пейоте. Я просил его, чтобы он стал моим информатором в обмен на какое-либо денежное вознаграждение.

— Тебе не нужно платить мне, — сказал он. — ты можешь спрашивать меня все, что хочешь. Я буду рассказывать тебе все, что я знаю, а потом я расскажу тебе, что делать с этим.

Он спросил меня, согласен ли я с его планом. Я был в восторге. Затем он добавил загадочное замечание:

— Возможно, нет ничего такого, что можно учить о растениях, потому что о них нечего сказать.

Я не понял того, что он сказал или того, что он под этим имел в виду.

— Что ты сказал? — спросил я.

Он повторил это замечание трижды, и затем весь район был потрясен ревом военного реактивного самолета.

— Вот! Мир только что согласился со мной, — сказал он, приставляя левую ладонь к уху.

Я находил его очень приятным. Его смех был заразительным.

— Ты из Аризоны, дон Хуан? — спросил я, пытаюсь удержать разговор в рамках того, чтобы он был моим информатором.

Он взглянул на меня и утвердительно кивнул. Его глаза, казалось, были уставшими, я мог видеть белки его глаз вдоль нижних век.

— Ты был рожден в этой местности?

Он кивнул головой, опять не отвечая мне. Это походило на утвердительный жест, но это походило также и на нервное потряхивание головой человека, который задумался.

— А откуда ты сам? — спросил он.

— Я приехал из южной америки, — сказал я.

— Это большое место. Ты приехал из нее из всей?

Его глаза были опять пронзительными, когда он посмотрел на меня. Я начал объяснять ему обстоятельства своего рождения, но он прервал меня.

— В этом отношении мы похожи, — сказал он. — я живу здесь сейчас, но на самом деле я яки из Соноры.

— И это все! Я сам приехал из...

Он не дал мне закончить.

— Знаю, знаю, — сказал он. — ты есть тот, кто ты есть, оттуда, откуда ты есть. Так же как я — яки из Соноры.

Его глаза были очень яркими, а его смех странно беспокоящим. Он заставлял меня чувствовать так, как если бы поймал меня на какой-то лжи. Я испытал любопытное ощущение вины. У меня было чувство, что он знает что-то, чего я не знаю или не хочу говорить.

Мое странное раздражение росло. Он, должно быть, заметил его, потому что спросил, не хочу ли я поесть в ресторане в городе.

По пути назад к его дому и затем ведя машину в город, я почувствовал себя лучше, но полностью не расслабился. Каким-то образом я чувствовал, что мне что-то угрожает, хотя и не мог найти причину.

Я хотел ему купить пиво в ресторане. Он сказал, что никогда не пьет, даже пиво. Я засмеялся про себя. Я не поверил ему. Друг, который свел нас, говорил мне, что «старик большую часть времени находится не в себе». Мне действительно не было дела до того, лжет он или нет о выпивке. Он мне нравился. Было что-то умиротворяющее в его личности.

Должно быть, на лице у меня отразилось сомнение, потому что затем он стал объяснять мне, что он пил в молодости, но затем однажды просто бросил это.

— Люди вряд ли даже понимают, что мы можем выбросить из нашей жизни все что угодно в любое время. Просто вот так. — он щелкнул пальцами.

— Ты думаешь, что можно бросить курить или пить так легко? — спросил я.

— Конечно! — сказал он с большим убеждением. — курение и пьянство — это ничто, совсем ничто, если мы хотим их бросить.

В этот момент автоматическая кофеварка, в которой кипела вода, издала громкий пронзительный звук.

— Слышишь это! — воскликнул дон Хуан с сиянием в глазах. — кипятилок согласен со мной.

Затем он добавил после паузы:

— Человек может получать согласие от всего вокруг него.

В этот критический момент кофеварка издала поистине гортанный звук. Он взглянул на кофеварку и сказал: — благодарю вас, — кивнул головой, а потом расхохотался.

Я опешил. Его смех был немножко чересчур громкий, но мне искренне все это нравилось.

Затем моя первая реальная сессия с моим «информатором» закончилась. Я сказал ему, что мне нужно навестить некоторых друзей, и что я был бы рад повидать его снова в конце следующей недели.

— Когда ты будешь дома? — спросил я.

Он пристально рассматривал меня.

— Когда ты приедешь, — заметил он.

— Я не знаю точно, когда я приеду.

— Тогда просто приезжай, не заботься.

— Но что, если тебя не будет дома?

— Я буду там, — сказал он, улыбаясь, и пошел прочь.

Я побежал за ним и спросил его, не будет ли он возражать, если я привезу с собой фотоаппарат, чтобы сфотографировать его и его дом.

— Об этом не может быть и речи, — сказал он с гримасой.

— А как насчет магнитофона? Будешь ты возражать против этого?

— Боюсь, что и такой возможности тоже нет.

Я почувствовал себя раздраженным и стал горячиться. Я сказал, что не вижу логической причины его отказа.

Дон Хуан отрицательно покачал головой.

— Забудь это, — сказал он с силой. — и если ты еще хочешь видеть меня, никогда не говори об этом опять.

Я выставил последнее слабое возражение. Я сказал, что фотоснимки и магнитофонные записи являлись бесценными для моей работы. Он сказал, что есть только одна вещь, которая бесценна для всего, что мы делаем. Он назвал ее «дух».

— Нельзя обойтись без духа, — сказал он. — а у тебя его нет. Горюй об этом, а не о фотоснимках.

— Что ты?..

Он прервал меня движением головы и вернулся на несколько шагов.

— Обязательно возвращайся, — сказал он мягко и помахал мне на прощание.

2. СТИРАНИЕ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

Четверг, 22 декабря 1960 года

Дон Хуан сидел на полу около двери своего дома спиной к стене. Он перевернул деревянную молочную флягу и попросил меня садиться и чувствовать себя, как дома. Я предложил ему пачку сигарет, которую я привез. Он сказал, что не курит, но подарок принял. Мы поговорили о холоде ночей в пустыне и на другие обычные темы.

Я спросил его, не мешаю ли я его нормальному распорядку. Он взглянул на меня с какой-то гримасой и сказал, что у него нет никакого распорядка и что я могу оставаться с ним до вечера, если хочу.

Я приготовил несколько опросных листов по генеалогии и родовым отношениям, и я хотел заполнить их с его помощью. Я составил также по этнографической литературе длинный список культурных черт, которые, как считалось, присущи индейцам этого района. Я хотел пройтись по списку вместе с ним и отметить все вопросы, которые были знакомы для него.

Я начал с опросных карт родовых отношений.

Как ты называл своего отца? — спросил я.

— Я называл его папа, — сказал он с очень серьезным лицом.

Я почувствовал легкое раздражение, но продолжал, думая, что он не понял.

Я показал ему опросный лист и объяснил, что один пропуск там оставлен для отца, а один — для матери. Я привел пример различных слов, которые используются в английском и испанском языках для того, чтобы называть отца и мать.

Я подумал, что, может быть, мне следовало начать с матери.

— Как ты называл свою мать? — спросил я.

— Я называл ее мама, — заметил он очень наивным тоном.

— Я имею в виду, какие другие слова ты использовал для того, чтобы назвать своего отца или мать? Как ты звал их? — сказал я, пытаюсь быть терпеливым и вежливым. Он почесал голову и посмотрел на меня с глупым выражением.

— Ага, — сказал он. — тут ты меня поймал. Дай-ка мне подумать.

После минутного замешательства он, казалось, вспомнил что-то, и я приготовился записывать.

— Ну, сказал он, как если бы он был захвачен серьезной мыслью. — как еще я звал их? Я звал их эй-эй, папа! Эй-эй, мама!

Я рассмеялся против своего желания. Его выражение было действительно комичным, и в этот момент я не знал, то ли он был очень хитрый старик, который морочил мне голову, то ли он был действительно простачком. Используя все свое терпение, я объяснил ему, что это очень серьезный вопрос и что для моей работы очень важно заполнить все эти бланки. Я старался, чтобы он понял идею генеалогии и личной истории.

— Как звали твоего отца и твою мать? — спросил я. Он взглянул на меня ясными и добрыми глазами.

— Не трать время на эту муру, — сказал он мягко, но с неожиданной силой.

Я не знал, что сказать. Казалось, кто-то другой произнес эти слова. За секунду до этого он был ошарашенным глупым индейцем, чесавшим свою голову, и уже через мгновение он сменил роль. Я был глупым, а он смотрел на меня неопределимым взглядом, в котором не было ни раздражения, ни неприязни, ни ненависти, ни сожаления. Его глаза были добрыми, ясными и пронизывающими.

— У меня нет никакой личной истории, — сказал он после длинной паузы. — однажды я обнаружил, что не нуждаюсь больше в личной истории, также как пьянство, бросил ее.

Я не совсем понял, что он хотел сказать. Неожиданно я почувствовал себя неловко, под угрозой. Я напомнил ему, что он заверил меня в том, что я могу задавать ему вопросы. Он повторил, что он совсем не возражает против этого.

— У меня больше нет личной истории, — сказал он и взглянул на меня испытующе. — я бросил ее однажды, когда почувствовал, что в ней нет больше необходимости.

Я уставился на него, пытаюсь найти скрытое значение его слов.

— Но как можно бросить свою личную историю? — спросил я в настроении поспорить.

— Сначала нужно иметь желание бросить ее, — сказал он, — А затем следует действовать гармонично, чтобы обрубить ее мало-помалу.

— Но зачем кто-либо будет иметь такое желание? — воскликнул я.

У меня была ужасно сильная привязанность к моей личной истории. Мои семейные корни были глубоки. Я честно чувствовал, что без них моя жизнь не имела бы ни цели, ни длительности.

— Может быть, тебе следует рассказать мне, что ты имеешь в виду под словами бросить личную историю, — сказал я.

— Разделаться с ней, вот что я имею в виду, — заметил он, как отрезал.

Продолжал настаивать, что не понимаю этого.

— Ну, возьмем тебя, например. Ты — яки, ты не можешь изменить этого.

— Разве я — яки? — спросил он, улыбаясь. — откуда ты знаешь это?

— Правда! — сказал я. — я не могу этого знать наверняка. Это так. Но ты знаешь это, и именно это имеет значение. Именно это делает личную историю. — я чувствовал, что загнал его в угол.

— Тот факт, что я знаю, являюсь я яки или нет, не делает его личной историей, — заметил он. — лишь тогда, когда еще кто-либо знает о нем, он становится личной историей. И уверяю тебя, что никто никогда этого не узнает наверняка.

Я кое-как записал, что он сказал. Я перестал записывать и взглянул на него. Я не мог составить представления о нем. Мысленно я пробежал через свои впечатления о нем. Загадочным и беспрецедентным образом он взглянул на меня во время нашей первой встречи. Очарование, с которым он утверждал, что получает согласие от всего, что его окружает, его раздражающий юмор и его алертность, его явно глупый вид, когда я расспрашивал его о его отце и матери, а затем эта неожиданная сила его утверждений, которые сразу отбросили меня.

— Ты не знаешь, что я такое, не так ли? — сказал он, как если бы читал мои мысли. — ты никогда не узнаешь, кто или что я есть, потому что я не имею личной истории.

Он спросил у меня, был ли у меня отец. Я сказал, что да. Он сказал, что мой отец был примером того, о чем он говорит. Он попросил меня вспомнить, что мой отец думал обо мне.

— Твой отец знал о тебе все, — сказал он, — поэтому он полностью распланировал тебя. Он знал, кто ты есть, и что ты делаешь. И нет такой силы на земле, которая могла бы заставить его изменить его мнение о тебе.

Дон Хуан сказал, что каждый, кто знал меня, имел обо мне свою идею, и что я питал эту идею всем, что я делал.

— Разве ты не видишь? — спросил он драматически. — ты должен обновлять свою личную историю, говоря своим родителям, своим родственникам и своим друзьям обо всем, что ты делаешь. С другой стороны, если у тебя нет личной истории, то никаких объяснений не требуется, никто не сердится, никто не разочаровывается в твоих поступках. И, более того, никто не припиливает тебя своими мыслями.

Внезапно идея стала ясной у меня в уме. Я почти знал это сам, но я никогда не рассматривал таких мыслей. Не иметь личной истории действительно было очень заманчивой концепцией, по крайней мере, на интеллектуальном уровне. Однако, это дало мне чувство одиночества, которое я нашел угрожающим и отвратительным. Мне хотелось обговорить с ним вопрос об этих моих чувствах, но я держался начеку. Что-то было ужасно неуместным в этой ситуации. Я чувствовал неловкость в том, что вступаю в философский спор со старым индейцем, который, очевидно, не имеет «интеллектуальности» студента университета. Каким-то образом он увел меня в сторону от моего первоначального намерения расспросить о его генеалогии.

— Я не знаю, каким образом мы разговариваем об этом, тогда как все, что я хотел узнать, так это несколько имен для моих бланков, — сказал я, пытаясь повернуть разговор к той теме, которую я хотел.

— Это очень просто, — сказал он. — способ, каким мы пришли к этому разговору, заключается в том, что я сказал, что задавать вопросы о прошлом человека — это явная ерунда.

Его тон был твердым. Я чувствовал, что нет способа уговорить его, поэтому я изменил свою тактику.

— Что же, эта идея не иметь личной истории, это то, что делают яки? — спросил я.

— Это то, что делаю я.

— Где ты научился этому?

— Я научился этому в течение своей жизни.

— Это твой отец научил тебя этому?

— Нет, скажем, что я научился этому сам, а теперь я собираюсь передать секрет этого тебе, чтобы ты не ушел сегодня с пустыми руками.

Он понизил голос до драматического шепота. Я рассмеялся над его трюками. Я вынужден был признать, что он совсем не глуп. Мне пришла в голову мысль, что я нахожусь в присутствии врожденного актера.

— Записывай, — сказал он покровительственно. — почему бы нет. Ты, кажется, чувствуешь себя более удобно в то время, когда пишешь.

Я взглянул на него, и мои глаза, должно быть, выдали мое замешательство. Он хлопнул себя по ляжкам и с удовольствием расхохотался.

— Самое лучшее, стереть всю личную историю, — сказал он, как бы давая мне время записывать, — потому что это сделает нас свободными от обволакивающих мыслей других людей.

Я не мог поверить, что он действительно сказал это. У меня был очень затруднительный момент. Он, должно быть, прочитал у меня на лице мое внутреннее замешательство и немедленно его использовал.

— Возьмем тебя, например, — продолжал он говорить. — как раз сейчас ты не знаешь, то ли ты приходишь, то ли уходишь, и это потому, что я стер свою личную историю. Мало-помалу я создал туман вокруг себя и вокруг своей жизни. И сейчас никто не знает наверняка, кто я есть и что я делаю.

— Но ты сам знаешь, кто ты есть, разве не так? — вставил я.

— Я, честное слово... Не знаю! — воскликнул он и покатился на пол, смеясь над моим удивленным взглядом.

Он довольно долго молчал, чтобы заставить меня поверить в то, что сейчас он скажет «я знаю», как я этого ожидал. Его неожиданный поворот был очень угрожающим для меня. Я действительно испугался.

— Это маленький секрет, который я собирался дать тебе сегодня, — сказал он тихим голосом, — никто не знает моей личной истории. Никто не знает, кто я есть и что я делаю. Даже я не знаю.

Он скосил глаза. Он не смотрел на меня, а куда-то выше моего правого плеча. Он сидел, скрестив ноги, спина его была прямой, и все же он казался расслабленным. В этот момент он был самым воплощением ярости. Я представил себе его индейским вождем, «краснокожим воином» в романтических легендах моего детства. Мой романтизм увел меня в сторону и крайне отчетливое чувство раздвоенности захватило меня. Я мог искренне сказать, что он мне очень нравится, и в то же самое время я мог сказать, что я смертельно боюсь его.

Он сохранял этот странный взгляд в течение долгого времени.

— Как я могу знать, кто я есть, когда я есть все это, — сказал он, указывая на окружающее жестом головы. Затем он взглянул на меня и улыбнулся.

— Мало-помалу ты должен создать туман вокруг себя. Ты должен стереть все вокруг себя до тех пор, пока ничего нельзя будет считать само собой разумеющимся. Пока ничего уже не останется наверняка или реального. Твоя проблема сейчас в том, что ты слишком реален. Твои усилия слишком реальны. Твои настроения слишком реальны. Не принимай вещи настолько сами собой разумеющимися. Ты должен начать стирать себя.

— Для чего? — спросил я ошеломлено.

Мне стало ясно, что он предписывает мне поведение. Всю свою жизнь я подходил к переломному моменту, когда кто-либо пытался сказать мне, что делать. Простая мысль о том, что мне будут говорить, что делать, вызывала во мне немедленно активный протест.

— Ты сказал мне, что хочешь изучать растения, — сказал он спокойно. — ты хочешь что-то получить даром? Что ты думаешь об этом? Мы условились, что ты будешь задавать мне вопросы, и я буду говорить тебе то, что я знаю. Если тебе это не нравится, то нам больше нечего сказать друг другу.

Его ужасная прямота вызывала во мне чувство протеста, но внутри себя я признавал, что он прав.

— Давай тогда сделаем так, — продолжал он. — если ты хочешь изучать растения и поскольку о них действительно нечего сказать, то ты должен среди прочих вещей стереть свою личную историю.

— Как? — спросил я.

— Начни с простых вещей. Таких, как не говорить никому, что ты в действительности делаешь. Затем ты должен оставить всех, кто тебя хорошо знает. Таким образом, ты создашь туман вокруг себя.

— Но ведь это абсурдно! — протестовал я. — почему люди не должны знать обо мне? Что в этом плохого?

— Плохое здесь то, что, если они однажды тебя узнали, то ты уже становишься чем-то таким, что само собой разумеется, и, начиная с этого момента, ты уже не можешь порвать связь с их мыслями. Лично я люблю полную свободу — быть неизвестным. Никто не знает меня с застывшей уверенностью, так, как люди знают тебя, например.

— Но это было бы ложью.

— Мне нет дела до лжи или правды, — сказал он жестко. — ложь есть ложь, только если ты имеешь личную историю.

Я стал возражать, что мне не нравится намеренно мистифицировать людей или вводить их в заблуждение. Его ответом было то, что я и так всех ввожу в заблуждение.

Старик затронул болезненное место в моей жизни. Я не примкнул спросить его, что он имел в виду под этим, или откуда он узнал, что я все время ввожу людей в заблуждение. Я просто прореагировал на его заявления, защищаясь при помощи объяснения. Я сказал, что я с болью сознаю, что моя семья и мои друзья считают меня ненадежным, в то время, как в действительности я никогда в своей жизни не солгал.

— Ты всегда знал, как лгать, — сказал он. — и единственная вещь, которая отсутствовала, это то, что ты не знал, зачем это делать. Теперь ты знаешь.

Я запротестовал.

— Разве ты не видишь, что я действительно очень устал от того, что люди считают меня ненадежным, — сказал я.

— А ты действительно ненадежен, — заметил он с убеждением.

— Черт подери, это не так! — воскликнул я.

Мое настроение вместо того, чтобы подвести его к серьезности, заставило его истерически смеяться. Я действительно терпеть не мог этого старика за все его ужимки. К несчастью, он был прав относительно меня. Через некоторое время я успокоился, и он продолжал говорить.

Когда не имеешь личной истории, — объяснил он, — то ничего, что бы ты ни сказал, не может быть принято за ложь. Твоя беда в том, что ты вынужден объяснять все любому, импульсивно, и в то же время ты хочешь сохранить свежесть и новизну того, что ты делаешь. Что ж, поскольку ты не можешь быть восхищенным после того, как ты объяснил все, что ты делаешь, то ты лжешь для того, чтобы продолжить эти чувства.

Я был действительно ошеломлен масштабом нашего разговора. Я записал все его детали наилучшим образом как только смог, концентрируя внимание на том, что он говорит, вместо того, чтобы размышлять о собственной предвзятости или о его значении.

— С этого момента, — сказал он, — ты должен просто показывать людям все, что ты найдешь нужным им показывать, но при этом никогда не говорить точно, как ты это сделал.

— Я не могу держать секреты! — воскликнул я. — то, что ты говоришь, бесполезно для меня.

— Тогда изменись! — сказал он отрывисто, с яростным блеском в глазах.

Он выглядел, как странное дикое животное, и в то же время его мысли и слова были предельно связанными. Мое раздражение уступило место состоянию неприятного замешательства.

— Видишь, — продолжал он, — у нас есть только два выбора. Мы или принимаем все, как реальное, наверняка, или мы этого не делаем. Если мы следуем первому, то мы кончаем тем, что до смерти устаем от самих себя и от мира. Если мы последуем второму и сотрем личную историю, мы создадим туман вокруг нас, очень восхитительное и мистическое состояние, в котором никто не знает, откуда выскочит заяц, даже мы сами.

Я стал говорить о том, что стирание личной истории лишь увеличит наше чувство незащищенности.

— Когда ничего нет наверняка, мы остаемся алертными, навсегда на цыпочках, — сказал он. — не знать, за каким кустом прячется заяц, более восхитительно, чем вести себя так, как если бы мы знали все.

Он больше ни слова не говорил в течение очень долгого времени. Может быть, час прошел в полном молчании. Я не знал, что спрашивать. Наконец, он поднялся и попросил меня подвезти его в ближайший город.

Я не знал, почему, но наш разговор опустошил меня. У меня было такое чувство, будто бы я вот-вот засну. Он попросил меня остановиться по пути и сказал, что если я захочу расслабиться, то я должен забраться на плоскую вершину небольшого холма в стороне от дороги и лечь на живот головой к востоку. В его голосе, казалось, ощущалась спешка. Я не хотел спорить или, может быть, я просто был настолько усталым, что не мог даже говорить. Я забрался на холм и сделал так, как он предписывал.

Я спал только две или три минуты, но этого было достаточно, чтобы моя энергия возобновилась. Мы приехали к центру города, где он попросил меня посадить его.

— Возвращайся, — сказал он, выходя из машины. — обязательно возвращайся.

3. УТРАЧИВАНИЕ ВАЖНОСТИ САМОГО СЕБЯ

У меня была возможность обсудить свои два предыдущие визита к дону Хуану с тем другом, который свел нас вместе. Его мнением было то, что я теряю свое время. Я изложил ему до последней детали все наши разговоры. Он считал, что я преувеличиваю и создаю романтический ореол тупой старой развалине.

Однако, во мне было очень мало откликов для того, чтобы романтизировать такого необычного старика. Я искренне чувствовал, что его критика моей личности была серьезной подоплекой того, что он мне нравился. Однако же, я должен был признать, что эта критика всегда была апропо /"к месту"/ резко очерчена и правильна до последней буквы.

Стержнем моей проблемы на этот раз было нежелание признать то, что дон Хуан способен разрушить все мои предубеждения о мире, и мое нежелание согласиться с другом, который считал, что «старый индеец просто дурень».

Я чувствовал себя обязанным еще раз навестить его, прежде чем составить о нем свое мнение.

Среда, 28 декабря 1960 года.

Как только я приехал к нему, он взял меня на прогулку в пустынный чапараль. Он даже не взглянул на мешок с продуктами, которые я привез ему. Казалось, он ожидал меня.

Мы шли в течение нескольких часов. Он не собирал, не показывал мне никаких растений. Он учил меня, однако, «правильному способу ходьбы». Он сказал, что я должен слегка подогнуть пальцы, когда я иду, для того, чтобы я мог обращать внимание на дорогу и на окружающих. Он заявил, что мой обычный способ ходьбы является уродующим, и что никогда не следует ничего носить в руках. Если нужно нести какие-нибудь вещи, то следует пользоваться рюкзаком или заплечной сумкой, или заплечным мешком. Его идея состояла в том, что заставляя руки находиться в определенном положении, можно иметь большую выносливость и лучше осознавать окружающее.

Я не видел причины спорить и подогнул пальцы так, как он сказал, продолжая идти. Мое осознание окружающего несколько не изменилось, то же самое было с моей выносливостью. Мы начали нашу прогулку утром и остановились отдохнуть после полудня. Я обливался потом и хотел выпить из фляжки, но он остановил меня, сказав, что лучше проглотить только один глоток. Он сорвал немного листьев с небольшого желтого куста и пожевал. Он дал немного листьев мне и заметил, что они прекрасны, а если я буду их медленно жевать, то моя жажда исчезнет. Жажда не исчезла, но в то же время я не чувствовал неудобств.

Он, казалось, прочел мои мысли и объяснил, что я не почувствовал выгоды «правильного способа ходьбы» или же выгоды от жевания листьев, потому что я молод и силен, а мое тело ничего не замечает, потому что оно немного глупо.

Он засмеялся. Я не был в смешливом настроении, и это, казалось, позабавило его еще больше. Он поправил свое предыдущее заявление, сказав, что мое тело не то чтобы на самом деле глупое, но оно как бы спит.

В этот момент огромная ворона пролетела прямо над нами с карканьем. Это меня испугало, и я начал смеяться. Я думал, что обстоятельства требуют смеха, но, к моему великому удивлению, он сильно встряхнул мою руку и заставил меня замолчать. У него было крайне серьезное выражение.

— Это была не шутка, — сказал он жестко, как если бы я знал, о чем он говорит. Я попросил объяснения. Я сказал ему, что это неправильно, что мой смех над вороной рассердил его, в то время, как мы ранее смеялись над кофеваркой.

— То, что ты видел, была не просто ворона! — воскликнул он.

— Но я видел ее, и это была ворона, — настаивал я.

— Ты ничего не видел, дурак, — сказал он грубым голосом.

Его грубость была беспричинной. Я сказал ему, что я не люблю злить людей, и, может быть, будет лучше, если я уйду, поскольку он, видимо, не в настроении поддерживать компанию. Он неудержимо расхохотался, как если бы я был клоун, разыгрывающий перед ним представление. Мое недовольство и раздражение пропорционально росли.

— Ты очень жесток, — комментировал он. — ты принимаешь самого себя слишком серьезно.

— Но разве ты не делаешь того же самого, — вставил я, — принимая самого себя серьезно, когда ты рассердился на меня?

Он сказал, что сердиться на меня было самое далекое, что он только мог придумать. Он взглянул на меня пронзительно.

— То, что ты видел, не было согласием мира, — сказал он. — летящая или каркающая ворона никогда не бывает согласием. Это был знак!

— Знак чего?

— Очень важное указание насчет тебя, — заметил он загадочно.

В этот самый момент ветер бросил сухую ветку прямо к нашим ногам.

— Вот это было согласием! — воскликнул он, и, взглянув на меня сияющими глазами, залился смехом.

У меня было такое чувство, что он дразнит меня, создавая правила странной игры по мере того, как мы продвигаемся. Поэтому, ему-то можно было смеяться, но не мне. Мое недовольство опять полезло наверх, и я сказал ему все, что думаю о нем. Он совсем не был задет или обижен. Он хохотал, и его смех вызывал во мне еще больше недовольства и раздражения. Я подумал, что он намеренно ставит меня в дурацкое положение. Я тут же решил, что с меня довольно такой «полевой работы».

Я встал и сказал, что хочу идти назад к его дому, потому что я должен ехать в Лос-Анжелес.

— Сядь, — сказал он повелительно. — ты обидчив, как старая леди. Ты не можешь сейчас уехать, потому что мы еще не кончили.

Я ненавидел его. Я подумал, что он неприятнейший человек.

Он начал напевать идиотскую мексиканскую народную песню. Он явно изображал какого-то популярного певца. Он удлинял некоторые слоги и сокращал другие и превратил песню в совершеннейший фарс. Это было настолько комично, что я расхохотался.

— Видишь, ты смеешься над глупой песней, — сказал он. — но тот человек, который поет ее таким образом и те люди, которые платят за то, чтобы его послушать, не смеются. Они считают это серьезным.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. Я думал, что он намеренно подобрал пример, чтобы сказать мне, что я смеялся над вороной из-за того, что я не принимал ее серьезно, точно так же, как я не принимаю песню серьезно. Но он опять надул меня. Он сказал, что я похож на этого певца и тех людей, которым нравится его песня, мнительный и смертельно серьезный в отношении всякой чепухи, за которую никто в здравом уме не даст ни гроша. Он затем возвратился назад, как если бы для того, чтобы освежить свою память. Повторив все, что он сказал раньше на тему «изучать растения», он подчеркнул, с ударением, что если я действительно хочу учиться, то я должен переделать большую часть своего поведения.

Мое чувство недовольства росло до такой степени, что мне уже приходилось делать огромные усилия даже, чтобы делать заметки.

— Ты слишком серьезно себя принимаешь, — сказал он медленно. — ты слишком чертовски важен в своих собственных глазах. Это должно быть изменено! Ты так чертовски важен, что ты чувствуешь себя вправе раздражаться всем. Ты так чертовски важен, что ты можешь себе позволить уйти, если вещи не складываются так, как тебе бы хотелось. Я полагаю, ты думаешь, все это показывает, что ты имеешь характер. Это чепуха! Ты слаб и мнителен!

Я попытался изобразить протест, но он не поддался. Он указал, что за всю мою жизнь я никогда ничего не закончил из-за чувства неуместной важности, которую я связал с самим собой.

Я был ошеломлен уверенностью, с которой он делал свои заявления. Они были правильными, конечно, и это заставило меня чувствовать не только злость, но еще и угрозу.

— Важность самого себя — это другая вещь, которую следует бросить, точно так же, как личную историю, — сказал он драматическим тоном.

Я действительно не хотел с ним спорить. Было очевидно, что я нахожусь в ужасно невыгодном положении. Он не собирался идти назад к дому до тех пор, пока не будет готов, а я не знал дорогу. Я вынужден был оставаться с ним.

Он сделал странное и внезапное движение, как бы понюхал воздух вокруг себя. Его голова слегка вздрагивала медленно и ритмично. Он, казалось, был в состоянии необычайной алертности. Он повернулся и посмотрел на меня взглядом, в котором были удивление и любопытство. Его глаза прошлись вверх и вниз по моему телу, как бы разыскивая что-либо особенное. Затем он резко поднялся и быстро пошел. Он почти бежал. Я следовал за ним. Он выдерживал очень ускоренный шаг примерно в течение часа. Наконец, он остановился у скалистого холма, и мы уселись в тени куста. Бег трусцой совершенно утомил меня, хотя мое настроение улучшилось. Было очень странно, как я

изменился. Я чувствовал почти подъем в то время, как, когда мы начали бег трусцой, после нашего спора, я был в ярости на него.

— Это очень странно, — сказал я, — но я действительно чувствую себя хорошо.

Я услышал вдалеке карканье вороны. Он поднял палец к правому уху и улыбнулся.

— Это был знак, — сказал он.

Небольшой камень покотился вниз, издав хрустящий звук, когда он упал в чапараль.

Он громко рассмеялся и указал пальцем в сторону звука.

— А это было согласие, — сказал он. Затем он спросил меня, действительно ли я готов к разговору о моей важности самого себя. Я рассмеялся. Мое чувство злости, казалось, было настолько далеко, что я даже не мог понять, каким образом я рассердился на него.

— Я не могу понять, что случается со мной, — сказал я. — то я злюсь, а теперь я не знаю, почему я больше не злюсь.

— Мир вокруг нас очень загадочен, — сказал он. — он нелегко выдает свои секреты.

Мне нравились его загадочные заявления. Они были вызывающими и непонятными. Я не мог определить, то ли они были заполнены скрытым смыслом, то ли они были просто откровенной чепухой.

— Если ты когда-нибудь приедешь назад, сюда в пустыню, — Сказал он, — держись подальше от того каменистого холма, где мы остановились сегодня. Беги от него, как от чумы.

— Почему? В чем дело?

— Сейчас не время объяснять это. Сейчас мы озабочены утрачиванием важности самого себя. До тех пор, пока ты чувствуешь, что ты являешься самой важной вещью в мире, ты не можешь в действительности воспринимать мир вокруг себя. Ты как лошадь с шорами. Все, что ты видишь, — это ты сам вне всего остального.

Он рассматривал меня секунду.

— Я собираюсь поговорить с моим дружкой здесь, — сказал он, указывая на небольшое растение. Он встал на колени и начал ласкать растение и говорить с ним. Сначала я не понимал, что он говорит, но затем он поменял языки и стал говорить с растением на испанском. Некоторое время он говорил всякую бессмыслицу. Затем он поднялся.

— Не имеет значения, что ты говоришь растению, — сказал он. — ты можешь даже просто придумывать слова. Что важно, так это чувство симпатии к нему и обращение с ним, как с равным.

Он объяснил, что человек, который собирает растения, каждый раз должен извиняться за то, что он берет их, и должен заверить их, что когда-нибудь его собственное тело будет служить для них пищей.

— Так что в общем, растения и мы сами равны, — сказал он. — ни мы, ни они не являются ни более важными, ни менее важными.

— Давай поговорим с маленьким растением, — сказал он. — скажи ему, что ты не чувствуешь больше собственной важности.

Я пошел настолько далеко, что встал перед растением на колени. Я не мог заставить себя говорить с ним. Я ощутил себя смешным и рассмеялся. Однако, я не был сердит.

Дон Хуан погладил меня по спине и сказал, что все в порядке, что, по крайней мере, я сохранил свое хорошее настроение.

— Начиная с этого времени, разговаривай с маленькими растениями, — сказал он. — разговаривай до тех пор, пока ты не потеряешь всякое чувство важности. Разговаривай с ними до тех пор, пока ты не сможешь этого делать в присутствии других.

— Иди вон в те холмы и попрактикуйся сам.

Я спросил, будет ли правильным говорить с растениями молча, в уме.

Он засмеялся и погладил меня по голове.

— Нет, — сказал он. — ты должен говорить им громким и чистым голосом, если ты хочешь, чтобы они тебе ответили.

Я пошел в то место, которое он указал, смеясь про себя над его эксцентричностью. Я даже попытался разговаривать с растениями, но мое чувство, что я смешон, пересиливало все.

После того, как я думал, что прошло достаточно времени ожидания, я вернулся назад туда, где находился дон Хуан. У меня была уверенность, что он знает, что я не говорил с растениями.

Он не смотрел на меня. Он сделал мне знак сесть с ним рядом.

— Следи за мной внимательно, — сказал он. — я сейчас буду говорить с моим маленьким другом.

Он стал на колени перед небольшим растением и в течение нескольких минут он двигал и раскачивал свое тело, говоря и смеясь при этом.

Я думал, что он сошел с ума.

— Это маленькое растение сказало мне, чтобы я рассказал тебе, что оно пригодно для еды, — сказал он, поднимаясь с колен. — оно сказало, что горсть таких растений сохраняет человеку здоровье. Оно сказало также, что целая полянка таких растений растет вон там.

Дон Хуан указал в сторону склона холма примерно в четырехстах метрах в стороне.

— Пойдем, посмотрим, — сказал он.

Я рассмеялся над его странностями. Я был уверен, что он найдет растения, потому что он был экспертом в знании местности и знал, где растут съедобные и лекарственные растения.

По пути к этому месту он сказал мне невзначай, что мне следовало бы заметить это растение, потому что оно одновременно являлось как пищей, так и лекарством.

Я спросил его полушутя, уж не растение ли ему сказало об этом. Он покачал головой из стороны в сторону.

— Ах! — воскликнул он, смеясь. — твоя умность делает тебя более глупым, чем я думал. Как может маленькое растение сказать мне сейчас то, что я знал всю жизнь?

Затем он продолжал объяснять, что он знал досконально различные особенности этого растения, и что это растение только что сказало ему, что в том месте, на которое он указал, их растет целая полянка, и что оно не имеет ничего против, если он мне это расскажет.

Прибыв на склон холма, я обнаружил целые заросли таких же растений. Я хотел рассмеяться, но он не дал мне времени. Он хотел, чтобы я поблагодарил эти заросли растений. Я мучительно чувствовал самого себя и не мог заставить себя это сделать.

Он доброжелательно улыбнулся и сделал еще одно из своих загадочных заявлений. Он повторил его три или четыре раза, как бы давая мне время уловить его значение.

— Мир вокруг нас — загадка, — сказал он. — и люди ничуть не лучше, чем что-либо еще. Если маленькое растение искренне с нами, мы должны поблагодарить его, или оно, возможно, не даст нам уйти.

То, как он на меня взглянул, говоря мне это, бросило меня в озноб. Я поспешно наклонился над растениями и сказал «спасибо» громким голосом.

Он начал смеяться контролируемо и спокойными раскатами. Мы ходили еще целый час, а затем направились назад к его дому. Один раз я отстал, и он был вынужден меня ждать. Он проверил мои пальцы: держу ли я их подогнутыми? Я этого не делал. Он сказал мне повелительно, что всегда, когда я гуляю с ним, я должен соблюдать и копировать его манеры или же не приходить вовсе.

— Я не могу ждать тебя, как будто ты ребенок, — сказал он укоряющим тоном.

Это заявление бросило меня в глубины раздражения и замешательства. Как это может быть возможным, что такой старый человек может ходить намного лучше, чем я? Я считал себя сильным и атлетом, и, однако же, он действительно должен был ждать, чтобы я догонял его.

Я подогнул мои пальцы и, как это ни странно, я был способен выдерживать его ужасающий шаг без всяких усилий. Фактически временами я чувствовал, что мои руки тащат меня вперед.

Я чувствовал подъем. Я ощущал себя счастливо, оттого что иду беззаботно со странным старым индейцем. Я начал разговаривать и несколько раз спросил его, не покажет ли он мне растение пейота. Он взглянул на меня и не сказал ни слова.

4. СМЕРТЬ — СОВЕТЧИК

Среда, 25 января 1961 года

— Ты меня когда-нибудь будешь учить о пейоте? — спросил я.

Он не ответил, а также, как он делал и раньше, просто посмотрел на меня, как будто я был безумец.

Я уже поднимал эту тему в случайных разговорах с ним несколько раз и раньше, и каждый раз он делал гримасу и качал головой. Это не было утвердительным или отрицательным жестом, скорее, это был жест отчаяния и неверия.

Он резко поднялся. Мы сидели на земле перед его домом. Почти незаметный кивок его головы был приглашением следовать за ним.

Мы пошли в пустынный чапараль в южном направлении. Пока мы шли, он неоднократно упоминал о том, что я должен осознавать бесполезность моей важности самого себя и моей личной истории.

— Твои друзья, — сказал он, резко поворачиваясь ко мне, — Те, кто знал тебя долгое время, ты должен их бросить, и быстро.

Я подумал, что он сумасшедший, и его настойчивость — это идиотизм, но ничего не сказал. Он пристально посмотрел на меня и стал смеяться.

После долгой прогулки мы, наконец, остановились. Я уже собирался сесть и отдохнуть, но он сказал, чтобы я еще прошел 50 метров и поговорил с полянкой растений громким и ясным голосом. Я чувствовал в себе неловкость и сопротивление. Его чудные требования были более, чем я мог вынести, и я сказал ему еще раз, что я не могу говорить с растениями, потому что я чувствую себя смешным. Его единственным замечанием было то, что мое чувство важности самого себя безгранично. Он, казалось, внезапно что-то решил и сказал, что мне не надо разговаривать с растениями до тех пор, пока я не почувствую, что для меня это легко и естественно.

— Ты хочешь изучать их и в то же время ты не хочешь делать никакой работы, — обвинил он. — что ты стараешься делать?

Моим объяснением было то, что я хотел достоверной информации об использовании растений, и поэтому я просил его быть моим информатором. Я даже предложил платить ему за его время и его труды.

— Тебе следовало бы взять деньги, — сказал я. — таким образом мы оба чувствовали себя бы лучше. Я мог бы тебя спрашивать обо всем, чего я хочу, потому что ты бы работал на меня, и я бы платил тебе за это. Что ты думаешь на этот счет?

Он взглянул на меня с возражением и издал отвратительный звук своим ртом, заставив нижнюю губу и язык вибрировать с огромной силой при выходе.

— Вот что я думаю об этом, — сказал он и засмеялся истерически при виде моего крайнего изумления, которое, по всей видимости, отразилось на моем лице.

Мне было ясно, что он не тот человек, с которым я мог бы легко справиться. Несмотря на свой возраст, он был энергичен и невероятно силен. У меня ранее была идея, что, будучи таким старым, он мог бы быть идеальным «информатором» для меня. Старики, как я всегда считал, бывают наилучшими информаторами, поскольку они слишком слабы, чтобы делать что-либо еще, кроме как говорить. Однако же дон Хуан не был жалким субъектом. Я чувствовал, что он неуправляем и опасен. Друг, который нас свел, был прав. Он был эксцентричным старым индейцем, и, хотя и не был большую часть времени вне себя, как рассказывал мой друг, он был еще хуже, он был сумасшедший. Я почувствовал опять ужасное сожаление и тревогу, которые я испытывал раньше. Я уж думал, что преодолел это, и на самом деле у меня не было никаких трудов совершенно уговорить себя, что я хочу навестить его опять. Мне в голову проникла мысль, однако, что, может быть, я сам был немножко сумасшедший, когда я решил, что мне нравится быть с ним. Его идея о том, что мое чувство собственной важности являлось препятствием, действительно сильно повлияло на меня. Но все это было явно только интеллектуальным упражнением с моей стороны. Я ту же секунду, как только я столкнулся с его странным поведением, я ощутил тревогу и захотел уехать.

Я сказал, что считаю, что мы настолько различны, что нет никакой возможности для наших с ним отношений.

— Один из нас должен измениться, — сказал он, уставясь в землю. — и ты знаешь, кто.

Он стал мурлыкать мексиканскую народную песню, а затем поднял голову и взглянул на меня. Его глаза были яростными и горящими. Я хотел взглянуть в сторону или закрыть глаза, но, к своему великому изумлению, я не мог прервать его взгляда.

Он попросил меня рассказать ему, что я видел в его глазах. Я сказал, что ничего не видел, но он настаивал, чтобы я выразил словами то, что его глаза заставили меня почувствовать и вспомнить. Я старался дать ему понять, что единственное, о чем мне его глаза напомнили, так это о моем замешательстве. Что то, как он на меня смотрит, очень неудобно.

Он не отступал. Он по-прежнему пристально смотрел. Это не был прямо угрожающий или злой взгляд. Это скорее был мистический неприятный пристальный взгляд.

Он спросил меня, не напоминает ли он мне птицу.

— Птицу? — воскликнул я.

Он рассмеялся, как ребенок, и отвел свои глаза от меня.

— Да, — сказал он мне мягко. — птицу, очень необыкновенную птицу!

Он опять поймал меня взглядом и скомандовал мне вспоминать. Он сказал мне с необыкновенным убеждением, что он «знает», что я уже видел такой взгляд раньше.

В этот момент у меня было такое чувство, что старик провоцирует меня вопреки всем моим честным желаниям каждый раз, как только он открывал рот. Я опять взглянул на него с явным сопротивлением. Вместо того, чтобы рассердиться, он начал смеяться. Он хлопал себя по ляжкам и завывал, как если бы он объезжал дикую лошадь. Затем он опять стал серьезен и сказал мне, что чрезвычайно важно, чтобы я перестал с ним бороться и вспомнил ту необыкновенную птицу, о которой он мне говорит.

— Посмотри мне в глаза.

Его глаза были необыкновенно яростными. Они вызывали такое чувство, которое действительно напомнило мне о чем-то, но я не был уверен, о чем именно. Я секунду задержался на этом чувстве и затем внезапно понял. Это была не форма его глаз и не форма его головы, но именно какая-то холодная ярость в его взгляде — вот что напомнило мне взгляд глаз сокола. В тот самый момент, когда я это понял, он смотрел на меня вскользь, и на секунду у меня был полный хаос в мыслях. Я подумал, что я вижу очертания сокола вместо очертаний дона Хуана. Картина была слишком мимолетной, и я был слишком взволнованный, чтобы обратиться на нее больше внимания.

Очень взволнованным тоном я рассказал ему, что я мог бы поклясться, что видел очертания сокола в его лице. У него был еще один приступ смеха.

Я видел такой взгляд в глазах соколов. Я часто охотился за ними, когда был мальчиком, и, по мнению бабушки, я был хорошим охотником. У него была ферма лекгорнских кур, и соколы были угрозой его делам. Охота за ними была не только настоящим, но еще и «правильным» делом. Вплоть до этого момента я никогда не вспоминал ярости их глаз и о том, что эта яростность преследовала меня в течение многих лет. Но это было так. Далеко в моем прошлом, которое, как я думал, уже изгладилось в моей памяти.

— Я когда-то охотился на соколов.

— Я знаю, — заметил дон Хуан, как само собой разумеющееся. В его голосе была такая уверенность, что я начал смеяться. Я подумал, что он чудаковатый субъект. Он имел привычку говорить так, как если бы он действительно знал, что я охотился на соколов. Я чувствовал крайнее нерасположение к нему.

— Почему ты так рассердился? — спросил он тоном искреннего участия.

Я не знал, почему. Он стал испытывать меня очень необычным образом. Он попросил меня опять смотреть на него и рассказать об «очень необыкновенной птице», которую он мне напоминал. Я продолжал упорствовать и из духа сопротивления сказал, что тут не о чем говорить. Затем я почувствовал себя обязанным спросить его, почему он сказал, что он знает, что я охотился на соколов. Вместо того, чтобы ответить мне, он опять стал комментировать мое поведение. Он сказал, что я очень злой парень, и что даже при падении шляпы у меня появляется пена у рта. Я запротестовал, что это не так. У меня всегда была такая идея, что я очень уживчив и мирен. Я сказал, что это его вина в том, что он вывел меня из себя своими неожиданными словами и поступками.

— Но почему же гнев? — спросил он.

Я проанализировал свои чувства и реакции. Действительно, у меня не было нужды гневаться на него.

Он опять стал настаивать на том, чтобы я смотрел в его глаза и рассказал ему о «необыкновенном соколе». Он переменял слова. Раньше он говорил «очень необыкновенная птица», теперь он стал говорить «необыкновенный сокол». Перемена слов вызвала изменение в моем собственном настроении. Я внезапно стал чувствовать печаль.

Он прищурил глаза, пока они не превратились в две щелки, и сказал сверхдраматическим голосом, что он «видит» очень странного сокола. Он повторил свое заявление три раза, как если бы он действительно видел его прямо перед собой.

— Разве ты не помнишь его? — спросил он.

Я ничего подобного не помнил.

— Что же с этим соколом необыкновенного? — спросил я.

— Это ты должен сказать мне это, — заметил он.

Я настаивал на том, что я никаким способом не могу узнать, о чем он говорит, поэтому я не могу рассказать ему ничего.

— Не борись со мной, — сказал он. — борись со своей вялостью и вспомни.

Я серьезно пытался на секунду понять его. Мне не приходило в голову, что я точно так же мог пытаться и вспомнить.

— Было время, когда ты видел множество птиц, — сказал он, как бы настраивая меня.

Я сказал ему, что, когда я жил на ферме мальчиком, то я охотился и убивал сотни птиц.

Он сказал, что если это так, то у меня не может быть никакой трудности, чтобы вспомнить всех необыкновенных птиц, на которых я охотился.

Он взглянул на меня с вопросом в глазах, как если бы он только что дал мне последний ключ.

— Но я охотился очень на многих птиц, — сказал я. — поэтому я ничего не могу вспомнить о них.

— Эта птица особенная, — заметил он шепотом. — эта птица — сокол.

— Я снова ушел в размышления над тем, на что он клонит. Что, он дразнит меня? Или он это серьезно? После долгого перерыва он опять попросил меня вспомнить. Я почувствовал,

что бесполезно для меня прервать его игру. Единственное, что я еще мог сделать, это участвовать в ней вместе с ним.

— Ты говоришь о соколе, на которого я охотился? — спросил я.

— Да, — прошептал он с закрытыми глазами.

— Так это произошло, когда я был мальчиком?

— Да.

— Но ты говорил, что ты видишь сокола прямо перед собой сейчас.

— Вижу.

— Что ты пытаешься заставить меня сделать?

— Я пытаюсь заставить тебя вспомнить.

— Что? Бога ради!

— Сокол, быстрый как свет, — сказал он, глядя мне в глаза.

Я почувствовал, что у меня остановилось сердце.

— Теперь взгляни на меня, — сказал он.

Но я не взглянул. Я слышал его голос, как слабый звук, какое-то ошеломляющее воспоминание захватило меня полностью.

Белый сокол!

Все началось со вспышки гнева моего дедушки, когда он подсчитывал своих леггорнских кур. Они исчезали странным и непонятным образом. Он лично организовал и осуществлял тщательные вахты и после нескольких дней неустанного наблюдения мы, наконец, увидели большую белую птицу, улетающую с молодой леггорнской курицей в когтях. Птица была быстрой и явно знала свою дорогу. Она вылетела откуда-то из-за деревьев, схватила курицу и улетела прочь через просвет между двумя ветвями. Это произошло так быстро, что мой дед едва успел заметить это. Но я заметил, и я знал, что это был действительно сокол. Мой дед сказал, что это, должно быть, альбинос.

Мы начали кампанию против сокола-альбиноса и дважды мне казалось, что я попал в него. Он даже выронил свою жертву, но улетел. Он был слишком быстрым для меня. Он был также слишком умен. Он уже больше никогда не возвращался охотиться на ферму моего деда. Я бы забыл о нем, если бы мой дед не подначивал меня охотиться за этой птицей. В течение двух месяцев я преследовал сокола-альбиноса по всей долине, где я жил. Я изучил его повадки, и я почти интуитивно находил пути его полета. Однако, его скорость и внезапность появления всегда ставили меня в тупик. Я мог хвастаться, что помешал ему обхватить его жертву, как это бывало каждый раз, когда мы встречались, но убить его я никак не мог.

За все два месяца, пока я вел эту странную войну против сокола-альбиноса, я лишь однажды был близко от него. Я преследовал его весь день и устал. Я сел отдохнуть и заснул под высоким эвкалиптовым деревом. Внезапный крик сокола разбудил меня. Я открыл глаза, не сделав никакого другого движения, и увидел беловатую птицу, усевшуюся на самых высоких ветвях эвкалипта. Это был сокол-альбинос. Охота окончилась. Это должен был быть трудный выстрел. Я лежал на спине, а птица была повернута ко мне спиной. Я использовал внезапный порыв ветра для того, чтобы заглушить поднятие своего длинного ружья 22 калибра и прицеливания. Я хотел подождать, пока птица повернется, или пока она начнет взлетать, чтобы не промахнуться. Но птица-альбинос оставалась неподвижной. Для того, чтобы лучше прицелиться, мне бы нужно было передвинуться на другое место, а сокол был слишком быстрым, чтобы мне позволить это. Я думал, что лучше всего мне будет подождать, что я и делал долгое бесконечное время. Возможно, что на меня и повлияло, так это долгое ожидание, или, может, это было одиночество того места, где я и птица находились. Я внезапно ощутил озноб на спине, и как совершенно беспрецедентный поступок, я встал и ушел. Я даже не оглянулся посмотреть — взлетела ли птица.

Я никогда не придавал никакого особого значения моему последнему поступку с соколом-альбиносом, и, однако же, было ужасно странно, что я не застрелил его. Я застрелил десятки соколов раньше. На той ферме, где я вырос, охота за птицами или любыми другими животными была в порядке вещей.

Дон Хуан внимательно слушал, пока я ему рассказывал историю сокола-альбиноса.

— Откуда ты узнал о соколе-альбиносе? — спросил я, закончив.

— Я видел его, — ответил он.

— Где?

— Прямо тут, перед тобой.

Я больше не был в настроении спорить.

— Что все это значит? — спросил я.

Он сказал, что белая птица, подобно этой, была знаком, и что не стрелять в нее было единственно правильным поступком, который можно было сделать.

— Твоя смерть дала тебе маленькое предупреждение, — сказал он загадочным тоном. — она всегда приходит, как озноб.

— О чем ты говоришь? — спросил я нервно.

Он действительно расстроил мои нервы своим колдовским разговором.

— Ты многое знаешь о птицах, — сказал он. — многих из них ты убил. Ты знаешь, как ждать. Ты терпеливо ждал часами. Я знаю это. Я вижу это.

Его слова вызвали у меня большое волнение. Я подумал о том, что больше всего меня в нем раздражала его уверенность. Я не мог выносить его догматической убежденности относительно моментов моей собственной жизни, в которых я сам не был уверен. Я ушел в свое чувство отторжения, и я не видел, как он склонился надо мной, пока он не прошептал мне что-то буквально в самое ухо. Сначала я не понял, и он повторил это.

Он сказал, чтобы я осторожно повернулся и взглянул на булыжник слева от меня. Он сказал, что там находится моя смерть, которая смотрит на меня, и если я повернусь в тот момент, когда он даст мне сигнал, то я увижу ее.

Он сделал мне знак глазами. Я повернулся, и мне кажется, я увидел мелькнувшее движение над булыжником. Озноб пробежал по моему телу, мышцы живота непроизвольно сократились, и я испытал потрясение, спазмы. Через секунду я восстановил равновесие и объяснил сам себе ощущение видения мелькнувшей тени, как оптическую иллюзию, вызванную резким поворотом головы.

— Смерть — это наш вечный компаньон, — сказал дон Хуан серьезным тоном. — она всегда слева от нас на расстоянии вытянутой руки. Она наблюдала за тобой тогда, когда ты следил за белым соколом. Она шепнула в твое ухо, и ты почувствовал озноб так же, как ты почувствовал его сегодня. Она всегда наблюдала за тобой, и она всегда будет наблюдать до того дня, когда она тебя похлопает.

Он вытянул левую руку и слегка дотронулся до моего плеча и в то же самое время издал глубокий щелкающий звук языком. Эффект был ужасающим. Мне чуть не стало плохо.

— Ты тот мальчик, который преследовал дичь и терпеливо ожидал, как смерть ждет. Ты хорошо знаешь, что смерть слева от нас, точно так же, как ты был слева от белого сокола.

Его слова имели странную силу, которая погрузила меня в непреодолимый ужас. Единственной моей защитой был порыв записывать все, что он говорит.

— Как может кто-либо чувствовать себя столь важным, когда мы знаем, что смерть преследует нас, — спросил он.

У меня было чувство, что ответа от меня не требуется. Во всяком случае, я не мог ничего сказать. Новое настроение овладело мной.

— Когда ты беспокоен, то следует повернуться налево и спросить совета у своей смерти. Необъятное количество мелочей свалится с тебя, если твоя смерть сделает тебе знак, или если ты заметишь отблеск ее, или если просто у тебя появится чувство, что твой компаньон здесь и ждет тебя.

Он опять наклонился вперед и прошептал в мое ухо, что, если я внезапно повернусь налево по его сигналу, то я вновь смогу увидеть свою смерть на булыжнике.

Его глаза дали мне почти неуловимый сигнал, но я не осмелился посмотреть.

Я сказал ему, что верю ему и что ему не стоит нажимать на этот вопрос в дальнейшем, потому что я боюсь. У него был опять один из его приступов раскатистого смеха.

Он заметил, что вопрос о нашей смерти никогда не поднимают достаточно глубоко. Но я стал спорить, что для меня будет бессмысленным думать о моей смерти, поскольку такие мысли принесут неудобство и страх.

— Ты полон всякой чуши! — воскликнул он. — смерть — это единственный мудрый советчик, которого мы имеем. Когда бы ты ни почувствовал, как ты это чувствуешь обычно, что все идет не так, как надо, и что ты вот-вот пропадешь, повернись к своей смерти и спроси ее — так ли это? Твоя смерть скажет тебе, что ты не прав, что в действительности ничего, кроме ее прикосновения, не имеет значения. Твоя смерть скажет тебе: «я еще не коснулась тебя».

Он качнул головой и, казалось, ожидал моего ответа. Но у меня его не было. Мои мысли неслись наперегонки. Он нанес ужасающий удар моему себялюбию. Мелочность того, чтобы быть недовольным им, была ужасающей в свете моей смерти.

У меня было такое чувство, что он полностью осознает перемену моего настроения. Он повернул поток в свою пользу. Он улыбнулся и начал мурлыкать мексиканский мотив.

— Да, — сказал он мягко после долгой паузы. — один из нас здесь должен измениться, и быстро. Один из нас здесь должен узнать, что смерть — это охотник, и что она всегда находится слева от него. Один из нас здесь должен спросить совета у смерти и бросить проклятую мелочность, которая принадлежит людям, проживающим свои жизни так, как если бы смерть никогда не тронула их.

Мы сидели молча более часа. Затем мы пошли опять. Мы блуждали среди пустынного чапарала часами. Я не спрашивал его, была ли какая-либо причина этому. Это не имело значения. Каким-то образом он заставил меня вновь уловить старое чувство, что-то такое, что я давно совершенно забыл. Спокойную радость от того, что просто движешься, не привязывая к этому никакой интеллектуальной цели.

Я хотел бы, чтобы он дал мне уловить отблеск того, что я увидел на булыжнике.

— Дай мне увидеть ту тень снова, — сказал я.

— Ты имеешь в виду свою смерть, не так ли? — ответил он с оттенком иронии в голосе. Какое-то время я никак не мог сказать об этом.

— Да, — наконец, сказал я. — дай мне увидеть мою смерть еще раз.

— Не сейчас, — сказал он. — ты слишком цельный.

— Извини, я не расслышал.

Он начал смеяться, и по какой-то неизвестной причине его смех не был больше раздражающим или мешающим, как он был раньше. Я не думаю, чтобы он был другим, с точки зрения его высоты или его громкости, или его духа. Новым элементом было мое настроение. В свете моей поджидающей смерти мои страхи и мое раздражение были чепухой.

— Позволь мне тогда поговорить с растениями, — сказал я.

Он зарычал от смеха.

— Ты слишком хорош сейчас, — сказал он, все еще смеясь. — Ты ударяешься из одной крайности в другую. Успокойся. Нет необходимости разговаривать с растениями, если ты не хочешь узнать их секреты. И для этого тебе требуются самые негибкие намерения. Поэтому не растрачивай своих добрых желаний. Нет нужды видеть твою смерть тоже. Достаточно того, что ты чувствуешь ее присутствие рядом с собой.

5. ПРИНИМАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СВОИ ПОСТУПКИ

Вторник, 11 апреля 1961 года

Я приехал к дому дон Хуана ранним утром в воскресенье 9 апреля.

— Доброе утро, дон Хуан, — сказал я. — рад тебя видеть!

Он взглянул на меня и мягко рассмеялся. Он подошел к моей машине, пока я ее устанавливал и подержал дверь открытой, пока я собирал какие-то свертки с едой, которые я привез для него.

Мы подошли к дому и сели перед дверью. Впервые я действительно осознавал, что я тут делаю. В течение трех месяцев я фактически смотрел вперед лишь в том смысле, чтобы вернуться назад к «полевой работе». Казалось, бомба замедленного действия, установленная внутри меня, разорвалась, и я внезапно вспомнил нечто трансцендентальное для меня. Я вспомнил, что когда-то в моей жизни я был очень терпелив и очень эффективен.

Прежде, чем дон Хуан успел что-либо сказать, я задал ему вопрос, который твердо засел у меня в уме. В течение трех месяцев меня преследовало воспоминание о соколеальбиносе. Как он узнал об этом, если я сам забыл о нем.

Он засмеялся, но не ответил. Я упрашивал его сказать мне.

— Это было ничто, — сказал он со своей обычной убежденностью. — любой может сказать, что ты странный. Ты онемевший, и это все.

Я почувствовал, что он снова меня сбивает с рельс и загоняет в угол, в который мне совсем не хочется идти.

— Разве можно видеть нашу смерть? — спросил я, пытаюсь не уходить от темы.

— Конечно, — сказал он, смеясь. — она здесь, с нами.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Я старик, с возрастом узнаешь всякого рода вещи.

Я знаю массу старых людей, но они никогда об этом не знали. Откуда же ты знаешь?

— Что ж, скажем, что я знаю всякого рода вещи, потому что я не имею личной истории и потому что я не чувствую себя более важным, чем кто-либо еще и потому что моя смерть сидит здесь же.

Он вытянул свою левую руку и пошевелил пальцами так, как если бы он действительно что-то трогал.

Я засмеялся. Я знал, куда он заводит меня. Старый черт опять собирается оглушить меня, возможно, моей собственной важностью, но на этот раз меня это не заботило. Воспоминание о том, что когда-то давно я обладал превосходным терпением наполнило меня странной спокойной эйфорией, которая рассеивала большую часть моих чувств нервозности и нетерпимости по отношению к дону Хуану. Вместо этого я ощущал удивление по отношению к его поступкам.

— Кто ты есть на самом деле? — спросил я. Он казался удивленным. Он открыл глаза до огромных размеров и мигнул, как птица, закрывая веки так, как если бы они были пленкой. Веки опустились и поднялись вновь, а его глаза остались в фокусе. Этот маневр испугал меня, и я отшатнулся, а он засмеялся с детской беззаботностью.

— Для тебя я Хуан Матус, я к твоим услугам, — сказал он с преувеличенной вежливостью.

Затем я задал другие вопросы, которые вертелись у меня на языке.

— Что ты со мной сделал в первый день, когда мы встретились? — я имел в виду тот взгляд, которым он меня награждал.

— Я? Ничего, — ответил он невинным тоном.

Я описал ему, что я почувствовал, когда он взглянул на меня, и как это неестественно было для меня онеметь от этого взгляда.

Он смеялся, пока слезы не потекли у него по щекам. Я опять почувствовал волну враждебности по отношению к нему. Я думал, что я был с ним таким серьезным и таким вдумчивым, а он со своими грубыми привычками был таким «индейцем».

Он явно заметил мое настроение и совершенно внезапно перестал смеяться.

После долгого колебания я сказал ему, что его смех раздражал меня, поскольку я серьезно пытался понять то, что со мной случилось.

— Тут нечего понимать, — ответил он спокойно.

Я повторил для него перечень необычных событий, которые имели место с тех пор, как я его встретил, начиная с того колдовского взгляда, которым он на меня взглянул, до воспоминания о соколе-альбиносе и видения на булыжнике тени, о которой он сказал, что это моя смерть.

— Зачем ты все это делаешь со мной? — спросил я его. В моем вопросе не было никакой укоризны. Мне было просто любопытно при чем тут, в частности, я.

— Ты просил меня рассказать тебе то, что я знаю о растениях.

Я заметил нотку сарказма в его голосе. Он говорил так, как будто он подсмеивался надо мной.

— Но то, что до сих пор ты говорил мне, никакого отношения к растениям не имело, — запротестовал я.

Он ответил, что для того, чтобы узнать, нужно время.

У меня было такое чувство, что с ним бесполезно спорить. Я сообразил тогда полный идиотизм легких и абсурдных выводов, который я сделал. Пока я не был дома, я обещал себе, что я никогда не буду терять голову и не буду чувствовать раздражение по отношению к дону Хуану. Однако, в действительной ситуации в ту же минуту, как только он привел меня в замешательство, я испытал новый приступ мелочного раздражения. Я чувствовал, что нет никакого способа для меня взаимодействовать с ним, и это меня сердило.

— Думай о своей смерти сейчас, — сказал дон Хуан внезапно. Она у тебя на расстоянии вытянутой руки. Она может дотронуться до тебя в любой момент. Поэтому, у тебя дома действительно нет времени для ерундовых мыслей и мелочного раздражения. Ни у кого из нас нет времени для этого.

— Ты хочешь знать, что я сделал с тобой в первый день, когда мы встретились? Я «увидел тебя», и я «видел», что ты думаешь, что ты лжешь мне. Но ты не лгал, но на самом деле лгал.

Я сказал ему, что его объяснения поставили меня в еще большее замешательство. Он сказал, что в этом и есть причина того, что он не хочет объяснять своих поступков, и что в объяснении их нет необходимости. Он сказал, что единственная вещь, которая идет в счет, это действия, действия вместо думания.

Он вытащил соломенную циновку и улегся, подперев голову узлом. Он устроился поудобнее, а затем сказал мне, что есть еще одна вещь, которую я должен выполнить, если я действительно хочу изучать растения.

— Что было неправильно в тебе, когда я «увидел» тебя и что неправильно в тебе сейчас, так это то, что ты не любишь принимать ответственности за то, что ты делаешь, — сказал он медленно, как бы давая мне время понять, что он говорит. — когда ты говорил мне все это в автобусной станции, ты сознавал, что все это ложь. Почему ты лгал?

Я объяснил, что моей задачей было найти «ключевого информатора» для своей работы.

Дон Хуан улыбнулся и начал мурлыкать мексиканскую мелодию.

— Когда человек решает что-либо делать, он должен идти до конца, — сказал он. — но он должен принимать ответственность за то, что он делает. Вне зависимости от того, что именно он делает, он должен прежде всего знать, почему он это делает, и затем он должен выполнять свои действия, не имея уже никаких сомнения или сожалений о них.

Он посмотрел на меня внимательно. Я не знал, что сказать. Наконец я выразил мнение, почти как протест.

— Но это невозможно, — сказал я.

Он спросил меня, почему, и я сказал, что, может быть, было бы идеальным, чтобы все думали так, как совпадало бы с тем, что они делают. На практике, однако, нет никакого способа избежать сомнений и сожалений.

— Конечно же, есть способ, — ответил он с убеждением.

— Смотри на меня, — сказал он. — у меня нет сомнений или сожалений. Все, что я делаю, является моим решением и моей ответственностью. Простейшая вещь, которую я делаю, взять тебя на прогулку в пустыню, например, очень просто может быть моей смертью. Смерть преследует меня, поэтому у меня нет места для сомнений или сожалений. Если я должен умереть в результате того, что я возьму тебя на прогулку, значит я должен умереть.

Ты, с другой стороны, чувствуешь, что ты бессмертен. А решения бессмертного человека могут быть изменены, или о них можно сожалеть или подвергать их сомнению. Время имеется только для того, чтобы делать решения.

Я искренне возражал, что по-моему мнению, это не реальный мир, поскольку он спорным образом создан на идеальной форме поведения, и на том, что есть еще какой-то путь для того, чтобы куда-то идти.

Я рассказал ему историю о своем отце, который обычно читал мне бесконечные лекции о чудесах здорового ума в здоровом теле и о том, как молодые люди должны закалять свои тела трудностями и атлетическими соревнованиями. Он был молодым человеком. Когда мне было 8 лет, ему всего только 27. В летнее время, как правило, он возвращался из города, где преподавал в школе, на ферму моего деда, где я жил, чтобы провести со мной по крайней мере месяц. Для меня это был адский месяц. Я рассказал дону Хуану, например, о поведении моего отца, которое, как я думал, очень подходит к настоящей ситуации.

Почти сразу по прибытии на ферму мой отец настаивал на том, чтобы я совершил с ним длинную прогулку так, чтобы мы могли с ним обо всем поговорить. И во время нашего разговора он составлял планы о том, как мы будем ходить купаться каждый день в 6 часов утра. Ночью он ставил будильник на пол шестого, чтобы иметь достаточно времени, потому что ровно в шесть мы должны быть уже в воде. А когда звонок начинал звенеть утром, он выскакивал из постели, надевал очки и подходил к окну, чтобы посмотреть наружу.

Я даже запомнил следующий монолог:

— М-м-м... Немножко облачно сегодня. Послушай, я сейчас прилягу всего минуток на пять, оъкей? Не больше, чем на пять! Я просто собираюсь распрямить свои мышцы и полностью проснуться.

И он всегда без исключения спал после этого до десяти, а иногда и до полудня.

Я рассказал дону Хуану, что меня раздражало его нежелание отказаться от явно надуманных решений. Он повторял этот ритуал каждое утро, пока я, наконец, не оскорбил его чувства, отказавшись заводить будильник.

— Это не были надуманные решения, — сказал дон Хуан, явно принимая сторону моего отца. — он просто не знал, как встать из постели, вот и все.

— Во всяком случае, — сказал я. — я всегда с сожалением отношусь к нереальным решениям.

— Какое же решение будет тогда реальным? — спросил дон Хуан с улыбкой.

— Если бы мой отец сказал себе, что он не может идти плавать в шесть утра, а может, возможно, и в три пополудни.

— Твое решение ранит его душу, — сказал дон Хуан с оттенком большой серьезности.

Я подумал, что уловил нотку печали в его голосе. Некоторое время мы молчали. Моя задиристость испарилась, я думал о своем отце.

— Разве ты не видишь, — сказал дон Хуан, — он не хотел плавать в три часа пополудни.

Его слова заставили меня подпрыгнуть.

Я сказал ему, что мой отец был слаб, и таким же был его мир идеальных поступков, которые он никогда не совершал. Я почти кричал.

Дон Хуан не сказал ни слова. Он медленно в каком-то ритме качал головой. Я чувствовал ужасную печаль. Когда я думал о своем отце, меня всегда охватывало такое всепоглощающее чувство.

— Ты думаешь, что ты был сильнее, не так ли? — спросил он меня как бы невзначай. Я сказал, что да, и начал рассказывать ему обо всей эмоциональной путанице, которую мой отец вносил в меня, но он меня прервал.

— Он был злой с тобой? — спросил он.

— Нет.

— Он был мелочен с тобой?

— Нет.

— Делал ли он для тебя все, что мог?

— Да.

— Тогда что же в нем неправильно?

Опять я начал кричать, что он был слабый, но спохватился и понизил голос. Я чувствовал себя несколько в странном положении, что дон Хуан меня допрашивает.

— Для чего ты все это делаешь? — спросил я. — ведь предполагалось, что мы будем говорить о растениях? — я чувствовал себя раздраженным и подавленным более, чем когда-либо. Я сказал ему, что ему нет дела, что у него нет даже малейшего права судить о моем поведении. И он разразился животным смехом.

— Когда ты сердисься, ты всегда чувствуешь себя правым? — сказал он и мигнул, как птица.

Он был прав. У меня была тенденция к тому, чтобы чувствовать себя оправданным в том, что я сержусь.

— Давай не будем говорить о моем отце, — сказал я, борясь за хорошее настроение. — давай будем говорить о растениях.

— Нет, давай поговорим о твоём отце, — настаивал он. — это то самое место, с которого следует начать сегодня. Если ты думаешь, что ты был настолько сильнее, чем он, почему ты не ходил плавать в шесть часов утра вместо него?

Я сказал ему, что я не мог поверить в то, что он серьезно просит меня об этом. Я всегда считал, что плавание в шесть часов утра — это дело моего отца, а не мое.

— Это было также и твоим делом с того момента, как ты принял его идею, — бросил в меня дон Хуан.

Я сказал, что я никогда не принимал ее, что я всегда знал, что мой отец неискренен сам с собой. Дон Хуан поинтересовался, как само собой разумеющимся, почему я не высказал своего мнения в тот раз.

— Ты же не говорил своему отцу подобных вещей, — сказал я, как слабое объяснение.

— Почему же нет?

— В моем доме так не делалось, вот и все.

— Ты делал в своем доме еще худшие вещи, — заявил он, как судья со своего кресла. — единственная вещь, которую ты никогда не делал — это почтить свой дух.

В его словах была такая разрушительная сила, что слова его вызывали у меня в уме отклик. Он разрушил все мои защиты, я не мог с ним спорить. Я нашел спасение в записывании своих заметок.

Я попытался выставить последние слабые объяснения и сказал, что всю мою жизнь мне встречались люди такого же сорта, как мой отец, которые так же, как мой отец, вовлекали меня в свои схемы, и, как правило, я всегда оставался болтаться ни при чем.

— Ты жалуешься, — сказал он мягко. — ты жаловался всю свою жизнь, потому что ты не принимаешь ответственности за свои решения. Если бы ты принял ответственность в отношении идеи твоего отца в том, чтобы плавать в шесть часов утра, то ты бы плавал сам, если нужно. Или же бы ты послал его к черту в первый же раз после того, как ты узнал его уловки. Но ты не сказал ничего, поэтому ты был такой же слабый, как твой отец.

— Принимать ответственность за свои решения означает, что человек готов умереть за них.

— Подожди, подожди, — сказал я, — тут ты все переворачиваешь.

Он не дал мне закончить. Я собирался сказать ему, что своего отца я взял просто как пример нереального способа действовать, и что никто в здравом уме не захочет умирать за такую идиотскую вещь.

— Не имеет никакого значения, что это за решение, — сказал он. — ничто не может быть более или менее серьезным, чем что-либо другое. Разве ты не видишь? В том мире, где смерть-охотник, нет маленьких или больших решений. Есть только те решения, которые мы делаем перед лицом нашей неминуемой смерти.

Я ничего не мог сказать. Прошел, может быть, час. Дон Хуан был совершенно неподвижен на своей циновке, хотя он не спал.

— Почему ты рассказал мне все это, дон Хуан? — спросил я. — почему ты все это делаешь со мной?

— Ты пришел ко мне, — сказал он. — нет, это было не так, ты был приведен ко мне, и я сделал с тобой свой уговор.

— Что ты говоришь?

— Ты мог иметь свой уговор с твоим отцом, плавая вместе с ним, но ты это не сделал, может быть потому, что ты был слишком молод. Я жил дольше тебя. На мне ничего не висит. В моей жизни нет спешки, и поэтому я могу должным образом делать с тобой уговор.

После обеда мы отправились на прогулку. Я легко выдерживал его шаг и опять восхищался его поразительной физической выносливостью. Он шагал так легко и такими

уверенными шагами, что рядом с ним я был похож на ребенка. Мы пошли в восточном направлении. Я заметил тогда, что он не любит разговаривать, пока идет. Если я заговаривал с ним, то он должен был остановиться для того, чтобы мне ответить. Через пару часов мы пришли к холму. Он сел и сделал мне знак, чтобы я сел рядом с ним. Он заявил насмешливо-драматическим тоном, что собирается рассказать мне сказку.

Он сказал, что давным-давно жил-был молодой человек, по происхождению индеец, который жил среди белых людей в городе. У него не было ни дома, ни родственников, ни друзей. Он пришел в город искать свое счастье, а нашел только нищету и боль. Время от времени он получал несколько центов, работая, как мул, которых едва хватало на кусок хлеба. Все остальное время он вынужден был выпрашивать или воровать пищу.

Дон Хуан сказал, что однажды молодой человек пошел на базар. Он ходил взад и вперед по улице очарованный. Его были тут собраны. Он был так захвачен этим, что не смотрел, куда идет, и кончил тем, что, споткнувшись, через корзины упал на какого-то старика.

Старик нес четыре огромных кувшина, сделанных из тыквы и только что присел, чтобы отдохнуть и поесть. Дон Хуан улыбнулся знающе и сказал, что старик нашел крайне странным тот факт, что молодой человек налетел на него. Он не рассердился, что его потревожили, но поразился тому, почему именно этот молодой человек упал ему на голову. Молодой человек, напротив, был рассержен и сказал ему, чтобы он убирался с дороги. Ему совершенно не было дела до глубоких причин их встречи. Он не заметил, что их пути фактически пересеклись.

Дон Хуан мимикой изобразил движения кого-то, кто старается поймать что-то укатывающееся прочь. Он сказал, что кувшины старика упали и теперь катились вниз по улице. Когда молодой человек увидел кувшины, он подумал, что нашел себе пищу на этот день.

Он помог старику, настоял на том, чтобы помочь ему нести тяжелые кувшины. Старик сказал ему, что он собирается домой в горы, но молодой человек настаивал на том, чтобы идти вместе с ним, по крайней мере, часть пути.

Старик пошел по дороге к горам, и, пока они шли, он дал молодому человеку немного пищи из той, которую он купил на базаре. Молодой человек досыта наелся и, когда он был удовлетворен полностью, то стал замечать, какие тяжелые кувшины и покрепче обхватил их.

Дон Хуан открыл свои глаза и улыбнулся с дьявольской гримасой, сказав затем, что молодой человек спросил: «что ты несешь в этих кувшинах?» Старик не ответил, но сказал ему, что он собирается показать ему компаньона или друга, который сможет развеять его печали и дать ему совет и мудрость относительно жизни в мире.

Дон Хуан сделал величественное движение обеими руками и сказал, что старик подозвал прекраснейшего оленя, какого когда-либо видел молодой человек. Олень был такой ручной, что он подошел к нему и ходил вокруг него. Он переливался и сиял. Молодой человек был очарован и сразу же понял, что это был «олень-дух». Старик сказал ему тогда, что если он хочет иметь этого друга и его мудрость, то все, что он для этого должен сделать, так это отдать кувшины.

Гримаса дона Хуана изобразила амбицию. Он сказал, что мелочные желания молодого человека были возбуждены при такой просьбе. Глаза дона Хуана стали маленькими и дьявольскими, когда он произносил вопрос молодого человека: «что у тебя там в этих четырех огромных кувшинах?»

Дон Хуан сказал, что старик очень искренне ответил, что он несет пищу и воду. Он перестал рассказывать сказку и прошелся пару раз по кругу. Я не знал, что он делает, очевидно, это была часть сказки. Кружение на месте, видимо, изображало размышления молодого человека.

Дон Хуан сказал, что, конечно же, молодой человек не поверил ни единому слову. Он посчитал, что если старик, который был, очевидно, волшебником, хочет дать «олень-духа» за свои кувшины, то кувшины должны быть наполнены совершенно невероятным могуществом.

Дон Хуан опять искривил свое лицо в дьявольскую гримасу, сказав, что молодой человек заявил о своем желании иметь кувшины. Тут последовала долгая пауза, которая, казалось, означала конец сказки. Дон Хуан оставался спокойным, однако, я был уверен, что он хочет, чтобы я спросил о ней, что я и сделал. «что случилось с молодым человеком?» — Глаза были дикими при виде всех тех хороших вещей, которые...

Последовала еще одна длинная пауза. Я засмеялся. Я подумал, что это была настоящая «индейская сказка».

Глаза дона Хуана сияли, когда он улыбался мне. Его вид был сама невинность. Он начал смеяться тихими раскатами и спросил меня:

— Разве ты не хочешь узнать, что было в кувшинах?

— Конечно, хочу знать. Я думал, что это уже конец сказки.
— О, нет, — сказал он с предательским светом в глазах. — Молодой человек взял свои кувшины и, убежав в укромное место, открыл их.
— Что же он нашел? — спросил я.
Дон Хуан посмотрел на меня, и я почувствовал, что он осознает мою умственную гимнастику. Он покачал головой и усмехнулся.
— Ну, — спросил я, — кувшины были пустыми?
— Там была только пища и вода внутри кувшинов, — сказал он. — и молодой человек в порыве гнева разбил их о камни.
Я сказал, что его реакция была вполне естественна. Любой на его месте сделал бы то же самое.

Дон Хуан сказал, то молодой человек был дурак, который не знал, что он ищет. Он не знал, каким бывает «могущество», поэтому он не мог сказать, нашел он его или нет. Он не принял ответственности за свои решения и поэтому был рассержен своим промахом. Он ожидал что-то получить, но вместо этого не получил ничего. Дон Хуан предположил, что, если бы я был этим молодым человеком, и если бы я следовал своим склонностям, то у меня бы тоже кончилось злостью и сожалением, и я бы без сомнения провел остаток своей жизни, жалея о самом себе и о том, что я потерял.

Затем он объяснил поведение старика. Он умно накормил молодого человека, чтобы дать ему «смелость удовлетворенного живота». Таким образом, молодой человек, найдя в кувшинах только пищу, разбил их в порыве гнева.

— Если бы он осознал свое решение и брал на себя ответственность занего, — сказал дон Хуан, — то он бы взял пищу и был бы ею более, чем удовлетворен. А, может быть, он смог бы даже понять, что пища тоже была могуществом.

6. СТАНОВЛЕНИЕ ОХОТНИКОМ

Пятница, 23 июня 1961 года.

Как только я уселся, я забросал дон Хуана вопросами. Он не ответил мне и сделал нетерпеливый жест рукой, чтобы меня унять. Он, казалось, был в серьезном настроении.

— Я думаю, что ты совсем не изменился за все то время, пока ты пытался научиться чему-нибудь о растениях, — сказал он с укором.

Он начал громким голосом перечислять все те изменения личности, которые он мне рекомендовал предпринять. Я сказал, что я все это очень серьезно рассмотрел и нашел, что я, пожалуй, не смогу их выполнить, потому что каждое из них идет вразрез с моими убеждениями. Он заметил, что просто рассматривать их недостаточно, и то, что он мне сказал, было сказано не для забавы. Я стал опять настаивать, что, хотя я и мало сделал в смысле приспособления моей личной жизни к его идеям, но я действительно хотел научиться использованию растений.

После долгого неловкого молчания я смело спросил его:

— Будешь ли ты учить меня о пейоте, дон Хуан?

Он сказал, что одного моего намерения недостаточно и что узнать что-либо о пейоте, он назвал его «мескалитом», в первый раз — дело серьезное. Казалось, сказать было больше нечего.

Однако, в начале вечера он устроил для меня испытание. Он поставил передо мной проблему, не дав никаких ключей к ее решению: найти благоприятное место или пятно на участке прямо перед его дверью, где мы обычно сидели и разговаривали. Пятно, где я мог бы всегда себя чувствовать счастливым и полным энергии. В течение ночи, пока я пытался найти «пятно», катаясь по земле, я дважды заметил перемену окраски однообразно темного грязного поля на указанном участке.

Проблема меня утомила, и я заснул на том месте, где я заметил перемену в окраске. Утром дон Хуан разбудил меня и заявил, что мой опыт был очень удачным. Я не только нашел благоприятное место, которое искал, но я также нашел противоположное ему — враждебное или отрицательное пятно и окраски, связанные с тем и другим.

Суббота, 24 июня 1961 года.

Ранним утром мы отправились в пустынный чапараль. Пока мы шли, дон Хуан объяснил мне, что нахождение «благоприятного» или «враждебного» пятна было очень важной потребностью человека, находящегося в диком месте. Я хотел перевести разговор на тему о пейоте, но он просто отказался разговаривать об этом. Он предупредил меня, что об этом не должно и упоминаться до тех пор, пока он сам не поднимет эту тему.

Мы уселись отдохнуть в тени высоких кустов в районе, поросшем густой растительностью. Пустынный чапараль вокруг нас еще не совсем высох. Это был теплый день, и мухи совсем

замучили меня в то время, как они, казалось, совсем не беспокоили дон Хуана. Я думал, что он, может быть, просто игнорирует их, но потом я заметил, что они совершенно не садятся на его лицо.

— Иногда бывает необходимо найти благоприятное место быстро на открытой местности, — продолжал дон Хуан. — или, может быть, необходимо быстро определить, не является ли плохим то место, куда как раз собираешься сесть. Однажды мы сели отдохнуть около холма, и ты стал очень сердитым и беспокойным. Это место было враждебным тебе. Малышка ворона дала тебе предупреждение — помнишь?

Я вспомнил, что он предупреждал меня избегать этого места в будущем. Я вспомнил также, что рассердился из-за того, что он не давал мне смеяться.

— Я думал, что ворона, которая пролетела над головой, была знаком для меня одного, — сказал он. — я бы никак не заподозрил, чтобы вороны были дружественными по отношению к тебе тоже.

— О чем ты говоришь?

— Ворона была знаком, — сказал он. — если бы ты знал о воронах, то ты бы избегал этого места, как чумы. Однако вороны не всегда бывают под рукой, чтобы дать предупреждение, и ты должен сам научиться находить подходящее место для ночлега или отдыха.

После долгой паузы дон Хуан внезапно повернулся ко мне и сказал, что для того, чтобы найти подходящее место для отдыха, все, что мне нужно сделать, так это скосить глаза. Он понимающе взглянул на меня и конфиденциальным тоном сказал, что я сделал, должно быть, именно это, когда катался по его двору, и таким образом смог найти два пятна и их окраски. Он дал мне понять, что его поразило мое достижение.

— Я в самом деле не знаю, что я сделал, — сказал я.

— Ты скосил свои глаза, — сказал он с ударением. — это и есть техника. Ты, должно быть, сделал это, хотя и не помнишь.

Дон Хуан затем описал технику, совершенное владение которой, как он сказал, потребует годы практики и которая состояла в том, чтобы постепенно заставлять глаза видеть раздельно одно и то же изображение. Отсутствие совпадения изображений вызывало двойное восприятие мира. Это двойное восприятие, согласно дону Хуану, давало возможность судить об изменениях в окружающем, которые глаза обычно не способны воспринять.

Дон Хуан стал подбивать меня попробовать это. Он заверил меня, что для зрения это не вредно. Он сказал, что я должен начать с того, чтобы смотреть короткими взглядами, почти уголками глаз. Он указал на большой куст и показал мне, как. У меня было очень странное ощущение, когда я видел, как глаза дон Хуана бросали на куст невероятно быстрые взгляды. Его глаза напомнили мне тех непоседливых зверьков, которые не могут смотреть прямо. Мы прошли, наверное, час, в то время, как я старался не фокусировать свой взгляд ни на чем. Затем дон Хуан попросил меня начать разделять изображения, воспринимаемые каждым из моих глаз. Еще через час или около того у меня ужасно заболела голова, и я вынужден был остановиться.

— Ты думаешь, что ты сам сможешь найти для нас подходящее место отдохнуть? — спросил он меня. У меня не было никакого представления о том, что скрывается под критерием «подходящее место». Он терпеливо объяснил, что смотрение короткими взглядами позволяет глазам поймать необычные виды.

— Как это? — спросил я.

— Это не виды на самом деле, — сказал он. — это больше похоже на чувство. Если ты посмотришь на куст или дерево, или камень, где ты собираешься отдохнуть, то твои глаза могут дать тебе почувствовать, является ли это место лучшим местом для отдыха.

Я опять стал упрашивать его описать на что похожи эти чувства. Но он то ли просто не мог их описать, то ли просто не хотел этого делать. Он сказал, что я должен попрактиковаться в выборе места и затем он мне скажет, подействовали мои глаза или нет.

Один раз я уловил вид того, что, как мне показалось, было галькой, отражавшей свет. Я не мог увидеть этого света, если бы я сфокусировал мои глаза на ней, но если я охватывал участок быстрыми взглядами, то я мог уловить какого-то рода слабый отблеск. Я указал это место дону Хуану. Оно находилось на середине открытой незатененной площадки, лишенной густых кустов. Он громко расхохотался и затем спросил меня, почему я выбрал именно это место. Я объяснил, что увидел отблеск.

— Мне нет дела до того, что ты видел, — сказал он. — ты можешь увидеть слона. Что ты почувствовал, вот что важно.

Я не чувствовал ничего совсем. Он бросил на меня загадочный взгляд и сказал, что он хотел бы составить мне компанию и сесть отдохнуть вместе со мной там. Но он собирается сесть где-нибудь еще, пока я буду испытывать свой выбор.

Я сел, а он смотрел на меня с любопытством с расстояния 10-15 метров. Через несколько минут он начал громко смеяться. Каким-то образом его смех нервировал меня. Он выводил меня из себя. Я почувствовал, что он насмехается надо мной и рассердился. Я начал сам у себя спрашивать мотивировки к тому, чтобы находиться здесь. Что-то было явно неладным в том, как протекали наши взаимоотношения с доном Хуаном. Я почувствовал, что я просто пешка в его когтях. Внезапно дон Хуан бросился ко мне со всей быстротой и потащил меня за руку волоком 3-4 метра. Он помог мне подняться и вытер пот со лба. Тут я заметил, что он выдохся до последнего предела. Он похлопал меня по спине, и сказал, что я выбрал неправильное место, и ему пришлось спасать меня действительно срочно, потому что он увидел, что место, где я сидел, готово было уже захватить все мои чувства. Я засмеялся. Картина того, как дон Хуан бросился на меня, была очень забавной. Он действительно бежал, как юноша. Его ноги двигались так, как если бы он захватывал мягкую красноватую землю пустыни для того, чтобы катапультироваться через меня. То я видел, что он надо мной смеется, а то через секунду он уже тащил меня за руку.

Через некоторое время он стал уговаривать меня продолжить поиски подходящего для отдыха места. Мы продолжали идти, но я не замечал и не «чувствовал» совершенно ничего. Может быть, если бы я был более расслаблен, то я бы заметил или почувствовал что-нибудь, однако, я перестал сердиться на него. Наконец, он указал на какие-то камни, и мы остановились.

— Не разочаровывайся, — сказал дон Хуан. — нужно долгое время, чтобы правильно натренировать глаза.

Я ничего не сказал. Я не собирался разочаровываться из-за чего-то, чего я совсем не понимал. Однако, я был вынужден признать, что уже трижды, с тех пор как я начал навещать дон Хуана, я становился очень сердит и бывал разъярен до такой степени, что чуть ли не заболел, сидя на тех местах, которые он называл плохими.

— Трюк состоит в том, чтобы чувствовать глазами, — сказал он. — сейчас твоя проблема в том, что не знаешь, что чувствовать. Однако же это придет к тебе с практикой.

— Может быть, ты скажешь мне, дон Хуан, что я должен чувствовать?

— Это невозможно.

— Почему?

— Никто не может тебе сказать, что ты будешь ощущать. Это не тепло и не свет, и не сияние, и не окраска. Это что-то еще.

— Можешь ты описать это?

— Нет. Все, что я могу сделать, так это дать тебе технику. Как только ты научишься разделять изображения и видеть все вдвойне, ты должен фокусировать свое внимание на участке между этими двумя изображениями. Любое изменение, стоящее внимания, будет происходить именно там, в этом районе.

— Какого рода эти изменения?

— Это неважно. Важно чувство, которое ты будешь получать. Все люди различны. Ты видел отблеск сегодня, но это ничего не значит, потому что отсутствовало чувство. Я не могу тебе рассказать, как чувствовать, ты должен научиться этому сам.

В течение некоторого времени мы отдыхали в молчании. Дон Хуан закрыл свое лицо шляпой и оставался неподвижным, как если бы спал. Я ушел в записывание своих заметок, пока он не сделал внезапного движения, которое заставило меня подскочить. Он резко сел и посмотрел на меня, делая гримасу.

— У тебя есть склонность к охоте, — сказал он. — именно этому ты должен учиться охоте. Ты больше не будешь говорить о растениях.

Он выставил на секунду вперед свою челюсть, затем хитро добавил:

— Во всяком случае, я не думаю, что нам придется это когда-либо делать. Не так ли? — и засмеялся.

Остаток дня мы провели, бродя в разных направлениях, в то время, как он давал мне невероятно детальные объяснения о гремучих змеях. То, как они гнездятся, то, как они двигаются, их сезонное поведение, их уловки и их привычки. Затем он продолжал разрабатывать каждый из пунктов, которые заметил и, наконец, он поймал и убил большую змею. Он отрезал ей голову, вычистил внутренности, ободрал, а мясо пожарил. В его движениях была такая грация и ловкость, что чистым удовольствием было просто находиться рядом с ним. Я слушал его и следил за ним очарованно. Концентрация внимания у меня была настолько полной, что весь остальной мир практически исчез.

Есть змею было грубым возвращением в мир обычных дел. Я почувствовал тошноту, как только начал жевать кусочек змеиного мяса. Это было ложное отвращение, поскольку мясо было прекрасно. Но мой желудок, казалось, был независимой единицей. Я едва смог

проглотить кусочек. Я думал, что у дон Хуана будет сердечный приступ из-за того, как он смеется.

После этого мы уселись для ленивого отдыха в тени скал. Я начал работать над своими заметками, и их объем заставил меня понять, что он дал мне поразительно большое количество информации о гремучих змеях.

— Твой охотничий дух вернулся к тебе, — сказал дон Хуан с серьезным видом. — теперь ты попался.

— Прошу прощения?

Я хотел, чтобы он уточнил свое заявление относительно того, что я попался, но он только смеялся и повторял его.

— Как я попался? — настаивал я.

— Охотники всегда будут охотиться, — сказал он. — я сам охотник.

— Ты хочешь сказать, что охотишься для того, чтобы жить.

— Я охочусь для того, чтобы жить. Я могу жить повсюду на земле.

Он указал рукой на все окружение.

— Быть охотником значит, что ты много знаешь. Это значит, что ты можешь видеть мир по-разному. Для того, чтобы быть охотником, нужно быть в совершенном равновесии со всем остальным. Иначе охота превратится в бессмысленное повседневное занятие. Например, сегодня мы поймали змейку. Я вынужден был извиниться перед ней за то, что прервал ее жизнь так внезапно и так окончательно. Я сделал то, что я сделал, зная, что моя собственная жизнь так же будет оборвана однажды тем же самым образом — внезапно и окончательно. Так что в целом мы и змеи на одной ступеньке. Одна из них накормила нас сегодня.

— Я никогда не понимал такого равновесия, когда я охотился, — сказал я.

— Это неправда, ты не просто убивал животных. Ты и твоя семья ели дичь.

Его заявление несло в себе уверенность человека, который был там. Разумеется, он был прав. Были времена, когда я снабжал случайным мясом дичи всю мою семью.

После колебания я спросил:

— Откуда ты узнал об этом?

— Определенные вещи я просто знаю, — сказал он. — хотя я не могу тебе сказать, как.

Я рассказал ему, что мои тетки и дядья очень серьезно называли всех птиц, каких я приносил, «фазаны».

Дон Хуан сказал, что он очень легко себе может представить, как они называют «маленьким фазаном», и добавил с комической мимикой, как они будут жевать его. Необычные движения его челюстей вызвали во мне ощущение, что он действительно пережевывает птицу вместе с костями и перьями.

— Я действительно думаю, что у тебя есть склонность к охоте, — сказал он, глядя на меня. — а мы с тобой не за тот конец взяли. Может быть, ты захочешь изменить свой образ жизни для того, чтобы стать охотником.

Он напомнил мне, что я нашел с очень малой затратой сил с моей стороны, что в мире есть для меня хорошие и плохие места. Он добавил также, что я обнаружил специфические окраски, связанные с ними.

— Это означает, что у тебя склонность к охоте, — провозгласил он. — не всякий, кто попытается, найдет свои места и их окраску в одно и то же время.

— Быть охотником звучало очень красиво и романтически. Но для меня это был абсурд, поскольку я не интересовался охотой как-либо в особенности.

— Тебе не нужно заботиться о том, чтобы охотиться или любить охоту, — ответил он на мою жалобу. — у тебя есть естественная склонность. Я полагаю, что самые лучшие охотники никогда не любили охотиться. Они делают это хорошо и в этом все.

У меня было ощущение, что дон Хуан способен любой спор перевести на свою дорожку, и в то же время он утверждал, что совсем не любит разговаривать.

— Это так же, как то, что я тебе рассказывал об охотниках, — сказал он. — совсем не обязательно, чтобы я любил разговаривать. У меня просто есть склонность к этому, и я делаю это хорошо. Вот и все.

Я нашел его умственную подвижность действительно необыкновенной.

— Охотники должны быть исключительно жесткими индивидуумами, — продолжал он. — охотник очень мало оставляет случаю.

Я все время пытался убедить тебя, что ты должен научиться жить по-другому. До сих пор я не добился успеха. тебе не за что было ухватиться. Теперь все по-другому. Я вернул назад твой дух охотника. Может быть, через него ты переменишься.

Я протестовал, что не хочу быть охотником. Я напомнил ему, что в самом начале я хотел, чтобы он мне просто рассказал о лекарственных растениях, но он заставил меня уйти

настолько далеко от моей первоначальной цели, что я уже не могу ясно вспомнить, действительно ли я хотел учиться о растениях.

— Хорошо, — сказал он. — действительно хорошо. Если у тебя нет такой ясной картины того, что ты хочешь, ты можешь стать более смиренным.

— Давай скажем так. Для твоих целей, в действительности, не важно, будешь ли ты учиться о растениях или об охоте. Ты сказал мне это сам. Ты интересуешься всем, что тебе кто-либо может сказать. Правда?

Я сказал ему действительно так, пытаюсь описать тематику антропологии и для того, чтобы привлечь его, как своего информатора.

Дон Хуан усмехнулся, очевидно, осознавая свой контроль над ситуацией.

— Я охотник, — сказал он, как бы читая мои мысли. — я очень мало оставляю случаю. Может быть, мне следует объяснить тебе, что я учился тому, чтобы быть охотником. Я не всегда жил так, как живу сейчас. В одной из точек своей жизни я должен был измениться. Теперь я указываю тебе направление. Я веду тебя. Я знаю, что я говорю. Кто-то научил меня всему этому, я не выдумал этого сам.

— Ты хочешь сказать, что у тебя был учитель, дон Хуан?

— Скажем так, что некто учил меня охотиться так, как я хочу научить теперь тебя, — сказал он и быстро переменял тему.

— Я думаю, что когда-то охота была одним из величайших действий, которые мог выполнять человек. Все охотники были могущественными людьми. И на самом деле охотник был вынужден быть могущественным, для того, чтобы выстоять напор той жизни.

Внезапно меня охватило любопытство. Уж не говорит ли он о времени, предшествующем завоеванию? Я начал прощупывать его.

— Когда было то время, о котором ты говоришь?

— Давным-давно.

— Когда? Что означает давным-давно?

— Это означает давным-давно, или, может, это означает сейчас, сегодня. Это не имеет значения. Однажды люди знали, что охотник является лучшим из людей. Теперь не каждый это знает. Но есть достаточное количество людей, которые знают. Я это знаю. Однажды ты будешь знать. Понимаешь, что я имею в виду?

— Что, это индейцы-яки думают так об охотниках? Именно это я хочу узнать.

— Не обязательно.

— А индейцы пима?

— Не все они, но некоторые.

Я назвал различные соседние группы, я хотел подбить его к заявлению, что охота была разделяемым поверьем и практикой особых людей. Но он избегал прямого ответа, поэтому и переменял тему.

— Зачем ты все это делаешь для меня, дон Хуан? — спросил я. Он снял свою шляпу и почесал виски с разыгранным замешательством.

— Я имею уговор с тобой, — сказал он мягко. — у других людей есть такой же уговор с тобой. Когда-нибудь у тебя у самого будет такой уговор с другими. Скажем, что сейчас мой черед. Однажды я обнаружил, что, если я хочу быть охотником, достойным самоуважения, то я должен изменить свой образ жизни. Обычно я очень много хлюпал носом и жаловался. У меня были веские причины к тому, чтобы чувствовать себя обделенным. Я индеец, а с индейцами обращаются, как с собаками. Я ничего не мог сделать, чтобы исправить такое положение. Поэтому все, что мне оставалось, так это моя печаль. Но затем фортуна сжалилась надо мной, и некто научил меня охотиться. И я понял, что то, как я жил, не стоило того, чтобы жить... Поэтому я изменился.

— Но я счастлив своей жизнью, дон Хуан. Зачем я должен менять ее?

Он начал петь мексиканскую песню очень мягко, а затем стал мурлыкать ее мотив. Его голова покачивалась вверх и вниз, следуя ритму песни.

— Ты думаешь, что ты и я равны? — спросил он резким голосом.

Его вопрос застал меня врасплох. Я ощутил странное гудение в ушах, как если бы он действительно выкрикнул свои слова, чего он на самом деле не сделал. Однако в его голосе был металлический звук, который отозвался у меня в ушах.

Я поковырял в левом ухе мизинцем левой руки. Мои уши чесались все время, и я постоянно и нервно протирал их изнутри мизинцами. Эти движения были подрагиваниями моих рук целиком.

Дон Хуан следил за моими движениями с явной заинтересованностью.

— Ну... Равны мы? — спросил он.

— Конечно, мы равны, — сказал я.

В действительности, я оказывал снисхождение. Я чувствовал к нему очень большое тепло, несмотря на то, что временами я просто не знал, что с ним делать. И все же я держал в уголке своего мозга, хотя никогда и не произносил этого, веру в то, что я, будучи студентом университета, человеком цивилизованного западного мира, был выше, чем индеец.

— Нет, — сказал он спокойно. — мы не равны.

— Но почему же, мы действительно равны, — запротестовал я.

— Нет, — сказал он мягким голосом, — мы не равны. Я охотник и воин, а ты — паразит.

У меня челюсть отвисла. Я не мог поверить, что дон Хуан действительно сказал это. Я уронил записную книжку и оглушено уставился на него, а затем, конечно, я разъярился.

Он взглянул на меня спокойными и собранными глазами. Я отвел глаза, и затем он начал говорить. Он выражал свои слова ясно. Они текли гладко и смертельно. Он сказал, что я паразитирую за счет кого-либо другого. Он сказал, что я не сражаюсь в своих собственных битвах, но в битвах каких-то неизвестных людей, что я не хочу учиться о растениях или об охоте или о чем-нибудь еще, и что его мир точных поступков и чувств, и решений был бесконечно более эффективен, чем тот разболтанный идиотизм, который я называю «моя жизнь».

После того, как он окончил говорить, я был нем. Он говорил без агрессивности или недовольства, но с такой силой и в то же время с таким спокойствием, что я даже не сердился больше.

Мы молчали. Я чувствовал раздражение и не мог думать ни о чем и не мог ничего подходящего сказать. Я ждал, пока он нарушит тишину. Проходили часы. Дон Хуан постепенно становился неподвижным, пока его тело не приобрело странную, почти пугающую застывшесть. Его силуэт стало трудно различать по мере того, как темнело. И, наконец, когда стало совершенно темно вокруг нас, он слился с чернотой камней. Его состояние неподвижности было таким полным, что, казалось, он не существует больше. Была уже полночь, когда я, наконец, понял, что он может и будет оставаться неподвижным в этой глуши в этих скалах, может быть, всегда, если ему так нужно. Его мир точных поступков и чувств и решений был действительно выше моего.

Я тихо дотронулся до его руки, и слезы полились у меня.

7. БЫТЬ НЕДОСТИЖИМЫМ

Четверг, 29 июня 1961 года.

Опять дон Хуан, как он это делал каждый день в течение почти недели, держал меня под очарованием всяческих особых деталей насчет поведения дичи. Сначала он объяснил, а затем разработал ряд охотничьих тактик, основанных на том, что он называл «повороты куропаток». Я настолько полностью ушел в его объяснения, что прошел целый день, а я не заметил, как бежит время. Я даже забыл съесть лэнч. Дон Хуан сделал шутливое замечание, что это совершенно необычное для меня — пропустить еду.

К концу дня он поймал пять куропаток в крайне хитроумную ловушку, которую он научил меня собирать.

— Двух нам хватит, — сказал он и отпустил троих.

Затем он научил меня, как жарить куропаток. Я хотел наломать кустарника и сделать жаровню так, как делал это мой дед, перекладывая дичь веточками и обмазывая ее глиной. Но дон Хуан сказал, что нет никакой нужды калечить кустарник, поскольку мы уже убили куропаток.

Окончив есть, мы очень лениво пошли в направлении скалистого места. Мы уселись на склон песчаникового холма, и я шутливо сказал, что если бы он поручил все это дело мне, то я бы зажарил все пять куропаток, и что мой шашлык был бы не хуже, чем его жаркое.

— Без сомнения, — сказал он. — но если бы ты все это сделал, то мы, быть может, никогда не смогли бы покинуть это место в целости.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — что бы нам помешало?

— Кусты, куропатки, все вмешалось бы.

— Я никогда не знаю, когда ты говоришь серьезно, — сказал я.

Он сделал мне знак раздраженного нетерпения и чмокнул губами.

— У тебя ошибочное мнение насчет того, что значит говорить серьезно, — сказал он. — я много смеюсь, потому что я люблю смеяться. И, однако же, все, что я говорю, смертельно серьезно, даже если ты этого не понимаешь. Почему ты думаешь, что мир только такой, каким ты его считаешь? Кто дал тебе право так говорить?

— Но нет никаких доказательств, что мир иной, — сказал я.

Темнело. Я думал о том, что не пора ли поворачивать к дому. Но он. Казалось, не торопился, и я благодумствовал.

Ветер был холодным. Внезапно он сказал, что нам следует встать и забраться на вершину холма и встать там на участке, не поросшем кустами.

— Не бойся, — сказал он. — я твой друг, и я позабочусь о том, чтобы ничего плохого с тобой не случилось.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, встревоженный.

У дон Хуана было крайне неприятное свойство перемещать меня из спокойного благодушествования в испуг.

— Мир очень необыкновенный в это время дня, — сказал он. — вот что я имею в виду. Что бы ты ни увидел, не пугайся.

— Что я такое увижу?

— Я еще не знаю, — сказал он, глядя вдаль в сторону юга.

Он, казалось, не тревожился. Я также смотрел в том же самом направлении.

Внезапно он встрепенулся и указал левой рукой в сторону темного пустынного кустарника.

— Это там, — сказал он, как если бы он чего-то ждал, и оно внезапно появилось.

— Что там? — спросил я.

— Вон оно там, — повторил он. — смотри! Смотри!

Я ничего не видел, просто кусты.

— Теперь оно здесь, — сказал он со спешкой в голосе. — оно здесь.

Неожиданный порыв ветра ударил меня в этот момент, и у меня начало жечь глаза. Я смотрел в ту сторону, о которой говорилось. Там не было абсолютно ничего, только все обычное.

— Я ничего не вижу, — сказал я.

— Ты только что ощутил это, — сказал он. — прямо сейчас. Оно попало в твои глаза и помешало тебе видеть.

— О чем ты говоришь?

— Я намеренно привел тебя на вершину холма, — сказал он. — мы здесь очень заметны, и что-то подходит к нам.

— Что? Ветер?

— Не просто ветер, — сказал он резко. — тебе это может казаться ветром, потому что кроме ветра ты ничего не знаешь.

Я напрягал свои глаза, глядя в пустынные кусты. Дон Хуан стоял молча рядом со мной, а затем пошел в ближайший чапараль и начал отламывать большие ветки от окружающих кустов. Он собрал восемь веток и сделал из них охапку. Он велел мне сделать то же самое и извиниться перед растениями громким голосом за то, что я их калечу.

Когда у нас было две охапки, он велел мне вбежать с ними на вершину холма и лечь на спину между двумя большими камнями. С огромной скоростью он расположил ветки моей охапки так, чтобы они покрыли все мое тело. Затем он таким же образом покрыл самого себя и прошептал сквозь листья, что я должен следить, как так называемый ветер перестанет дуть после того, как мы стали незаметными.

В этот момент, к моему изумлению, ветер действительно прекратил дуть, как предсказывал дон Хуан. Это произошло так постепенно, что я пропустил бы перемену, если бы сознательно не ожидал ее. В течение некоторого времени ветер свистел сквозь листья над моим лицом, а затем постепенно все вокруг нас стихло.

Я прошептал дону Хуану, что ветер перестал, и он прошептал в ответ, что я не должен делать никаких резких звуков и движений, потому что то, что я называю ветром, было совсем не ветром, а чем-то таким, что имеет свою собственную волю и действительно может нас узнать.

От нервозности я засмеялся.

Приглушенным голосом дон Хуан обратил мое внимание на тишину вокруг нас и прошептал, что он собирается встать, и что я должен последовать за ним, сложив ветви осторожно слева от себя. Мы поднялись одновременно. Дон Хуан некоторое время смотрел вдаль в сторону юга, а затем резко повернулся и обратился лицом на запад.

— Ищейка, действительно, ищейка, — пробормотал он, указывая в сторону юго-запада.

— Смотри, смотри! — подтолкнул он меня.

Я смотрел со всей интенсивностью, на какую был только способен. Я хотел увидеть то, что он говорит, но не видел совершенно ничего. Или, скорее, я не видел ничего такого, чего бы я не видел раньше. Там были только кусты, которые шелестели от мягкого ветра.

— Это здесь, — сказал дон Хуан. В этот момент я почувствовал удар ветра прямо в лицо. Казалось, что ветер действительно начал дуть после того, как мы встали. Я не мог в это поверить. Должно было быть какое-нибудь логическое объяснение этому.

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал, чтобы я не утруждал свои мозги, пытаюсь подвести под это разумную причину.

— Давай соберем еще веток, — сказал он. — я терпеть не могу делать это с маленькими растениями, но мы должны остановить тебя.

Он поднял ветки, которые мы использовали для того, чтобы укрываться, и навалил на них камней и земли. Затем, повторив все те же движения, которые мы делали раньше, каждый из нас наломал по восемь новых веток. Тем временем ветер продолжал дуть непрерывно. Я мог чувствовать, как он топорщит волосы у меня на висках. Дон Хуан прошептал, что после того, как он меня покроет, я не должен делать ни малейшего движения или звука. Он очень быстро разложил ветки поверх моего тела, а затем лег и покрыл себя тоже.

В таком положении мы оставались минут двадцать и за это время произошло необычайное явление. Ветер опять изменился с резкого и порывистого до едва заметной вибрации.

Я задерживал дыхание, ожидая сигнала дон Хуана. В определенный момент он мягко снял с себя ветви. Я сделал то же самое, и мы встали. Вершина холма была совершенно спокойна. Лишь едва заметные мягкие колыхания листьев наблюдались в окружающем чапарале. Глаза дон Хуана пристально смотрели на кусты, находящиеся к югу от нас.

— Снова он там! — воскликнул он громким голосом.

— Я невольно подпрыгнул, чуть не потеряв равновесия, а он приказал мне громким и повелительным голосом смотреть.

— Что я должен увидеть? — спросил я в отчаянии.

Он сказал, что это ветер или что бы там ни было, было как облако или как смерч, который находится на некотором расстоянии поверх кустов, прокладывая себе путь на вершину холма, где мы находились.

Я увидел колыхание кустов в отдалении.

— Вон он идет, — сказал дон Хуан мне в ухо. — смотри, как он ищет нас.

Как раз в это время сильный устойчивый порыв ветра ударил мне в лицо, как он ударял меня раньше. На этот раз, однако, моя реакция была другой. Я был перепуган. Я не видел того, о чем говорил дон Хуан, но я видел весьма загадочную волну, колыхавшую кусты. Я не хотел поддаваться своему страху и намеренно придумывал всякого рода подходящие объяснения. Я говорил сам себе, что здесь должны быть постоянные воздушные течения в этом районе, и дон Хуан, будучи в совершенстве знаком со всей этой местностью, не только знал о них, но и был способен умственно рассчитать их появление. Все, что ему оставалось делать, это лечь, считать и ждать, пока ветер стихнет. А как только он вставал, то ему опять-таки оставалось ждать его появления.

Голос дон Хуана сбил меня с моих умственных рассуждений. Он говорил мне, что время уходит. Я заупрямился. Я хотел остаться, чтобы убедиться, что ветер стихнет.

— Я ничего не видел, дон Хуан, — сказал я.

— И все же ты заметил что-то необычное.

— Может быть, тебе опять следует рассказать мне, что я должен был заметить.

— Я уже рассказывал тебе, — сказал он. — нечто, что прячется в ветви и выглядит, как смерч, облако, туман, лицо, которое все время вращается.

Дон Хуан сделал жест своими руками, чтобы изобразить горизонтальное и вертикальное движения.

— Оно движется в определенном направлении, — продолжал он. — оно или перекачивается или вращается. Охотник должен все это знать для того, чтобы двигаться правильно.

Я хотел посмеяться над ним, но он, казалось, так упорно отстаивал свою точку зрения, что я не посмел. Он взглянул на меня на секунду, и я отвел глаза.

— Верить в то, что мир вокруг нас только такой, как ты думаешь, глупо, — сказал он. — мир — это загадочное место, особенно в сумерках.

Он кивнул в сторону ветра движением подбородка.

— Этот может следовать за нами, — сказал он. — он может утомить нас, или он может даже убить нас.

— Это ветер?

— В это время дня, в сумерках, нет ветра. В это время есть только сила.

Мы сидели на вершине холма в течение часа. Все это время ветер дул сильно и непрерывно.

Пятница, 30 июня 1961 года.

Во второй половине дня, после еды мы с доном Хуаном вышли во двор перед его дверью. Я сел на свое «пятно» и начал работать над моими записками. Он лег на спину, сложив руки на животе. Мы оставались дома в течение всего дня из-за «ветра». Дон Хуан объяснил, что

мы побеспокоили ветер намеренно и что лучше не валять с этим дурака. Мне даже пришлось спать, покрытым ветками.

Внезапный порыв ветра заставил дона Хуана подняться одним невероятно бодрым прыжком.

— Проклятие, — сказал он. — ветер ищет тебя.

— На это я не покупаюсь, дон Хуан, — сказал я, смеясь, — действительно, нет.

Я не был упрям. Я просто считал невозможным принять идею того, что ветер имеет свою собственную волю и ищет меня, или что он действительно замечал нас и бросался к нам на вершину холма. Я сказал, что идея «ветра, имеющего свою волю», была идеей из мира, который был довольно упрощенным.

— Что же тогда такое ветер? — спросил он вызывающим тоном.

Я терпеливо объяснил ему, что массы горячего и холодного воздуха продуцируют различные давления и что давление заставляет массы воздуха двигаться вертикально и горизонтально. У меня заняло довольно много времени объяснение всех деталей основ метеорологии.

— Ты считаешь, что все, что можно сказать о ветре, так это только горячий и холодный воздух? — спросил он тоном замешательства.

— Боюсь, что это так, — сказал я, молчаливо наслаждаясь своим триумфом.

Дон Хуан казался оглушенным. Но затем он взглянул на меня и стал громко хохотать.

— Твои мнения всегда окончательные мнения, — сказал он с оттенком сарказма. — они всегда твое последнее слово, разве не так? Для охотника, однако, твое мнение сплошная чушь. Нет никакой разницы, будет ли давление один, два или десять. Если бы ты жил среди дикой природы, то ты бы знал, что в сумеречное время ветер становится силой. Охотник, который стоит своей воли, знает это и действует соответственно.

— Как он действует?

— Он использует сумерки и силу, скрытую в ветре.

— Как?

— Если ему это удобно, охотник прячется от силы, накрыв себя и оставаясь неподвижным, пока сумерки не минуют. И сила окутывает его своей защитой.

Дон Хуан сделал знак, как бы обертывая что-то своими руками.

— Ее защита похожа на...

Он сделал паузу, подыскивая слово, и я предложил «кокон».

— Правильно, — сказал он. — защита силы окутывает тебя как бы в кокон. Охотник может оставаться на открытом месте и никакая пума и никакой койот, и никакой звук не сможет потревожить его. Горный лев может подойти к самому носу охотника и обнюхать его, и если охотник останется неподвижен, горный лев уйдет. Могу тебе это гарантировать.

Если охотник, с другой стороны, хочет быть замеченным, то все, что он должен делать, заключается в том, чтобы встать на вершине холма в сумерках, и сила будет следовать за ним и искать его всю ночь. Поэтому, если охотник хочет всю ночь путешествовать или если он хочет оставаться бодрствующим, он должен сделать себя доступным ветру.

В этом заключается секрет великих охотников. Быть доступным или недоступным на нужном повороте дороги.

Я ощутил легкое замешательство и попросил его повторить. Дон Хуан очень терпеливо объяснил, что он использовал сумерки и ветер для того, чтобы указать на исключительную важность переходов от того, чтобы спрятаться, к тому, чтобы показывать себя.

Ты должен научиться сознательно становиться доступным и недоступным, — сказал он. — так, как твоя жизнь течет сейчас, ты безрассудно доступен во всякое время.

Я запротестовал. У меня было такое чувство, что моя жизнь становится все более и более секретной. Он сказал, что я не понял того, о чем он говорит, и что быть недоступным не означает прятаться или быть секретным, а значит быть недостижимым.

— Давай я это скажу по-другому, — продолжал он терпеливо. — нет никакой разницы, прячешься ты или нет, если каждый знает, что ты прячешься.

Твои проблемы как раз сейчас исходят из этого. Когда ты прячешься, всякий знает, что ты прячешься, а когда ты не прячешься, то ты доступен, и любой может ткнуть в тебя.

Я начал чувствовать какую-то угрозу и поспешил защититься себя.

— Не беспокойся, — сухо сказал дон Хуан, — в этом нет нужды. Мы — дураки, все мы, и ты не можешь быть другим. Однажды в моей жизни я так же, как и ты, сделал себя доступным и делал это вновь и вновь, пока во мне ничего не осталось, кроме плача. И все это я делал точно так же, как и ты.

Дон Хуан на секунду обхватил меня, а затем громко вздохнул.

— Я был моложе тебя, однако, — продолжал он. — но однажды с меня было довольно, и я переменялся. Скажем, что однажды, когда я становился охотником, я узнал секрет того, как быть доступным или недоступным.

Я сказал ему, что все, что он говорит, проходит мимо меня. Я действительно не могу понять, что он хочет сказать, говоря «быть доступным». Он использовал испанские идиоматические выражения «понерсе аль альканс» и «понерсе эн эль медио дель самино», «поместить себя в пределах досягаемости» и «поместить себя на середине шоссе». Уйти с середины шоссе, по которому идут машины. Ты весь там, поэтому нет пользы от того, чтобы прятаться. Ты весь там, поэтому ты будешь только воображать, что ты спрятался. Находиться на середине дороги означает, что каждый прохожий и проезжающий наблюдает за тем, как ты приходишь и уходишь.

Его метафора была интересна, но в то же время она была расплывчатой.

— Ты говоришь загадками, — сказал я.

Он секунду пристально смотрел на меня, а затем стал мурлыкать мелодию. Я выпрямил спину и насторожился. Я уже знал, что когда дон Хуан мурлычет мексиканскую мелодию, он собирается чем-нибудь оглушить меня.

— Эй, — сказал он, улыбаясь и уставясь на меня, — что стало с твоей подружкой блондинкой? С той девушкой, которая когда-то тебе действительно нравилась?

Должно быть, я взглянул на него, как поставленный в тупик идиот. Он рассмеялся с большим облегчением. Я не знал, что сказать.

— Ты рассказал мне о ней, — сказал он ободряюще.

Но я не помнил, чтобы я когда-нибудь рассказывал ему о ком-либо, а уж тем более о блондинке.

— Никогда ничего подобного я тебе не говорил, — сказал я.

— Ну, конечно, говорил, — сказал он, как бы отказываясь от спора.

Я хотел возразить, но он остановил меня, сказав, что не имеет значения, откуда он о ней узнал, и что важным является тот момент, что она мне понравилась.

Я ощутил волну враждебности по отношению к нему из-за того, что он лезет внутрь меня.

— Не упрячься, — сказал дон Хуан сухо. — пришло время, чтобы ты порвал свое чувство важности.

— У тебя когда-то была женщина, очень дорогая женщина, и однажды ты ее потерял.

Я стал раздумывать, когда же это я рассказал о ней дону Хуану, и пришел к выводу, что никогда такой возможности не было. И однако же я мог. Каждый раз, когда он ехал со мной в машине, мы всегда непрестанно разговаривали с ним. Я не помню всего, о чем мы с ним говорили, потому что не мог записывать, ведя машину. Каким-то образом я почувствовал себя спокойнее, придя к таким заключениям. Я сказал ему, что он прав. Была очень важная блондинка в моей жизни.

— Почему она не с тобой? — спросил он.

— Она ушла.

— Почему?

— Было много причин.

— Не так много было причин. Была только одна. Ты сделал себя слишком доступным.

Я очень хотел узнать, что он имеет в виду. Он опять зацепил меня. Он, казалось, понимал эффект своих слов и сложив губы бантиком, скрыл предательскую улыбку.

— Всякий знал о вас двоих, — сказал он с непоколебимым убеждением.

— Разве это было неправильно?

— Это было смертельно неправильно. Она была прекрасным человеком.

Я испытал искреннее чувство, что его угадывание впопыхах было неприятным мне, особенно тот факт, что он всегда делает свои заявления с такой уверенностью, как если бы он сам был там и все это видел.

— Но это правда, — сказал он с обезоруживающей невинностью. — я «видел» все это. Она была прекрасной личностью. Я знал, что спорить бессмысленно, но сердился на него за то, что он коснулся больного места в моей жизни, и сказал, что девушка, о которой мы говорим, совсем не была таким прекрасным человеком, в конце-концов, и, что, по моему мнению, она была скорее слабой.

— Как и ты, — сказал он спокойно. — но это не важно. Что здесь важно, так это то, что ты ее всюду искал. Это делает ее особой личностью в твоём мире. А для особых личностей мы должны иметь только прекрасные слова.

Я был раздражен. Огромная печаль начала охватывать меня.

— Что ты делаешь со мной, дон Хуан? — спросил я. — ты всегда добиваешься успеха, стараясь сделать меня грустным, зачем?

— Теперь ты индальжируешь, ударяясь в сентиментальность, — сказал он с обвинением.

— В чем тут все-таки дело, дон Хуан?

— Быть недостижимым, вот в чем дело, — заявил он. — я вызвал в тебе воспоминания об этой личности только как средство прямо показать тебе то, что я не мог показать тебе с помощью ветра.

— Ты потерял ее потому, что ты был достижим. Ты всегда был достижимым для нее и твоя жизнь была сплошным размеренным распорядком.

— Нет, — сказал я. — ты неправ. Моя жизнь никогда не была распорядком.

— Она была распорядком и есть сейчас, — сказал он догматично. — это не обычный распорядок, поэтому возникает впечатление, что его нет и что это не распорядок, но уверяю тебя, что он есть.

Я хотел уйти в хандру и погрузиться в печальные мысли. Но каким-то образом его глаза беспокоили меня. Они, казалось, все время толкали меня.

— Искусство охотника состоит в том, чтобы быть недостижимым, — сказал он. — в случае с блондинкой это значило бы, что ты должен был стать охотником и встречать ее осторожно, не так, как ты это делал. Ты оставался с ней день за днем, пока единственное чувство, которое осталось, была скука, правда?

Я не отвечал. Я чувствовал, что ответа не требуется. Он был прав.

— Быть недостижимым означает, что ты касаешься мира вокруг себя с осторожностью. Ты не съедаешь пять куропаток, ты ешь одну. Ты не калечишь растения только для того, чтобы сделать жаровню. Ты не подставляешь себя силе ветра, если это не является оправданным. Ты не используешь людей и не давишь на них, пока они не сморщиваются в ничто, особенно те люди, которых ты любишь.

— Я никогда никого не использовал, — сказал я искренне.

Но дон Хуан утверждал, что я это делал и поэтому я могу теперь тупо утверждать, что я устал от людей, и они мне надоели.

— Быть недоступным означает, что ты намеренно избегаешь того, чтобы утомлять себя и других, — продолжал он. — это означает, что ты не голоден и не в отчаянии, как тот несчастный выродок, который чувствует, что он уже больше никогда не будет есть и поэтому пожирает всю пищу, которую только может, пять куропаток.

Дон Хуан определенно бил меня ниже пояса. Я засмеялся, и это, казалось, доставило ему удовольствие. Он слегка коснулся моей спины.

— Охотник знает, что он заманит дичь в свои ловушки еще и еще, поэтому он не тревожится. Тревожиться, значит становиться доступным, безрассудно доступным. И как только ты начинаешь тревожиться, ты в отчаянии цепляешься за что-нибудь. А как только ты за что-нибудь уцепился, то ты уже обязан устать или утопить того или то, за что ты цепляешься.

Я рассказал ему, что в моей повседневной жизни совершенно невозможно быть недоступным. Я доказывал, что для того, чтобы функционировать, я должен быть в пределах досягаемости всякого, у кого есть ко мне дело.

— Я уже говорил тебе, что быть недоступным не означает прятаться или быть секретным, — сказал он спокойно. — точно так же это не означает, что ты не можешь иметь дела с людьми. Охотник пользуется своим миром с осторожностью и с нежностью, вне зависимости от того, будь это мир вещей, растений, животных, людей или силы. Охотник интимно обращается со своим миром, и все же он недоступен для этого самого мира.

— Это противоречиво, — сказал я. — он не может быть недоступен, если он там, в своем мире, час за часом, день за днем.

— Ты не понял, — сказал дон Хуан терпеливо. — он недоступен, потому что он не выжимает свой мир из его формы. Он касается его слегка, остается там столько, сколько ему нужно и затем быстро уходит, не оставляя следов.

8. ЛОМКА РАСПОРЯДКА ЖИЗНИ

Воскресенье, 16 июля 1961 года.

Все утро мы провели, наблюдая за грызунами, которые были похожи на жирных белок. Дон Хуан называл их водяными крысами. Он указал, что они очень быстры, когда убегают от опасности. Но после того, как они спасутся от хищника, они имеют ужасную привычку остановиться или даже забраться на камень. Подняться на задние ноги, осмотреться и начать чиститься.

— У них очень хорошие глаза, — сказал дон Хуан. — ты должен двигаться только тогда, когда они бегут, поэтому ты должен научиться предугадывать, когда и где они остановятся так, чтобы ты мог остановиться в то же самое время.

Я был погружен в наблюдение за ними и имел то, что охотники называют полевым днем, так много я выследил. И, наконец, я мог предсказывать их движения почти каждый раз. Затем дон Хуан показал мне, как делать ловушки для того, чтобы ловить их. Он объяснил, что охотнику нужно время для того, чтобы понаблюдать за тем, как они едят или за местами их гнездований для того, чтобы определить, где расставить свои ловушки. Затем он должен расставить их ночью и все, что ему останется сделать на следующий день, так это вспугнуть их так, чтобы они помчались в его ловчие приспособления.

Мы собрали разные палочки и приступили к постройке охотничьих ловушек. Я уже почти закончил свою и возбужденно думал над тем, будет ли она работать.

Когда внезапно дон Хуан остановился и взглянул на свое левое запястье, как если бы смотря на часы, которых у него никогда не было, и сказал, что, согласно его хронометру, уже время лэнча. Я держал длинную палку, которую старался согнуть в кольцо. Автоматически я положил ее вместе с остальными охотничьими принадлежностями.

Дон Хуан взглянул на меня с выражением любопытства. Затем он издал звук завывающей фабричной сирены, призывающей на обед. Я засмеялся. Звук его сирены был совершенен. Я подошел к нему и заметил, что он смотрит на меня. Он покачал головой с боку на бок.

— Будь я проклят, сказал он.

— Что такое? — спросил я.

Он опять издал долгий воющий звук фабричной сирены.

— Лэнч кончился, — сказал он. — иди назад работать.

На секунду я почувствовал смущение, но затем подумал, что он шутит, наверное потому, что у нас и в самом деле нечего было есть. Я так увлекся грызунами, что позабыл, что у нас нет никакой провизии. Я снова поднял палку и попытался согнуть ее. Через секунду дон Хуан опять продудел свою «сирену».

— Время идти домой, — сказал он. Он посмотрел на свои воображаемые часы, затем взглянул на меня и подмигнул.

— Уже пять часов, — сказал он тоном человека, выдающего секрет. Я подумал, что он внезапно стал сыт охотой и решил оставить все дело. Я просто положил все на землю и стал готовиться уходить. Я не смотрел на него. Я считал, что он тоже собирает свое имущество. Когда я был готов, я увидел, что он сидит, скрестив ноги в нескольких футах от меня.

— Я готов, — сказал я. — мы можем идти в любое время.

Он встал и взобрался на скалу. Он стоял там в полутора-двух метрах над землей и глядя на меня. Приложив руку ко рту, он издал очень длинный и пронизывающий звук. Это как бы была усиленная фабричная сирена. Он повернулся вокруг себя, издавая завывающий звук.

— Что ты делаешь, дон Хуан? — спросил я.

Он сказал, что он дает сигнал всему миру идти домой. Я был совершенно ошеломлен. Я не мог понять, шутит он или нет, или он просто так трепет языком. Я внимательно следил за ним и пытался связать то, что он делает с чем-нибудь, что он сказал ранее. Мы почти не говорили все это утро, и я не мог вспомнить что-либо важное.

Дон Хуан все еще стоял на скале. Он взглянул на меня, улыбнулся и опять подмигнул. Внезапно я встревожился. Дон Хуан приложил руки ко рту и издал еще один сиреноподобный звук.

Он сказал, что уже восемь часов утра и что мне нужно собирать опять свое приспособление, потому что впереди у нас целый день.

К этому времени я был в полном замешательстве. За какие-то минуты мой страх вырос до непреодолимого желания удрать со сцены. Я думал, что дон Хуан сошел с ума. Я уже готов был бежать, когда он соскользнул с камня и подошел ко мне, улыбаясь.

Ты думаешь, я сошел с ума, да? — спросил он.

Я сказал ему, что он испугал меня до потери сознания своим неожиданным поведением.

Он сказал, что мы постоянны. Я не понял, что он имел в виду. Я глубоко был погружен в мысли о том, что его поступки кажутся совершенно безумными. Он объяснил, что намеренно старался испугать меня до потери сознания тяжестью своего неожиданного поведения, потому что он сам готов на стену лезть из-за тяжести моего неожиданного поведения. Он сказал, что мой распорядок настолько же безумен, насколько его дудение сиреной.

Я был шокирован и стал утверждать, что я на самом деле не имею никакого распорядка. Я рассказал ему, что практически считаю свою жизнь сплошной кашей из-за отсутствия здорового распорядка.

Дон Хуан засмеялся и сделал мне жест сесть рядом с ним. вся ситуация опять волшебным образом перевернулась. Мой страх испарился, как только он начал говорить.

— Что это за мой распорядок? — спросил я.

— Все, что ты делаешь, это распорядок.

— Но разве мы не все такие же?

— Не все из нас. Я ничего не делаю, исходя из распорядка.

— Чем все это вызвано, дон Хуан? Что я сделал или что я сказал, чтобы заставить тебя действовать так, как ты это делал?

— Ты беспокоился о лэнче.

— Но я ничего не говорил тебе, откуда ты знаешь, что я беспокоился о лэнче?

— Ты беспокоишься о еде каждый день примерно около полудня и около шести вечера, и около восьми утра, — сказал он со зловещей гримасой. — в это время ты беспокоишься о еде, даже если ты не голоден.

— Все, что мне нужно было сделать, чтобы показать твой распорядоченный дух, так это продудеть тебе сигнал. Твой дух выдрессирован работать по сигналу.

Он посмотрел на меня с вопросом в глазах. Я не мог защищаться.

— Теперь ты собираешься превратить охоту в распорядок, — Сказал он. — ты уже шагнул в охоту и установил там свои шаги. Ты говоришь в определенное время, ешь в определенное время, и засыпаешь в определенное время.

Мне нечего было сказать. То, как дон Хуан описал мои пищевые привычки, было характерной чертой, которую я использовал во всем в своей жизни. И, однако же, я сильно ощущал, что моя жизнь была менее упорядочена, чем жизнь большинства моих друзей и знакомых.

— Ты очень много знаешь об охоте, — продолжал дон Хуан. — тебе легко будет понять, что хороший охотник превыше всего знает одну вещь — он знает распорядок своей жертвы. Именно это делает его хорошим охотником.

Теперь я хочу обучить тебя последней и очень намного более трудной части. Возможно, пройдут годы, прежде чем ты сможешь сказать, что ты понял ее и что ты охотник.

Дон Хуан помолчал, как бы давая мне время. Он снял свою шляпу и изобразил, как расчесывают себя грызуны, за которыми мы наблюдали. Мне показалось это очень забавным. Его круглая голова делала его похожим на одного из этих грызунов.

— Быть охотником, это не значит просто поймать дичь, — продолжал он. — охотник, который стоит своей соли, ловит дичь не потому, что он ставит свои ловушки, или потому, что он знает распорядок своей жертвы, а потому, что он сам не имеет распорядка. В этом его преимущество. Он совсем не таков, как те животные, за которыми он охотится, закабаленные прочным распорядком и предсказуемыми поворотами. Он свободен, текуч, непредсказуем.

То, что говорил дон Хуан, звучало для меня, как спорная нерациональная идеализация. Я не мог себе представить жизнь без распорядка. Я хотел быть с ним честен, а не просто соглашаться или не соглашаться с ним. Я чувствовал, что то, что он имеет в виду, невозможно было выполнить ни мне, ни кому-либо другому.

— Мне нет дел до того, что ты чувствуешь, — сказал он. — Для того, чтобы стать охотником, ты должен сломать распорядок своей жизни. Ты добился хороших успехов в охоте. Ты научился быстро, и теперь ты можешь видеть, что ты такой же, как и твоя жертва — легко предсказуемый.

Я спросил у него уточнений, чтобы он дал мне конкретные примеры.

— Я говорю об охоте, — сказал он спокойно. — поэтому я говорю о том, что делают животные. О местах, где они едят, месте, манере и времени их сна, о том, где они гнездятся и как они ходят. Именно этот распорядок я указываю тебе, чтобы ты осознал его в себе самом.

— Ты наблюдал повадки животных в пустыне. Они едят или пьют в определенных местах. Они гнездятся в особых местах. Они оставляют свои следы особым способом. Фактически все, что они делают, хороший охотник может предвидеть или воссоздать.

Как я уже говорил тебе, в моих глазах ты ведешь себя так же, как твоя жертва. Однажды в моей жизни некто указал такую же вещь мне, поэтому ты не одинок в этом. Все мы ведем себя так же, как и та жертва, за которой мы гонимся. Это, разумеется, делает нас жертвой чего-нибудь или кого-нибудь еще. Отсюда цель охотника, который знает все это, состоит в том, чтобы перестать самому быть жертвой. Понимаешь, что я имею в виду?

Я опять выразил мнение, что его предложение недостижимо.

— Это требует времени, — сказал дон Хуан. Ты можешь начать с того, чтобы не есть лэнч через день в 12 часов.

Он взглянул на меня и доброжелательно улыбнулся. Его выражение было очень забавным и рассмешило меня.

— Есть, однако, некоторые животные, которых невозможно выследить, — продолжал он. — есть определенные типы оленей, например, которых счастливый охотник, может быть, способен путем простого везения встретить однажды в жизни.

Дон Хуан сделал драматическую паузу и пронзительно посмотрел на меня. Казалось, он ждал вопроса, но у меня их не было.

— Как ты думаешь, что их делает такими уникальными и почему их так трудно найти? — спросил он.

— Я пожал плечами, потому что я не знал, что сказать.

— У них нет распорядка, — сказал он тоном откровения. — вот что их делает магическими.

— Олень должен спать ночью, — сказал я. — разве это не распорядок?

— Конечно, если олень спит каждую ночь в определенное время и в определенном месте. Но эти волшебные существа не ведут себя таким образом. Когда-нибудь ты, возможно, сможешь проверить это сам. Может быть твоей судьбой станет охотиться за каким-нибудь из них до конца твоей жизни.

— Что ты под этим имеешь в виду?

— Ты любишь охотиться. Может быть, когда-нибудь в каком-нибудь месте мира твоя тропа может пересечься с волшебным существом, и ты можешь погнаться за ним.

Магическое существо — это то, что дух захватывает. Мне достаточно повезло, что моя тропа пересеклась с одним из них. Наша встреча произошла после того, как я научился и на практике освоил очень много из того, что относится к охоте. Однажды я был в густом лесу в центральной мексике, когда внезапно я услышал тихий свист. Он был неизвестен мне. Никогда за все годы жизни в диких местах я не слышал такого звука. Я не мог определить места, откуда он исходит. Казалось, он шел сразу из нескольких мест.. Я подумал, что, возможно, я окружен стайей или стадом каких-нибудь неизвестных животных.

Еще раз я услышал этот захватывающий свист. Казалось, он приходил отовсюду. Я понял тогда, что это моя удача. Я знал, что это волшебное существо — олень. Я знал, что волшебный олень осознает распорядок обычных людей и распорядок охотников.

Очень легко рассчитать, что бы стал делать обычный человек в ситуации, подобной этой. Прежде всего его страх немедленно превратит его в жертву. Как только он станет жертвой, у него останутся два пути действия. Или он убежит, или останется на месте. Если он не вооружен, то он обычно побежит на открытое место, спасая свою жизнь. Если он вооружен, то он приготовит свое оружие и затем или застынет на месте, или ляжет на землю.

Охотник, с другой стороны, когда он останется в диком месте, никогда не пойдет без того, чтобы не наметить себе точек укрытия. Поэтому он немедленно укроется. Он может бросить свое пончо на землю или же он может повесить его на сук, как отвлечение, а затем спрячется и будет ждать, пока дичь не сделает свой следующий шаг.

Поэтому, в присутствии волшебного оленя я не стал вести себя ни как тот, ни как другой. Я быстро встал на голову и начал тихо завывать. Фактически, я плакал горячими слезами и всхлипывал в течение столь долгого времени, что уже готов был потерять сознание. Внезапно я ощутил мягкое дыхание. Кто-то обнюхивал волосы у меня над правым ухом. Я попытался повернуть голову и посмотреть, что это такое, но упал, и сев, увидел переливающееся существо, уставившееся на меня. Олень взглянул на меня, и я сказал ему, что не причиню ему вреда, и олень заговорил со мной.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Я невольно улыбнулся. Мысль о говорящем олене была настолько невероятной, что я не мог принять ее спокойно.

— Он заговорил со мной, — сказал дон Хуан с гримасой.

— Олень заговорил?

— Заговорил.

Дон Хуан встал и поднял свою связку охотничьих принадлежностей.

— Он что, действительно заговорил? — спросил я в замешательстве.

Дон Хуан расхохотался.

— Что он сказал? — спросил я полушутя.

Я думал, что он дурачит меня. Дон Хуан секунду молчал, как бы пытаюсь вспомнить, затем его глаза просветлели, и он сообщил мне, что сказал олень.

— Волшебный олень сказал: «хелло, друг!», — продолжал дон Хуан. — и я ответил: «хелло!» Затем он спросил меня: «почему ты плачешь?» И я сказал: «потому что мне грустно». Тогда волшебное существо наклонилось к моему уху и сказала так ясно, как я сейчас тебе говорю: «не грусти».

Дон Хуан посмотрел мне в глаза. В них был совершенно предательский отблеск. Он начал громко хохотать.

Я сказал, что его диалог с оленем был все равно, что вообще молчание.

— Но чего же ты хочешь? — спросил он, все еще смеясь. — ведь я индеец.

Его чувство юмора было настолько неземным, что я ничего не мог сделать, как только рассмеяться вместе с ним.

- Ты не веришь, что волшебный олень разговаривал, так?
- Извини, но я не могу поверить в то, что вещи, подобно этому происходят, — сказал я.
- Я не виню тебя, — сказал он ободряюще. — это одна из самых заковыристых вещей.

9. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА НА ЗЕМЛЕ

Понедельник, 24 июля 1961 года.

Около полудня после того, как мы несколько часов бродили в пустыне, дон Хуан выбрал для отдыха место в тени. Как только мы уселись, он начал говорить. Он сказал, что я уже очень многое узнал об охоте, но я еще не изменился настолько, насколько он хотел.

— Недостаточно знать, как делать и ставить ловушки, — сказал он. — охотник должен жить, как охотник для того, чтобы извлекать из жизни максимум. К несчастью, изменения трудны и случаются очень редко и очень медленно. Иногда уходят годы для того, чтобы человек пришел к убеждению необходимости меняться. У меня это заняло годы, но, может, у меня не было склонности к охоте. Я думаю, что для меня самым трудным было в действительности захотеть измениться.

Я заверил его, что я понимаю его мысли. В самом деле, с тех пор, как он начал учить меня охотиться, я тоже стал пересматривать свои поступки. Может быть, самым драматическим открытием для меня было то, что мне нравился образ жизни дон Хуана. Мне нравился дон Хуан, как личность. Было что-то солидное в его поведении. То, как он вел себя не оставляло никаких сомнений относительно его мастерства и в то же время он никогда не использовал своего превосходства для того, чтобы потребовать что-либо от меня. Его интерес в перемене моего образа жизни, я чувствовал, выливается большей частью в безличные внушения или же, пожалуй, он выливается в авторитетный комментарий моих неудач. Он заставил меня очень ясно осознавать мои неудачи, и все же я никак не мог понять, каким образом его образ жизни сможет что-либо исправить во мне. Я искренне верил, что в свете того факта, что я хочу сделать с своей жизнью, его образ жизни принесет мне только печаль и трудности. Отсюда и вся моя пассивность. Однако, я научился уважать его мастерство, которое всегда выражалось в терминах красоты и точности.

— Я решил изменить свою тактику, — сказал он.

Я попросил у него объяснений. Его заявление было расплывчатым, и я не был уверен в том, что оно относится как-либо ко мне.

— Хороший охотник меняет свои пути так часто, как ему этого нужно, — ответил он. — ты знаешь это сам.

— Что ты задумал, дон Хуан?

— Охотник не только должен знать привычки своей жертвы, он должен знать также, что на земле имеются силы, которые ведут людей и животных и все живое.

Он замолчал. Я подождал, но он, казалось, закончил фразу или то, что он хотел сказать.

— Что это за силы, о которых ты говоришь? — спросил я после долгой паузы.

— Силы, которые ведут наши жизни и наши смерти.

Дон Хуан замолчал и, казалось, испытывал огромную трудность в том, чтобы решить, что сказать. Он тер руки и качал головой, надувая щеки. Дважды он сделал мне знак, чтобы я замолчал, когда я просил его объяснить свои загадочные заявления.

— Ты не сможешь легко остановиться, — наконец, сказал он. — я знаю, что ты упрям, но это не имеет значения. Чем более ты упрям, тем будет лучше, когда ты, наконец, преуспеешь в том, чтобы изменить себя.

— Я стараюсь, как только могу, — сказал я.

— Нет, я не согласен. Ты не стараешься так, как ты можешь. Ты сказал это просто потому, что это просто хорошо для тебя звучит. На самом деле ты так говорил обо всем, что ты делаешь. Нужно что-либо делать, чтобы исправить это.

Я почувствовал себя обязанным, как обычно, защищаться. Дон Хуан, казалось, метил, как всегда, в мои самые слабые места. Я вспомнил, что каждый раз, когда я пытался защищаться против его критики, то кончалось всегда тем, что я чувствовал себя дураком. И я прекратил на середине свою длинную объяснительную речь.

Дон Хуан с любопытством осмотрел меня и засмеялся. Он сказал очень добрым тоном, что говорил уже мне о том, что все мы дураки, и я не являюсь исключением.

— Ты всегда чувствуешь себя обязанным объяснять свои поступки, как если бы ты был единственным на земле человеком, который делает неправильно, — сказал он. — это твое старое чувство собственной важности. У тебя ее слишком много. У тебя также слишком много личной истории. С другой стороны, ты не принимаешь ответственности за свои поступки. Ты не пользуешься своей смертью, как советчиком и превыше всего ты слишком достигим. Другими словами, твоя жизнь такая же каша, как она была до того, как я тебя встретил.

Опять я ощутил искреннее чувство ущемленной гордости и хотел спорить, что это не так. Он сделал мне знак успокоиться.

— Следует принимать ответственность за то, что находишься в этом заколдованном мире. Мы находимся в заколдованном мире, знаешь?

Я утвердительно кивнул головой.

— Мы говорим не об одном и том же, — сказал дон Хуан. — для тебя мир заколдованный, потому что, если ты не утомлен от него, то ты не находишься с ним в согласии. Для меня мир является заколдованным, потому что он паразителен, страшен, волшебен и неизмерим. Я был заинтересован в том, чтобы убедить тебя, что ты должен принять ответственность за нахождение здесь, в этом чудесном мире, в этой чудесной пустыне, в это чудесное время. Я хотел убедить тебя в том, что ты должен научиться делать каждый поступок идущим в счет, поскольку ты будешь здесь только короткое время. Фактически слишком короткое для того, чтобы посмотреть все чудеса этого мира.

Я настаивал на том, что быть утомленным миром или же быть с ним несогласным, это общечеловеческое состояние.

— Так перемени его, — ответил он сухо. — если ты не ответишь на этот вызов, то ты все равно что уже мертв.

Он велел мне назвать тему или момент в моей жизни, который захватывал все мои мысли. Я сказал: «искусство». Я всегда хотел быть артистом и в течение многих лет я пытался им быть. У меня еще сохранилось болезненное воспоминание о моем провале.

— Ты никогда не брал на себя ответственности за то, что находишься в этом неизмеримом мире, — сказал он тоном приговора. — поэтому ты никогда не был артистом и, может быть, никогда не будешь охотником.

— Но это наибольшее, что я могу, дон Хуан.

— Нет, ты не знаешь наибольшего, что ты можешь.

— Я делаю все, что могу.

— Ты опять ошибаешься. Ты можешь делать лучше. Есть одна простая вещь, которая в тебе неправильна. И ты думаешь, что у тебя масса времени.

Он остановился и взглянул на меня, как бы ожидая моей реакции.

— Ты думаешь, что у тебя масса времени, — повторил он.

— Масса времени для чего, дон Хуан?

— Ты думаешь, что твоя жизнь будет длиться всегда.

— Нет, я так не думаю.

— Тогда, если ты не думаешь, что твоя жизнь будет длиться всегда, чего же ты ждешь. Почему ты тогда колеблешься в том, чтобы измениться?

— А не приходило ли тебе когда-либо в голову, дон Хуан, что я могу не хотеть изменяться?

— Да, мне приходило это в голову. Я тоже не хотел меняться, совсем, как ты. Однако мне не нравилась моя жизнь. Я устал от нее точно так же, как ты. Теперь мне ее не хватает.

Я с убеждением стал утверждать, что его настойчивость в том, чтобы изменить мой образ жизни, была пугающей и спорной. Я сказал, что в действительности согласен с ним на определенном уровне, но уже один тот факт, что он всегда является хозяином положения, делает всю эту ситуацию невыносимой для меня.

— Дурак, у тебя нет времени для этой игры, — сказал он жестоким тоном. — то, что ты сейчас делаешь, может оказаться твоим последним поступком на земле. Это вполне может оказаться твоей последней битвой. Нет такой силы, которая бы могла тебе гарантировать, что ты проживешь еще одну минуту.

— Я знаю это, — сказал я со сдерживаемым гневом.

— Нет, ты этого не знаешь, — сказал он. — если бы ты это знал, то ты был бы охотником.

Я утверждал, что осознаю наивысшую смерть, но об этом бесполезно разговаривать или думать, потому что я ничего не смогу тут сделать, чтобы избежать ее. Дон Хуан засмеялся и сказал, что я похож на комедианта, который механически следует написанной для него роли.

— Если бы это была твоя последняя битва на земле, то я бы сказал, что ты идиот, — сказал он спокойно. — ты тратишь свой последний поступок на земле на глупые мысли.

Минуту мы молчали. Мои мысли бежали хаотично. Он был прав, конечно.

— У тебя нет времени, мой друг, нет времени. Ни у кого из нас нет времени, — сказал он.

— Я согласен, дон Хуан, но...

Не просто соглашайся со мной, — оборвал он. — вместо того, чтобы так легко соглашаться, ты должен действовать согласно этому. Прими вызов, изменись.

— Только и всего?

— Правильно. Перемена, о которой я говорю, никогда не происходит постепенно. Она случается внезапно. А ты не готовишь себя к такому внезапному действию, которое принесет перемену.

Я считал, что он говорит противоречие и объяснил ему, что если бы я готовился к перемене, то я наверняка менялся бы постепенно.

— Ты не изменился совершенно, — сказал он. — вот почему ты веришь, что ты меняешься мало-помалу. И, однако же, возможно, что ты сам удивишься когда-нибудь, изменившись внезапно, без единого предупреждения. Я знаю, что это так, и поэтому я не теряю своей заинтересованности в том, что именно я хотел сказать. После секундной паузы дон Хуан продолжал объяснять свою мысль.

— Возможно, мне следовало бы сказать иначе, — сказал он. — то, что я рекомендовал тебе делать, заключается в том, чтобы ты заметил, что у нас нет никакой уверенности относительно бесконечного течения наших жизней. Я только что сказал, что изменение приходит внезапно и неожиданно. И точно так же приходит смерть. Как ты думаешь, что мы можем поделаться с этим?

Я решил, что он задает риторический вопрос, но он сделал бровями знак, подталкивая меня к ответу.

— Жить так счастливо, как только возможно, — сказал я.

— Правильно, но знаешь ли ты кого-либо, кто живет счастливо?

Моим первым побуждением было сказать «да». Мне казалось, что я могу в качестве примера привести целый ряд людей, которых я знал. Однако затем я подумал, что такая моя попытка будет только пустой попыткой оправдать себя.

— Нет, — сказал я, — я действительно не знаю.

— Я знаю, — сказал дон Хуан. — есть такие люди, которые очень осторожны относительно природы своих поступков. Их счастье состоит в том, чтобы действовать с полным знанием того, что у них нет времени, поэтому их поступки имеют особую силу. В их поступках есть чувство...

Дон Хуан, казалось, потерял нужное слово. Он почесал виски и улыбнулся. Затем он внезапно поднялся, как если бы наш разговор был закончен. Я остановил его, чтобы он закончил то, о чем он говорил мне. Он уселся и сложил губы бантиком.

— Поступки есть сила, — сказал он. — особенно тогда, когда человек действует, зная, что эти поступки являются его последней битвой. Существует особое всепоглощающее счастье в том, чтобы действовать с полным сознанием того, что этот поступок вполне может быть твоим самым последним поступком на земле. Я рекомендую, чтобы ты пересмотрел свою жизнь и рассматривал свои поступки в этом свете.

Я не согласился с ним. Для меня счастье было в том, чтобы предполагать, что имеется наследуемая непрерывность моих поступков и что я смогу продолжать их совершать по желанию, совершать то, что я делаю в данный момент, особенно если это мне нравится. Я сказал ему, что мое несогласие было не просто банальностью, но оно проистекает из того убеждения, что этот мир и я сам имеем определенную длительность.

Дона Хуана, казалось, забавляли мои попытки придать смысл моим мыслям. Он смеялся, качал головой, почесывал волосы и, наконец, когда я говорил об «определенной длительности», бросил на землю свою шляпу и наступил на нее.

Я кончил тем, что рассмеялся над его клоунадой.

— У тебя нет времени, мой друг, — сказал он. — в этом несчастье человеческих существ. Никто из нас не имеет достаточно времени. И твоя длительность не имеет смысла в этом страшном волшебном мире.

— Твоя длительность лишь делает тебя боязливым, — сказал он. — твои поступки не могут иметь того духа, той силы, той всеохватывающей силы поступков, выполняемых человеком, который знает, что он сражается в своей последней битве на земле. Иными словами твоя длительность не делает тебя счастливым или могущественным.

Я признал, что боюсь думать о том, что я умру, и обвинил его в том, что он вызывает огромное беспокойство во мне своим постоянным разговором о смерти и заботой о ней.

— Но мы все умрем, — сказал он.

Он указал в направлении холмов вдали.

— Там есть нечто, что ожидает меня наверняка, и я присоединюсь к нему также наверняка, но, может быть, ты другой, и смерть не ждет тебя совсем?

Он засмеялся над моим жестом отчаяния.

— Я не хочу думать об этом, дон Хуан.

— Почему?

— Это бессмысленно. Если она ждет меня, то почему я должен об этом заботиться?

— Я не сказал, что ты должен об этом заботиться.

— Что же тогда я должен делать?

— Используй ее, сфокусируй свое внимание на связи между тобой и твоей смертью. Без сожалений, без печали, без горевания. Сфокусируй свое внимание на том факте, что у тебя нет времени, и пусть твои поступки текут соответственно. Пусть каждый из твоих поступков будет твоей последней битвой на земле. Только при таких условиях твои поступки будут иметь законную силу. В этом случае сколько бы ты ни жил, они будут поступками боязливого человека.

— Разве это так ужасно быть боязливым человеком?

— Нет. Это не так, если ты бессмертен. Но если ты собираешься умереть, то у тебя нет времени для того, чтобы быть боязливым просто потому, что твоя боязливость заставляет тебя хвататься за что-либо такое, что существует только в твоих мыслях. Это убаюкивает тебя в то время, как все вокруг спит. Но затем страшный и волшебный мир разинет на тебя свой рот, как он откроет его на каждого из нас. И тогда ты поймешь, что твои проверенные пути совсем не являются проверенными. Быть боязливым не дает нам рассмотреть и использовать нашу судьбу, как судьбу людей.

— Но это неестественно — жить с постоянной мыслью о своей смерти, дон Хуан.

— Наша смерть ждет, и вот этот самый поступок, который мы совершаем сейчас, вполне может быть нашей последней битвой на земле, — ответил он бесстрастным голосом. — Я называю его битвой потому, что это сражение, борьба. Большинство людей переходит от поступка к поступку без всякой борьбы и без всякой мысли. Охотник, напротив, отмеряет каждый поступок. И, поскольку он обладает глубоким знанием своей смерти, он совершает поступки взвешено, как если бы каждый поступок был его последней битвой. Только дурак не сможет заметить преимуществ охотника перед окружающими людьми. Охотник оказывает своей последней битве должное уважение, и это естественно, потому что его последний поступок на земле должен быть его лучшим поступком. Это приятно. Это сглаживает грани его испуга.

— Ты прав, — согласился я. — это просто трудно принять.

— Это потребует у тебя многих лет, чтобы убедить себя, потом тебе потребуется еще много лет, чтобы соответственно действовать. Я надеюсь только на то, что у тебя осталось достаточно времени.

— Я пугаюсь, когда ты так говоришь, — сказал я.

Дон Хуан окинул меня взглядом с серьезным выражением на лице.

— Я уже говорил тебе, что это заколдованный мир, — сказал он. — силы, которые руководят людьми, непредсказуемы, ужасны, и, однако, великолепны. Тут есть на что посмотреть.

Он перестал говорить и опять посмотрел на меня. Он, казалось, собирался что-то сказать мне, но передумал и улыбнулся.

— Разве есть что-либо, что руководит нами? — спросил я.

Разумеется, есть силы, которые ведут нас.

— Можешь ты описать их?

— Нет, не могу, разве что назвать их силами, духами, ветрами или чем угодно вроде этого.

Я хотел допрашивать его дальше, но прежде, чем я смог спросить его что-либо еще, он поднялся. Я смотрел на него ошеломленный. Он встал одним движением, его тело просто дернулось, а он уже был на ногах.

Я все еще размышлял над тем, какая необычайная ловкость нужна для того, чтобы двигаться с такой скоростью, когда он сказал мне сухим тоном команды, чтобы я выследил кролика, поймал его, убил и поджарил мясо до захода солнца.

Он взглянул на небо и сказал, что времени у меня достаточно.

Я автоматически принялся за дело, так как я это делал уже много раз. Дон Хуан шел рядом со мной и следил за моими движениями пристальным взглядом. Я был очень спокоен, двигался осторожно, и у меня совсем не было никаких трудностей в том, чтобы поймать кролика-самца.

— Теперь убей его, — сказал сухо дон Хуан.

Я потянулся в ловушку, чтобы ухватиться за кролика. Я взял его за уши и тащил его наружу, когда внезапное ощущение ужаса охватило меня. Впервые, как дон Хуан начал учить меня охотиться, я подумал о том, что он никогда не учил меня, как убивать дичь. За много раз, когда мы ходили по пустыне, сам он убил только одного кролика, двух куропаток и одну гремучую змею.

Я уронил кролика обратно и взглянул на дона Хуана.

— Я не могу убить его, — сказал я.

— Почему?

- Я никогда этого не делал.
- Но ты убил сотни птиц и других животных.
- Из ружья, а не голыми руками.
- Но какая разница? Время кролика истекло.

Тон дон Хуана шокировал меня. Он был таким авторитетным, таким знающим, что не оставлял у меня в уме никаких сомнений относительно того, что время кролика истекло.

— Убей его! — скомандовал он с жестким взглядом в глазах.

Я не могу.

Он закричал на меня, что кролик должен умереть. Он сказал, что его блуждание по прекрасной пустыне пришло к концу, мне нечего упрямыться, потому что сила или дух, который ведет кроликов, подвел именно этого к моей ловушке как раз перед заходом солнца.

Целый ряд смущенных мыслей и чувств охватили меня, как если бы все эти чувства только меня и ждали. Я почувствовал с предельной ясностью трагедию кролика, который вынужден был попасть в мою ловушку. Через какие-то секунды мой ум перешагнул через критические моменты моей собственной жизни. Много раз я сам был кроликом.

Я взглянул на него, и он взглянул на меня. Кролик прижался к задней стенке клетки. Он почти свернулся, очень спокойный и неподвижный. Мы обменялись странными взглядами и этот взгляд, который я воспринял, как молчаливое отчаяние, вызвал полную идентификацию с моей собственной участью.

— Черт с ним, — сказал я громко. — я никого не хочу убивать. Этот кролик пойдет на свободу.

Сильная эмоция заставила меня задрожать. Мои руки тряслись, когда я пытался схватить кролика за уши. Он двигался быстро, и я промахнулся. Я снова попытался и еще раз промахнулся. Меня охватило отчаяние. Я почувствовал приступ тошноты и быстро пнул клетку для того, чтобы сломать ее и выпустить кролика на свободу. Клетка неожиданно оказалась крепкой и не сломалась так, как я ожидал. Мое отчаяние выросло до невыносимого чувства нетерпения. Используя всю свою силу, я пнул в край клетки правой ногой. Палки громко сломались. Я вытащил кролика наружу. Я испытал момент облегчения, который в следующий момент разбился на мелкие кусочки. Кролик вяло висел у меня в руке. Он был мертв.

Я не знал, что делать. Я был занят попытками додуматься, почему же он умер. Я повернулся к дону Хуану. Он смотрел на меня. Чувство ужаса ознобом прошло по моему телу. Я уселся рядом с какими-то камнями. У меня страшно болела голова. Дон Хуан положил мне на голову руку и прошептал мне на ухо, что я должен ободрить кролика и поджарить его, прежде чем не кончатся сумерки.

Меня поташнивало. Он очень терпеливо разговаривал со мной, как будто разговаривал с ребенком. Он сказал мне, что те силы, которые ведут людей или животных, привели именно этого кролика ко мне, точно так же, как они приведут меня к моей собственной смерти. Он сказал, что смерть кролика была подарком мне совершенно так же, как моя смерть будет подарком кому-нибудь или чему-нибудь еще.

У меня кружилась голова. Простейшие события этого дня сокрушили меня. Я старался думать, что это всего лишь кролик. И, однако же, я никак не мог стряхнуть с себя то отождествление, которое я имел с ним.

Дон Хуан сказал, что мне нужно съесть немного его мяса, хотя бы только кусочек для того, чтобы придать ценность моей находке.

— Я не могу этого сделать, — запротестовал я пассивно.

— Мы мусор в руках этих сил, — бросил он мне, — поэтому останови свою собственную важность и используй подарок должным образом.

Я поднял кролика. Он был теплым.

Дон Хуан наклонился и прошептал мне на ухо:

— Твоя ловушка была его последней битвой на земле. Я говорил тебе, что у него уже больше не было времени, чтобы прыгать по прекрасной пустыне.

10. СТАТЬ ДОСТУПНЫМ СИЛЕ

Четверг, 17 августа 1961 года.

Как только я вылез из машины, я пожаловался дону Хуану, что плохо себя чувствую.

— Садись, садись, — сказал он мне мягко и почти за руку подвел меня к своему порогу. Он улыбнулся и похлопал меня по спине.

За две недели до того, 4 августа, дон Хуан, как он говорил, переменял свою тактику со мной и позволил мне съесть несколько батончиков пейота. Во время моего последнего

галлюцинаторного опыта я играл с собакой, которая жила в том доме, где проходила пейотная сессия. Дон Хуан истолковал мои взаимодействия с собакой, как совершенно особенное событие. Он утверждал, что в момент силы, вроде того, в котором я тогда жил, мир обычных поступков не существует, и ничего не может быть принято наверняка. Что собака была не собакой, а воплощением мескалито, силы или духа содержащегося в пейоте.

Последующие эффекты опыта были в общем смысле усталостью и меланхолией, а также исключительно живыми снами и кошмарами.

— Где твои письменные принадлежности? — спросил дон Хуан, когда я уселся на порог.

Я оставил свои записные книжки в машине. Дон Хуан вернулся к машине и, осторожно вытащив мой портфель, принес и положил его рядом со мной. Он спросил, ношу ли я обычно свой портфель, когда я хожу. Я сказал, что да.

— Это безумие, — сказал он. — я сказал тебе, чтобы ты ничего не носил в руках, когда идешь. Заведи рюкзак.

Я засмеялся. Мысль о том, чтобы носить свои заметки в рюкзаке, была смешной. Я сказал ему, что обычно я ношу костюм, и рюкзак поверх костюма с жилетом будет слишком необычным зрелищем.

— Одевай свой пиджак поверх рюкзака, — сказал он. — пусть лучше люди думают, что ты горбат, чем калечить свое тело, таская все это.

Он сказал, чтобы я вытащил свою записную книжку и записывал. Казалось, он делал сознательное усилие к тому, чтобы успокоить меня.

Я опять пожаловался, что чувствую физическое неудобство и странные ощущения несчастья.

Дон Хуан засмеялся и сказал:

— Ты начинаешь учиться.

Затем у нас был очень долгий разговор. Он сказал, что мескалито, позволив мне играть с ним, указал на меня, как на «избранного» человека. И что, хотя он был ошеломлен этим знаком, поскольку я не был индейцем, он собирается, тем не менее, передать мне некое секретное знание. Он сказал, что он сам имел «бенефактора», который научил его тому, как стать «человеком знания».

Я почувствовал, что должно случиться что-то ужасное. Откровение, что я был его избранным человеком плюс совершенно прямая чуждость его жизни и тот разрушительный эффект, который пейот имел на меня, создали состояние невыносимого сопротивления и нерешительности. Однако, дон Хуан не обратил внимания на мои чувства и порекомендовал, чтобы я думал только о том чуде, что мескалито играл со мной.

— Ни о чем больше не думай, — сказал он. — все остальное придет само.

Он поднялся и мягко погладил меня по голове, а затем сказал очень тихим голосом:

— Я собираюсь учить тебя тому, как быть воином. Точно так же, как я учил тебя охотиться. Однако, я должен предупредить тебя, что изучение того, как охотиться, не сделало тебя охотником, точно так же, как изучение, как стать воином, не сделает тебя им.

Я испытал чувство замешательства, физического неудобства, которое граничило с нетерпением. Я пожаловался на слишком живые сновидения и ночные кошмары. Он, казалось, минуту раздумывал, а затем снова сел.

— Это заколдованные сновидения, — сказал я.

— У тебя всегда были заколдованные сновидения, — бросил он в ответ.

— Говорю тебе, что на этот раз они действительно более колдовские, чем я когда-либо видел.

— Не заботься о том, это просто сны. Точно так же, как сны любого обычного спящего, они не имеют силы. Поэтому, что пользы заботиться о них или говорить о них.

— Они заботят меня, дон Хуан. Разве нет чего-нибудь такого, что бы я мог сделать, что остановить их?

Ничего. Дай им пройти, — сказал он. — теперь пришло время стать доступным силе, и ты начнешь с того, что ухватишься за с н о в и д е н и я.

Тон его голоса, когда он сказал «сновидения», заставил меня думать, что он использует это слово каким-то особым манером. Я раздумывал над тем, какой вопрос ему следует задать, когда он вдруг начал говорить.

— Я никогда не рассказывал тебе о видении снов. Потому что до сих пор я был озабочен лишь тем, чтобы научить тебя, как стать охотником, — сказал он. — охотнику нет дела до манипуляции с силой, поэтому его сны, это просто сны. Они могут глубоко затрагивать, но остаются только снами, а не сновидением.

Воин, с другой стороны, ищет силу, и одна из широких дорог к силе есть сновидение. Можно сказать, что это различие между охотником и воином состоит в том, что воин

находится на своем пути к силе в то время, как охотник ничего о ней не знает или почти ничего.

Решение относительно того, кто может быть воином, а кто может быть только охотником — не наше. Это решение находится в царстве сил, которые руководят людьми. Вот почему твоя игра с мескалито была таким важным знаком. Эти силы привели тебя ко мне. Они привели тебя на ту автобусную станцию, помнишь? Какой-то клоун подвел тебя ко мне. Отличный знак — клоун, указывающий на тебя. Поэтому я учил тебя, как быть охотником. А затем еще один отличный знак — сам мескалито, играющий с тобой. Понимаешь, о чем я говорю.

Его колдовская логика подавляла. Его слова создавали зрелище меня, поддающегося чему-то страшному и неизвестному. Чему-то такому, чего я не добивался и о существовании чего не подозревал даже в самых диких фантазиях.

— Что ты полагаешь, мне следует делать.

Стать доступным силе. Уцепиться за свои сны, — ответил он. — ты называешь их сны, потому что у тебя нет силы. Воин, будучи человеком, который ищет силу, не называет их сны. Он зовет их реальным.

— Ты хочешь сказать, что он воспринимает свои сны, как реальность?

— Он не воспринимает ничего, как что-либо другое. То, что ты называешь снами, является реальностью для воина. Ты должен понять, что воин не дурак. Воин — это не запятанный охотник, который охотится за силой. Он не пьян, не безумен, у него нет ни времени, ни расположения, чтобы передергивать или лгать себе, или делать неправильный ход. Ставки слишком высоки для этого. Ставки, это его разграниченная упорядоченная жизнь, на которую у него ушло так много времени, чтобы подтянуть ее и сделать совершенной. Он не собирается отбрасывать все это, делая какой-нибудь глупый неправильный расчет, принимая что-либо за что-либо еще.

Сновидения — реальность для воина, потому что в них он может действовать сознательно. Он может выбирать или отказываться. Он может выбирать среди различных моментов, которые ведут к силе, и затем он может манипулировать с ними и использовать их, тогда как в обычном сне он не может действовать сознательно.

— В таком случае ты хочешь сказать, дон Хуан, что сновидения реальны?

— Конечно, реальны.

— Так же реальны, как то, что мы делаем сейчас?

— Если ты хочешь сравнивать одно с другим, что ж, они, пожалуй, более реальны. В сновидениях ты имеешь силу. Ты можешь изменять вещи, ты можешь находить бесчисленные скрытые факты. Ты можешь контролировать все то, что ты хочешь.

Утверждение дон Хуана отзывалось во мне на определенном уровне. Я легко мог понять его любовь к той идее, что можно делать все во сне. Но я не мог принять его серьезно. Прыжок был слишком велик.

Секунду мы смотрели друг на друга. Его заявления были безумны, и, тем не менее, он был, согласно всему моему знанию о нем, один из самых здравомыслящих людей, которых я когда-либо встречал.

Я сказал ему, что не могу поверить в то, что он принимает свои сны за реальность. Он усмехнулся, как если бы знал размеры моей непоколебимой позиции. Затем он поднялся и, ни слова не говоря, вошел в дом. Я долгое время сидел в состоянии оцепенения, пока он не позвал меня к задней части дома. Он приготовил какую-то кашу и дал мне чашку.

Я спросил его о том времени, когда человек бодрствует. Я хотел узнать, называет ли он как-нибудь его особенно, но он не понял или не захотел ответить.

— Как ты называешь это, вот то, что мы делаем сейчас? — спросил я, имея в виду, что то, что мы делаем, было реальностью в противоположность сну.

— Я называю это едой, — сказал он, удерживая смех.

— Я называю это реальностью, потому что еда наша действительно имеет место.

— Сновидение тоже имеет место, — ответил он, посмеиваясь. — точно так же охота, хождение, смех.

Я не настаивал на споре, однако я не мог, даже если бы я вышел из себя, принять его идею. Он, казалось, был доволен моим отчаянием.

Как только мы кончили есть, он заметил, что мы отправляемся на прогулку. Но мы не будем бродить по пустыне, так, как мы это делали раньше.

— На этот раз по-другому, — сказал он. — с этого времени мы будем ходить на места силы. Ты должен научиться делать себя доступным силе.

Я опять выразил свое замешательство. Я сказал, что я недостаточно квалифицирован для такого дела.

— Продолжай, ты оправдываешь глупый страх, — сказал он низким голосом, поглаживая меня по спине и доброжелательно улыбаясь. — я подбираюсь к твоему охотничьему духу. Ты любишь бродить со мной по этой прекрасной пустыне. Слишком поздно выбывать из игры.

Он пошел в пустынный чапараль. Головой он сделал мне знак следовать за ним. Я мог бы пойти спиной к своей машине и уехать, но только мне нравилось бродить по прекрасной пустыне вместе с ним, мне нравилось то ощущение, которое я испытывал только в его компании, что это действительно пугающий, волшебный и все же прекрасный мир. Как он сказал, я сидел на крючке.

Дон Хуан отвел меня к холмам, находящимся на востоке. Это была длинная прогулка. Был жаркий день. Жара, однако, хотя она обычно казалась невыносимой для меня, каким-то образом была незаметной.

Мы прошли большое расстояние и вошли в каньон, пока, наконец, дон Хуан не остановился и не уселся в тени каких-то камней. Я вынул несколько галет из рюкзака. Но он сказал, чтобы я не беспокоился о них.

Он сказал, что я должен сидеть в определенном месте; указав на одинокий почти круглый валун в трех-четыре метра от нас, и помог мне забраться на его вершину. Я думал, что он тоже собирается сидеть там, но вместо этого он забрался только на половину его высоты для того, чтобы передать мне какие-то кусочки сухого мяса. С очень серьезным выражением он сказал, что это мясо обладающее силой и его нужно жевать очень медленно и его нельзя мешать ни с какой другой пищей. Затем он отошел назад в тень и сел, прислонившись спиной к камню. Он казался расслабленным, почти сонным. В таком положении он оставался до тех пор, пока я не кончил есть. Тогда он выпрямился и склонил голову направо. Казалось, он внимательно слушает. Два-три раза он взглянул на меня, выпрямился и начал обшаривать окружающее глазами так, как это делает охотник. Я автоматически застыл на месте и двигал глазами только для того, чтобы следить за его движениями. Очень осторожно он зашел за камни, как если бы ожидал, что на то место, куда мы пришли, сейчас выйдет дичь. Тут я понял, что мы находились в сухом водном каньоне, в круглом его расширении, окруженном песчаниковыми валунами.

Неожиданно дон Хуан вышел из-за камней и улыбнулся мне. Он потянулся, зевнул и подошел к валуну, на котором я находился. Я переменял свою напряженную позицию и уселся.

— Что случилось? — спросил я шепотом.

Он ответил мне чуть не криком, что вокруг ничего нет, о чем беспокоиться. Я почувствовал тотчас же потрясение в животе. Его ответ был неподходящим к обстановке, и я не мог представить себе, чтобы он кричал, если для этого нет специальной причины.

Я начал слезать с камня, но он заорал, чтобы я оставался там еще.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Он сел, укрывшись между двумя камнями у основания того валуна, на котором я находился, а затем сказал очень громким голосом, что он просто осматривался, потому что ему показалось, что он слышит что-то.

Я спросил его, крупное ли животное он услышал. Он приложил руку к уху и заорал, что не может меня расслышать и что я должен кричать свои слова. Я чувствовал очень большое неудобство в том, чтобы кричать, но он громким голосом велел мне говорить. Я закричал, что хочу знать, что происходит. И он крикнул в ответ, что вокруг ничего нету. Он орал, спрашивая, не вижу ли я чего-нибудь особенное с вершины валуна. Я сказал, нет, и он попросил меня описать ему местность, лежащую к югу от нас.

Некоторое время мы перекрикивались, а затем он сделал мне знак спуститься вниз. Я присоединился к нему, и он прошептал мне на ухо, что кричать было необходимо для того, чтобы наше присутствие было известно, потому что я должен сделать себя доступным той силе, которая находится именно в этой водяной дыре.

Я оглянулся, но не мог нигде увидеть водяной дыры. Он указал, что мы стоим на ней.

— Здесь есть вода, — сказал он шепотом. — и также есть сила. Тут есть дух, которого мы должны выманить. Может быть, он польстится на тебя.

Я хотел узнать побольше об этом непонятном духе, но он настоял на полном молчании. Он велел мне оставаться совершенно неподвижным, не произносить ни слова и не делать ни малейшего движения, чтобы не выдать нашего присутствия.

Для него, очевидно, было легко оставаться неподвижным в течение нескольких часов. Для меня, однако, это была сплошная пытка. Мои ноги затекли, моя спина болела и у меня ломило шею и плечи. Все мое тело онемело и замерзло. Я ощущал страшное неудобство, когда дон Хуан, наконец, поднялся. Он просто вскочил на ноги и протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

Когда я пытался распрямить свои ноги, я понял непостижимую легкость, с которой вскочил дон Хуан после нескольких часов неподвижности. Для моих мышц понадобилось довольно много времени, чтобы восстановить эластичность, необходимую для ходьбы.

Дон Хуан направился обратно к дому. Он шел очень медленно. Он установил для меня расстояние в три шага, и на этом расстоянии я должен был вести наблюдения, следуя за ним. Он шел, петляя, вдоль нашего обычного пути и пересек его четыре-пять раз в различных направлениях. Когда мы, наконец, подошли к его дому, день клонился к вечеру.

Я попытался расспросить его о событиях дня. Он объяснил, что разговор не является необходимым. На некоторое время я должен воздержаться от вопросов, пока мы находимся на месте силы.

Мне до смерти хотелось узнать, о чем он говорит, и я пытался задавать ему вопросы шепотом, но он напомнил мне с холодным и жестким взглядом, что он говорит серьезно.

Мы сидели на его веранде в течение нескольких часов. Я работал над своими записками, время от времени он давал мне кусочек сухого мяса. Наконец, стало слишком темно, чтобы писать. Я попытался думать о новом развитии событий, но какая-то часть меня самого воспротивилась этому, и я заснул.

Суббота, 19 августа 1961 года

Вчера утром мы с доном Хуаном съездили в город и позавтракали в ресторане. Он посоветовал мне не менять мои пищевые привычки очень резко.

— Твое тело не привыкло к мясу силы, — сказал он. — ты заболеешь, если не будешь есть свою пищу.

Сам он ел с удовольствием. Когда я пошутил об этом, он просто сказал:

— Мое тело любит все.

Около полудня мы опять пошли в водный каньон. Мы начали с того, что стали делать себя заметными для духа при помощи «шумного разговора», а затем насильственной тишиной, которая длилась часами.

Когда мы покинули это место, то вместо того, чтобы направиться домой, дон Хуан повернул в сторону гор. Мы достигли каких-то пологих склонов и затем забрались на вершину высокого холма. Там дон Хуан выбрал место на открытом незатененном участке. Он сказал мне, что мы должны ждать до темноты, и что я должен вести себя наиболее естественным образом, что включает в себя задавание вопросов, которые я хочу задать.

— Я знаю, что дух шныряет тут, — сказал он очень тихим голосом.

— Где?

— Вон там, в кустах.

— Какого сорта этот дух?

Он взглянул на меня с испытующим выражением и заметил:

— А сколько сортов всего есть?

Мы оба расхохотались. Я задавал вопросы из-за своей нервозности.

— Он вернется в сумерках, — сказал он. — нам нужно только ждать.

Я замолк, вопросы у меня кончились.

— Это время, когда мы должны поддерживать разговор, — сказал он. — человеческий голос привлекает духов. Один тут шныряет вокруг. Мы делаем себя доступными ему, поэтому продолжай говорить.

Я испытал идиотское чувство пустоты. Я не мог придумать, что бы такое сказать. Он засмеялся и похлопал меня по спине.

— Ты, действительно, штука, — сказал он. — когда нужно разговаривать, ты проглатываешь свой язык. Давай, трепи языком.

Он сделал поразительный жест шлепанья губами, путем открывания и закрывания своего рта с большой скоростью.

— Есть ряд вещей, о которых мы с этого времени сможем говорить только в местах силы, — продолжал он. — я привел тебя сюда, потому что это твое первое испытание. Здесь находится место силы и здесь мы можем говорить только о силе.

— Я действительно не знаю, что такое сила, — сказал я.

— Сила — это нечто такое, с чем имеет дело воин, — сказал он. — сначала это невозможное дело, настолько, что о нем даже трудно думать. Именно это сейчас происходит с тобой. Затем сила становится серьезным делом. Можно не иметь ее, или можно даже полностью не понимать, что она существует, и однако же знать, что что-то такое есть. Что-то такое, что не было заметным раньше. Затем сила проявляет себя, как что-то неконтролируемое, которое приходит само по себе. Я не имею возможности сказать, как она приходит или что это такое в действительности. Это ничто и в то же время это творит чудеса прямо перед твоими глазами. Наконец, сила это что-то такое прямо внутри себя самого. Что-то такое, что контролирует твои поступки и в то же время послушно твоей команде.

Наступила пауза. Дон Хуан спросил меня, понял ли я. Я почувствовал себя смешным, говоря, что я понял. Он, казалось, заметил мое неудобство и усмехнулся.

— Я собираюсь научить тебя прямо здесь первому шагу к силе, — сказал он, как бы диктуя мне письмо. — я хочу научить тебя, как настраивать сновидения.

Он взглянул на меня и вновь спросил меня, понимаю ли я, о чем он говорит. Я не понимал. Я вообще еле-еле мог следить за ним. Он объяснил, что настраивать сновидения означает иметь сознательный и прагматический контроль над общей ситуацией сна, сопоставимый с тем контролем, который имеешь при любом выборе в пустыне, как например, забраться на вершину холма или остаться в тени водного каньона.

— Ты должен начать с того, чтобы делать что-либо очень простое, — сказал он. — сегодня в своих снах ты должен смотреть на руки.

Я громко рассмеялся. Его тон был таким утвердительным, как если бы он говорил мне о чем-то совсем обычном.

— Почему ты смеешься? — спросил он с удивлением.

— Как я смогу смотреть на свои руки во сне?

— Очень просто, сфокусируй свои глаза на них, вот так, — Он наклонил голову вперед и уставился на свои руки с разинутым ртом. Его жест был таким комичным, что я рассмеялся.

— Серьезно, как ты хочешь, чтобы я это сделал? — спросил я.

— Так, как я рассказал тебе, — оборвал он. — ты, конечно, можешь смотреть на все, что тебе, черт возьми, захочется: на свои ноги, на свой живот, на свой хер, — это все равно. Я сказал «твои руки», потому что для меня проще всего смотреть на них. Не считай это шуткой. Сновидение так же серьезно, как «видение» или умирание, или любая другая вещь в этом пугающем волшебном мире.

Думай об этом, как о чем-нибудь развлекательном. Представь себе все те невообразимые вещи, которые ты сможешь выполнить. Человек, охотящийся за силой, почти не имеет границ в своих сновидениях.

Я попросил его дать мне какие-нибудь ключики.

— Тут нет никаких ключиков, просто смотри на свои руки.

— Но тут должно быть что-то большее, чем ты мог мне рассказать, — настаивал я.

Он покачал головой и скосил глаза, глядя на меня короткими взглядами.

— Каждый из нас различен, — сказал он, наконец. — то, что ты называешь ключиками, было бы лишь тем, что я сам делал, когда учился. Но мы не одинаковы. Мы даже примерно не одинаковы.

— Возможно, что-нибудь из того, что ты мне скажешь, помогло бы мне.

— Для тебя было бы проще начать смотреть на свои руки, — он, казалось, организовывал свои мысли и покачивал головой вверх и вниз.

— Каждый раз, когда ты смотришь на что-либо во сне, оно меняет свою форму, — сказал он после долгого молчания. — трюк того, чтобы научиться настраивать сновидения, очевидно, не в том, чтобы просто смотреть на вещи, но в том, чтобы сохранять их изображения. Сновидения реальны, когда добьешься того, что сможешь приводить все в фокус. Тогда не будет разницы между тем, что ты делаешь, когда спишь, и тем, что ты делаешь, когда не спишь. Понимаешь, что я имею в виду?

Я признался, что, хотя я и понял то, что он сказал, но я был неспособен ухватить его идею. Я привел пример, что в цивилизованном мире есть масса людей, которые имеют различные иллюзии и неспособны отличить того, что происходит в реальном мире от того, что имеет место в их фантазиях. Я сказал, что такие люди несомненно умственно больны, и мое чувство неловкости возрастает каждый раз, когда он рекомендует, чтобы я поступал, как сумасшедший человек.

После моих долгих объяснений дон Хуан сделал комический жест отчаяния, приложив ладони к щекам и громко вздыхая.

— Оставь свой цивилизованный мир в покое, — сказал он. — Пусть он будет, как он есть! Никто не просит тебя вести себя так, как безумец. Я уже говорил тебе, что воин должен быть совершенен для того, чтобы иметь дело с теми силами, за которыми он охотится. Как ты можешь предполагать, что воин будет неспособен отличить одну вещь от другой.

С другой стороны, мой друг, ты, который знает, что такое реальный мир, споткнешься и погибнешь через очень короткое время, если тебе придется зависеть от своей способности различать, что реально, а что нереально.

Очевидно, я не выразил того, что я хотел сказать. Каждый раз, когда я протестовал, я просто выражал словами невыносимое замешательство от того, что нахожусь в ужасном положении.

— Я не собираюсь превращать тебя в больного сумасшедшего человека, — продолжал дон Хуан. — это ты можешь сделать и сам, без моей помощи. Но те силы, которые ведут нас,

привели тебя ко мне, и я принял решение учить тебя. Изменить твой глупый образ жизни, жить сильной и чистой жизнью. Затем силы привели тебя ко мне снова и сказали мне, что ты должен научиться жить неуязвимой жизнью воина. Очевидно, ты не можешь так жить. Но кто может сказать наверняка? Мы такие же загадочные и такие же пугающие, как этот неизмеримый мир. Поэтому, кто сможет сказать наверняка, на что ты способен?

В голосе дон Хуана был оттенок грусти. Я хотел извиниться, но он начал говорить снова.

— Тебе нет нужды обязательно смотреть на свои руки, — сказал он. — как я уже сказал, выбери все, что угодно. Но выбери одну вещь заранее и найди ее в своих снах. Я сказал «твои руки», потому что они всегда будут рядом с тобой.

Когда они начнут изменять форму, ты должен отвести от них взгляд и выбрать что-либо другое, а затем взглянуть на свои руки опять. Нужно много времени, чтобы усовершенствовать эту технику.

Я настолько ушел в записывание, что не заметил, как стемнело. Солнце уже исчезло за горизонтом. Небо было облачным, и сумерки были густыми. Дон Хуан поднялся и бросил несколько взглядов украдкой в сторону юга.

— Пойдем, — сказал он. — мы должны идти на юг до тех пор, пока дух водной дыры не покажет себя.

Мы шли наверное, полчаса. Ландшафт резко изменился, и мы вышли на сильно пересеченную местность. Тут были круглые большие холмы на месте выгоревшего чапарала. Один холм выглядел, как лысая голова. Мы пошли к нему. Я думал, что дон Хуан собирается взбираться по пологому склону, но он вместо этого остановился и остался в очень внимательной позе. Его тело, казалось, напряглось, как монолитный предмет, и на секунду вздрогнуло. Затем он вновь расслабился и так стоял. Я не мог понять, каким образом его тело остается прямым, когда все мышцы у него настолько расслаблены.

В этот момент очень сильный порыв ветра ударил меня. Тело дон Хуана повернулось в сторону ветра на запад. Он не пользовался своими мышцами для того, чтобы повернуться. Или, по крайней мере, он не пользовался ими так, как я пользовался бы ими для поворота. Тело дон Хуана скорее, казалось, было повернуто извне. Это произошло так, как если бы кто-то другой повернул его тело в новом направлении. Я пристально смотрел на него. Он взглянул на меня уголком глаза. На его лице была написана решимость, целенаправленность. Все его существо было внимательным, и я смотрел на него в удивлении. Я никогда не бывал ни в какой ситуации, которая бы требовала такой странной концентрации. Внезапно его тело передернулось, как если бы на него пролился внезапно поток холодной воды. Он еще раз вздрогнул, а затем пошел, как если бы ничего не случилось. Я последовал за ним. Мы направлялись в сторону голых холмов на востоке, пока не оказались среди них. Там он остановился, повернувшись лицом на запад.

Оттуда, где мы стояли, вершина холма уже не была такой округлой и гладкой, как она казалась мне с расстояния. Там была пещера или дыра рядом с вершиной. Я пристально смотрел на нее, потому что дон Хуан делал то же самое. Еще один сильный порыв ветра вызвал озноб у меня на спине. Дон Хуан повернулся к югу и обшарил местность своими глазами.

— Там, — сказал он шепотом и показал на предмет на земле.

Я напрягал глаза, чтобы увидеть. На земле что-то лежало метрах в шести от меня. Оно было светло-коричневым, и, пока я смотрел на него, оно задрожало. Я сфокусировал на нем все свое внимание. Предмет был почти круглым и казался свернувшимся. В самом деле, он походил на свернувшуюся собаку.

— Что это? — прошептал я дону Хуану.

— Не знаю, — прошептал он в ответ, глядя на предмет. — а чем это тебе кажется?

Я сказал ему, что это похоже на собаку.

— Слишком велика для собаки, — сказал он, как само собой разумеющееся.

Я сделал в этом направлении пару шагов, но дон Хуан остановил меня мягко. Я опять стал всматриваться. Это определенно было какое-то животное или спящее, или мертвое. Я почти мог разглядеть его голову. Его уши торчали, как уши волка. К этому времени я был уже определенно уверен, что это свернувшееся животное. Я подумал, что это может быть коричневый теленок. Я прошептал об этом дону Хуану. Он ответил, что он слишком компактен, чтобы быть теленком, кроме того, у него уши острые. Животное опять задрожало, и тогда я заметил опять, что оно живое. И в самом деле, я мог видеть, что оно дышит. Однако, его дыхание не было ритмичным. Вдохи, которые оно делало, больше походили на нерегулярные вздрагивания. В этот момент мне пришла внезапная мысль.

— Если это животное, то оно умирает, — прошептал я дону Хуану.

— Ты прав, — прошептал он в ответ. — но что это за животное?

Я не мог различить его характерных признаков. Дон Хуан сделал пару осторожных шагов в направлении него. Я последовал за ним. К этому времени было уже совершенно темно, и нам пришлось сделать еще два шага для того, чтобы видеть животное.

— Осторожно, — сказал дон Хуан шепотом на ухо мне. — если это умирающее животное, то оно может прыгнуть на нас из последних сил.

Животное, кем бы оно ни было, было при последнем издыхании. Его дыхание было нерегулярным. Его тело спазматически вздрагивало, но оно не меняло своего свернутого положения. В определенный момент, однако, страшная судорога приподняла животное с земли. Я услышал нечеловеческий вскрик и животное вытянуло свои ноги. Его когти были более, чем пугающими. От их вида кружилась голова. Животное свалилось на бок, вытянув ноги, а затем перекаатилось на спину. Я услышал ужасный стон, а затем голос дон Хуана прокричал:

— Беги ради своей жизни!

И именно это я в точности и сделал. Я помчался к вершине холма с невероятной скоростью и ловкостью. Когда я был на полпути к вершине, я оглянулся и увидел, что дон Хуан стоит на том же самом месте. Он сделал мне знак спуститься. Я сбежал вниз с холма.

— Что случилось? — спросил я, совершенно выдохшись.

— Мне кажется, что животное умерло, — сказал он.

Мы осторожно приблизились к животному. Оно лежало, вытянувшись на спине. Когда я подошел к нему ближе, то я чуть не завыл от страха. Я понял, что оно еще не совсем мертво. Его тело еще дрожало. Его ноги, которые были вытянуты в воздух, дико дергались, животное находилось явно в последней агонии. Еще одна судорога передвинула тело животного, и я смог увидеть его голову. Я в ужасе повернулся к дону Хуану. Судя по его телу, животное явно было млекопитающим, однако, у него был клюв, как у птицы.

Я смотрел на него в полном абсолютном ужасе. Мой рассудок отказывался этому верить. Я был оглушен. Я даже не мог ни слова произнести. Никогда за все свое существование я не был свидетелем ничего подобного. Что-то невосприимчивое было перед моими глазами. Я хотел, чтобы дон Хуан объяснил мне, что это за невероятное животное, но не мог произнести ни слова. Он смотрел на меня. Я взглянул на него, взглянул на животное и затем что-то во мне перестроило мир, и я сразу же знал, чем являлось животное. Я подошел к нему и поднял. Это была большая ветка куста. Она обгорела, и, вероятно, ветер нанес на него всякие обгоревшие обломки и мусор, которые зацепились во всяких ветвях и создали вид крупного и округлого животного. Окраска обгоревшего мусора придавала ему коричневый цвет по контрасту с зеленой растительностью вокруг.

Я засмеялся над своим идиотизмом и возбужденно объяснил дону Хуану, что ветер, который продувал эту ветку насквозь, делал ее похожей на живое животное. Я думал, что он будет доволен тем, как я разрешил загадку, но он повернулся и пошел вверх на вершину холма. Я последовал за ним. Он забрался внутрь углубления, похожего на пещеру. Это была не дыра, а неглубокая выемка в песчанике. Дон Хуан взял несколько небольших веток и использовал их для того, чтобы вымести сор, накопившийся на дне углубления.

— Нам нужно вымести отсюда клещей, — сказал он. Он сделал мне знак сесть и сказал, чтобы я располагался поудобнее, потому что мы проведем здесь ночь.

Я начал говорить о ветке, но он заставил меня замолчать.

— То, что ты сделал, это не победа, — сказал он. — ты растратил прекрасную силу, силу, которая вдвухала жизнь в сухую ветку.

Он сказал, что для меня было бы реальной победой отступить и следовать за силой, пока мир не перестал бы существовать. Он не был сердит на меня и не был разочарован своими поступками. Он несколько раз повторил, что это все только начало, что требуется время для того, чтобы управлять силой. Он похлопал меня по плечу и пошутил, что всего одним днем раньше я был человеком, который знал, что реально, а что нет.

Я почувствовал раздражение. Я начал извиняться за свою тенденцию всегда быть уверенным в своих поступках и своем образе жизни.

— Это не имеет значения, — сказал он. — эта ветка была реальным животным, и она была такой живой в тот момент, когда сила тронула ее. Поскольку то, что ее делало живой, было силой, фокус состоял в том, чтобы как в сновидении сохранить его вид. Понимаешь, о чем я говорю?

Я хотел спросить что-то еще, но он велел мне замолчать и сказал, что я должен оставаться совершенно молчаливым, но бодрствующим всю ночь и что он один будет говорить в течение некоторого времени.

Он сказал, что дух, который знает его голос, может поддаться на его звук и оставить нас одних. Он сказал, что идея того, чтобы сделать себя доступным силе, имеет серьезные обертона. Сила была опустошительной силой, которая легко может привести человека к его

смерти, поэтому обращаться с ней нужно с большой осторожностью. Становиться доступным силе следует систематически, но всегда с большой осторожностью.

Сюда входило то, чтобы сделать свое присутствие очевидным розыгрышем громкого разговора или другого рода шумной активности, а затем оправданным было соблюдать продолжительную и полную тишину. Контролируемая разрядка и контролируемая тишина были знаками воина. Он сказал, что нужно было бы, чтобы я сохранял вид живого монстра несколько дольше контролируемым образом, не теряя головы и не сходя с ума от возбуждения и страха, я должен был стремиться «остановить мир». Он указал, что после моего побега на холм ради спасения своей дорогой жизни, я был в отличном состоянии для того, чтобы «остановить мир». В этом состоянии были слиты вместе страх, испуг, сила и смерть. Он сказал, что такое состояние будет довольно трудно повторить.

Я прошептал ему на ухо:

— Что ты имеешь в виду под остановкой мира?

Он дал мне яростный взгляд, прежде чем ответил, что это техника, практикуемая теми, кто охотится за силой. Техника, при помощи которой можно заставить мир, как мы его знаем, рухнуть.

11. НАСТРОЕНИЕ ВОИНА

Я подъехал к дому дона Хуана в четверг 31 августа 1961 года, и еще прежде, чем я успел приветствовать его, он просунул голову через окошко моей машины и сказал, улыбаясь:

— Мы должны проехать довольно большое расстояние к месту силы, а уже почти полдень.

Он открыл дверцу машины, сел рядом со мной на переднем сиденье и показал, чтобы я ехал на юг примерно 70 миль. Затем мы повернули на восток по грунтовой дороге и ехали по ней, пока не достигли подножия гор. Я остановил машину у дороги в углублении, которое выбрал дон Хуан потому, что оно было достаточно глубоко для того, чтобы скрыть машину из вида. Отсюда мы направились прямо вниз к вершине низких холмов, пересекающих широкую, плоскую пустынную местность.

Когда стемнело, дон Хуан выбрал место для сна. Он требовал полной тишины.

На следующий день мы перекусили и продолжили наше путешествие в восточном направлении. Растительность уже не была пустынным кустарником. Это была сочная зелень горных кустов и деревьев.

Около полудня мы забрались на вершину гигантского утеса неоднородной скалы, которая была похожа на стену. Дон Хуан сел и сделал мне знак, чтобы я сел также.

— Это место силы, — сказал он после секундной паузы. — это место, где давным-давно были захоронены воины.

В этот момент ворона пролетела прямо над нами, каркая. Дон Хуан пристально следил за ее полетом. Я рассматривал скалу и размышлял над тем, где тут могут быть зарыты воины, когда он похлопал меня по плечу.

— Не здесь, дурень, — сказал он, улыбаясь. — там, внизу.

Он указал на поле прямо под нами на дне лощины к востоку и объяснил, что поле, о котором он говорит, окружено естественной каменной изгородью из валунов. С того места, где я сидел, я увидел участок, который может быть был метров двести в диаметре и выглядел правильным кругом. Густые кусты покрывали его поверхность, маскируя валуны. Я бы не заметил ее совершенной округлости, если бы дон Хуан не указал мне на это.

Он сказал, что существует множество таких мест, разбросанных в старом мире индейцев, они не обязательно являлись местами силы, как некоторые холмы или горные образования, которые были жилищем духов, но скорее местами просветления, где человек может научиться, где можно найти решения проблем.

— Мы собираемся провести здесь всю ночь?

— Я так думал, но маленькая ворона только что сказала мне не делать этого.

Я хотел разузнать побольше о воронах, но он сделал мне нетерпеливый знак замолчать.

— Посмотри на тот круг валунов, — сказал он. — зафиксируй его в своей памяти и потом, когда-нибудь, ворона приведет тебя к другому такому месту. Чем совершеннее его округлость, тем больше его сила.

— И что же, кости воинов все еще зарыты здесь?

Дон Хуан сделал смешной жест замешательства, а затем широко улыбнулся.

— Это не кладбище, — сказал он. — никто не закопан здесь. Я сказал, что воины когда-то были похоронены здесь. Я имел в виду, что они приходили сюда, чтобы схорониться здесь на ночь, на два дня или на тот период времени, какой им было нужно. Я не подразумевал, что кости мертвых людей захоронены здесь. Мне нет дела до кладбищ. В них нет силы. В

костях война есть сила, однако. Но они никогда не бывают похоронены на кладбищах. Еще больше силы в костях человека знания, однако было бы практически невозможно найти их.

— Кто такой человек знания, дон Хуан?

— Любой может стать человеком знания. Как я уже говорил тебе, воин является неуязвимым охотником, который охотится за силой. Если он добьется успеха в своей охоте, то он может стать человеком знания.

— Что ты...

Он оборвал мой вопрос движением головы. Он встал и, сделав мне знак следовать за ним, начал спускаться с крутой восточной стороны утесов. Почти незаметная тропинка вела в направлении круглого участка. Мы медленно пробирались по опасной тропе, и когда мы достигли дна, то дон Хуан, совершенно не останавливаясь, повел меня через густой чапараль на середину круга. Там он при помощи толстых сухих веток подмел и очистил место для нас. Это место, на которое мы сели, также было совершенно круглым.

— Я собирался похоронить тебя здесь на всю ночь, но сейчас я знаю, что еще не время. У тебя нет силы. Я собираюсь похоронить тебя только на короткое время.

Я стал очень нервозен при мысли о том, что меня похоронят, и спросил, как он планирует это сделать. Он хихикнул, как ребенок, и начал собирать сухие ветки. Он не позволил мне помочь ему, сказав, чтобы я сидел и ждал.

Собранные ветки он бросил на середину очищенного круга. Затем он заставил меня лечь головой к востоку, подложил мне под голову мой пиджак и построил вокруг моего тела клетку. Он соорудил ее, втыкая кусочки веток длиной около 90 сантиметров в мягкую землю. Те ветки, которые кончались развилкой, служили поддержкой для длинных палок, которые образовали основу клетки и придали ей вид открытого гроба. Он закрыл коробкообразную клетку, поместив небольшие ветки и листья поверх длинных палок, закрыв меня от плечей и вниз. Он оставил мою голову высовываться наружу с пиджаком вместо подушки.

Затем он взял толстый кусок сухого дерева и, пользуясь им, как копательным приспособлением, наковырял вокруг меня земли и покрыл ею клетку.

Решетка была настолько прочной и листья были так хорошо положены, что ни крупинки земли не свалилось внутрь. Я свободно мог двигать ногами и фактически мог бы влезать и вылезать.

Дон Хуан сказал, что обычно воин строит клетку, а затем проскальзывает в нее и заделывает ее изнутри.

— А как насчет животных? — спросил я. — не могут ли они раскопать поверхностную землю, пробраться в клетку и поранить человека?

— Нет, это не забота для воина. Это забота для тебя, потому что у тебя нет силы. Воин, с другой стороны, руководимый своей несгибаемой целеустремленностью, может отразить все, что угодно. Ни крыса, ни змея, ни горный лев не смогут побеспокоить его.

— Для чего они закапывают себя, дон Хуан?

— Для просветления и для силы.

Я испытывал исключительно приятное чувство мира и удовлетворенности. Мир в этот момент казался спокойным. Спокойствие было исключительным и в то же время облегчающим. Я не привык к такого рода тишине. Я попытался заговорить, но он оборвал меня. Через некоторое время спокойствие места подействовало на мое настроение. Я начал думать о своей жизни и о своей личной истории и испытал знакомое чувство печали и угрызения совести. Я сказал ему, что не заслуживаю того, чтобы быть здесь. Что его мир силен и честен, а я слаб, и что мой дух был искажен обстоятельствами моей жизни.

Он засмеялся и пригрозил укрыть мою голову землей, если я буду продолжать говорить в таком же духе. Он сказал, что я человек, и как всякий человек заслуживаю всего, что есть в судьбе человека. Радость, боль, печаль и борьба, и что природа поступков не важна, если он действует, как воин.

Понизив свой голос почти до шепота, он сказал, что если я в самом деле чувствую, что мой дух искажен, то я должен просто фиксировать его, собрать его, сделать его совершенным, потому что во всей нашей жизни нет никакой другой задачи, которая была бы более стоящей. Не фиксировать дух, означает искать смерть, а это то же самое, что ничего не искать, поскольку смерть собирается схватить нас вне зависимости от чего-либо.

Он сделал паузу на долгое время, а затем сказал тоном глубокого убеждения.

— Искать совершенства духа воина — это единственная задача, стоящая нас, как людей.

Его слова действовали, как катализатор. Я чувствовал груз моих прошлых поступков, как независимую и тянущую назад ношу. Я признал, что для меня нет никакой надежды. Я начал плакать, говоря о своей жизни. Я сказал, что я болтаюсь уже так долго, что я стал нечувствительным к боли и печали за исключением тех редких случаев, когда я осознаю свое одиночество и свою бесполезность.

Он не сказал ничего. Он ухватил меня за подмышки и вытащил из клетки. Я сел, когда он меня отпустил. Он тоже уселся. Неловкая тишина установилась между нами. Я думал, что он дает мне время прийти в себя. Я вытащил записную книжку и от нервозности начал строчить в нее. Я чувствовал...

— Ты чувствуешь себя, как лист, отданный на волю ветра, не так ли? — сказал он, глядя на меня.

Именно так я себя и чувствовал. Он, казалось, был слит со мной. Он сказал, что мое настроение напомнило ему песню и начал петь ее тихим голосом. Его поющий голос был очень приятен, и слова песни захватили меня:

Я так далеко от неба, где я был рожден. Бесконечная ностальгия затопляет мои мысли. Сейчас, когда я так одинок и печален, как листик на ветру, я хочу иногда плакать, иногда я хочу смеяться от тоски /ке лехос эстой дель съелло донде э насидо. Именса ностальхиа инваде ми пенсамьенто. Аора кээстой там соло и тристэ куаль оха аль вьенто, сисьера льорар, кисьера рэир дэ сентимьенто/.

Мы не говорили в течение долгого времени. Наконец, он прервал тишину.

— С того времени, как ты был рожден, так или иначе, но кто-нибудь что-нибудь делал для тебя, — сказал он.

— Это верно, — сказал я.

— И они делали что-то для тебя против твоей воли.

— Верно.

— А теперь ты беспомощен, как лист на ветру.

— Это верно. Все так и есть.

Я сказал, что обстоятельства моей жизни временами бывали опустошительными. Он слушал внимательно, но я не мог понять, то ли он просто соглашается, или искренне заинтересован до тех пор, пока не заметил, что он старается скрыть улыбку.

— Как бы сильно тебе ни нравилось чувство жалости к самому себе, ты должен изменить это, — сказал он мягким голосом. — это не подходит к жизни воина.

Он засмеялся и еще раз спел песню, но изменил интонацию некоторых слов. В результате получился плачущий куплет. Он указал, что причиной того, что мне понравилась песня, было то, что в своей собственной жизни я не делал ничего другого, как только находил во всем недостатки и плакал. Я не мог с ним спорить. Он был прав. Я, однако же, я считал, что у меня достаточно причин, оправдывающих мое чувство того, что я как лист на ветру.

— Самая трудная вещь в мире — принять настроение воина, — сказал он. — нет пользы в том, чтобы печалиться, жаловаться или чувствовать себя оправданным в том, что ты так делаешь, и верить в то, что кто-то всегда что-то делает для нас. Никто и ничего никому не делает, а менее всего воину.

Ты здесь со мной, потому что ты хочешь быть здесь. Ты должен принять полную ответственность за свои поступки к настоящему времени. Так, чтобы мысль о том, что ты находишься в воли ветра, была неприемлема.

Он поднялся и начал разбирать клетку. Он ссыпал землю обратно туда, откуда он ее взял и тщательно рассовал все палки в чапараль. Затем он покрыл чистое место мусором, оставив место таким, как если бы его никогда ничто не касалось.

Я сделал замечание относительно его скрытности. Он сказал, что хороший охотник узнает, что мы были здесь вне зависимости от того, какими осторожными мы будем, потому что следы людей не могут быть полностью стертые.

Он сел, скрестив ноги, и велел мне сесть как можно удобнее лицом к тому месту, где он закапывал меня, и оставаться в таком состоянии, пока мое настроение печали не рассеется.

— Воин закапывает себя для того, чтобы найти силу, а не для того, чтобы плакать от жалости к самому себе.

Я сделал попытку объяснить, но он остановил меня нетерпеливым движением головы. Он сказал, что должен был вытащить меня из клетки, как можно быстрее, потому что мое настроение было невыносимым, и он побоялся, что место воспользуется моей мягкотелостью и причинит мне вред.

— Жалость к самому себе не уживается с силой, — сказал он. — настроение воина призывает к контролю над самим собой и в то же самое время оно призывает к отрешенности.

— Как это может быть? — спросил я. — как он может контролировать самого себя и быть отрешенным в одно и то же время?

— Это трудная техника, — сказал он.

Он, казалось, раздумывал, продолжать ли говорить. Дважды он, казалось, собирался что-то сказать, но останавливал себя и улыбался.

— Ты еще не преодолел своей печали, — сказал он. — ты все еще чувствуешь себя слабым, и поэтому нет возможности говорить о настроении воина сейчас.

Почти час прошел в полном молчании. Затем он внезапно спросил меня, как мои успехи в изучении техники сновидения, которой он научил меня. Я практиковал ее очень усердно и после монументальных усилий получил до какой-то степени способность контролировать свои сны. Дон Хуан был очень прав, говоря, что эти упражнения можно рассматривать, как развлечения. Впервые в моей жизни меня еще что-то ждало впереди, когда я ложился спать.

Я дал ему детальный отчет о своих успехах.

Довольно легко оказалось научиться удерживать изображение своих рук после того, как я научился командовать самому себе смотреть на них. Мои видения, хотя и не всегда моих собственных рук, длились по-видимому долгое время, пока я, наконец, не терял над ними контроля и не погружался в обычные непредсказуемые сны. У меня совсем не было воли над тем, когда я дам себе команду смотреть на свои руки или же смотреть на другие моменты сна. Это просто происходило, и все. В какой-то момент я вспоминал, что я должен посмотреть на свои руки, а затем на окружающее. Были ночи, однако, когда я не мог припомнить, чтобы я что-либо делал совершенно.

Он, казалось, был удовлетворен и захотел узнать, какие темы сновидений я обычно находил в своих видениях. Я не мог подумать ни о чем конкретном и стал пересказывать кошмарный сон, который я видел предыдущей ночью.

— Не будь таким заинтересованным, — сказал он сухо.

Я рассказал ему, что я записывал все детали моих снов. С тех пор, как я начал практиковать смотрение на свои руки, мои сны стали очень впечатляющими, и моя способность вспоминать их увеличилась до такой степени, что я мог помнить малейшие детали. Он сказал, что следить за ними было пустой тратой времени, потому что детали и их живость ни коим образом не были важны.

— Обычные сны становятся очень живыми, как только ты начинаешь настраивать сновидение, — сказал он. — эта живость и ясность являются ужасающим барьером, и с тобой тут дело обстоит хуже, чем с кем-либо вообще, кого я встречал в своей жизни. У тебя наихудшая мания. Ты записываешь все, что можешь.

Со всей честностью я считал, что делаю то, что нужно. Составляя подробнейшие отчеты о своих снах, я получал до какой-то степени ясность относительно природы явлений, которые проходили передо мной во сне.

— Брось это, — сказал он повелительно. — это ничему не помогает. Все, что ты при этом делаешь, это отвлекаешь себя от цели сновидения, которая состоит в контроле и силе.

Он лег и закрыл глаза шляпой и говорил, не глядя на меня.

— Я собираюсь напомнить тебе всю ту технику, которую ты должен практиковать, — сказал он. — прежде всего, как исходная точка, ты должен фокусировать свой взгляд на руках. Затем перенеси свой взгляд на другие предметы и смотри на них короткими взглядами. Фокусируй свой взгляд на как можно большем количестве вещей. Помни, что если ты бросаешь только короткий взгляд, то изображение не смещается. Затем возвращайся обратно к своим рукам.

Каждый раз, когда ты смотришь на свои руки, ты возобновляешь силу, необходимую для сновидения. Поэтому вначале не смотри на слишком много вещей. Четырех предметов будет достаточно на один раз. Позднее ты сможешь увеличить их количество, пока не сможешь охватывать все, что ты хочешь. Но как только изображения начнут смещаться и ты почувствуешь, что ты теряешь контроль — возвращайся к своим рукам.

Когда ты почувствуешь, что можешь смотреть на вещи неопределенно долгое время, ты будешь готов к тому, чтобы приступить к новой технике. Я собираюсь тебя научить этой новой технике сейчас, но ожидаю, что ты применишь ее только тогда, когда будешь готов.

Он молчал примерно четверть часа. Наконец, он сел и взглянул на меня.

— Следующий шаг в настройке сновидений состоит в том, чтобы научиться путешествовать, — сказал он. — точно так же, как ты научился смотреть на свои руки, ты должен заставить себя двигаться, перемещаться в различные места. Сначала ты должен установить то место, куда ты хочешь попасть. Выбери хорошо известное место. Может быть, школу или парк, или дом твоего друга. Затем заставь себя отправиться туда.

Эта техника очень трудна. Ты должен выполнить две задачи. Ты должен заставить себя переместиться в определенное место и затем, когда ты добьешься совершенства в этой технике, ты должен научиться контролировать точное время своих путешествий.

Записывая его заявления, я чувствовал, что я действительно штучка. Действительно, я записываю безумные инструкции, сшибая самого себя с ног для того, чтобы следовать им. Я испытал волну угрызений и раздражения.

— Что ты делаешь со мной, дон Хуан? — спросил я, на этот раз имея в виду действительно то, что говорил.

Он казался удивленным. Секунду он смотрел на меня, затем улыбнулся.

— Этот же самый вопрос ты задавал мне уже множество раз. Я ничего с тобой не делаю. Ты делаешь себя доступным силе, ты охотишься, а я просто веду тебя.

Он наклонил голову набок и изучающе смотрел на меня. Он взял меня одной рукой за подбородок, а другой за голову, а затем подвигал моей головой взад и вперед. Мышцы моей шеи были очень напряжены, и движение головы сняло напряжение. Дон Хуан взглянул вверх на небо и, казалось, рассматривал там что-то.

— Время уходить, — сказал он сухо и поднялся. Мы пошли в восточном направлении до тех пор, пока не пришли к роще невысоких деревьев в долине между двумя большими холмами. К этому времени было уже почти пять часов вечера. Он сказал, что мы, возможно, проведем ночь на этом месте. Он указал на деревья и сказал, что где-то здесь рядом есть вода.

Он напряг свое тело и, как животное, начал нюхать воздух. Я мог видеть, как мышцы его живота сокращались очень быстрыми короткими толчками, когда он вдыхал и выдыхал воздух через нос короткими движениями. Он велел мне делать то же самое, и самому найти, где есть вода. Я охотно попытался подражать ему. Через 5-6 минут быстрого дыхания у меня закружилась голова, но ноздри необычайным образом прочистились, и я действительно ощутил запах речной ивы. Однако я не мог сказать, откуда он идет.

Дон Хуан сказал, чтобы я несколько минут отдохнул, а затем вновь включил мое нюханье. Второй раунд был более интенсивен. Я действительно мог выделять запах речной ивы, доносившийся справа от меня. Мы отправились в этом направлении и примерно в четверти мили обнаружили болотистое место со стоячей водой. Мы прошли вокруг него к несколько более высокой плоской площадке. Над этой площадкой и вокруг нее чапараль был очень густой.

— Это место кишмя кишит горными львами и другими более мелкими кошками, — сказал дон Хуан невзначай, как если бы это было совсем обычным наблюдением. Я подбежал к нему, и он расхохотался.

— Обычно я сюда не прихожу совсем, — сказал он. — но ворона указала в этом направлении. В этом должно быть что-либо особенное.

— Нам действительно нужно быть здесь, дон Хуан?

— Да, мы здесь будем, иначе бы я избегал этого места..

Я стал исключительно нервозен. Он велел мне внимательно слушать то, что он мне скажет.

— Единственная вещь, которую можно делать в таком месте, — сказал он, — это охотиться на горных львов. Поэтому я собираюсь научить тебя, как это делать.

Есть особый способ конструирования ловушки для водяных крыс, которые живут вокруг водяных дыр. Они служат приманкой. Бока клетки падают и очень острые шипы высовываются с обеих сторон. Когда клетка собрана, шипы скрыты, и они ничего не могут поранить до тех пор, пока что-либо не упадет на клетку. В этом случае боковые стороны клетки падают, а шипы пронзают то, что ударилось в ловушку.

Я не мог понять, что он имеет в виду, но он нарисовал диаграмму на земле и показал мне, что если боковые палки клетки поместить на обманчивых пустых местах рамы, то клетка сломается с обеих сторон, если что-либо обрушится на ее вершину.

Шипами были заостренные палочки из твердого дерева, которые размещались вокруг рамы и хорошенько укреплялись.

Дон Хуан сказал, что обычно тяжелый груз камней размещается поверх клетки на полках, которые соединялись клеткой и нависали на некотором расстоянии над ней. Когда горный лев приходил к ловушке, приманенный водяными крысами, то он обычно старался сломать ее, ударив лапами со всей силой. При этом шипы проткнули его лапы, и кошка с испугу подпрыгнет, обрушив на себя каскад камней.

— Когда-нибудь тебе может понадобиться поймать горного льва, — сказал он. — у них есть особые силы. Они очень осторожны, и единственный способ поймать их, — это обманув их при помощи боли и запаха речных ив.

С поразительной скоростью и ловкостью он собрал ловушку и после долгого ожидания поймал трех толстых белкоподобных грызунов.

Он велел мне нарвать пучок ивы у края болота и натереть ими свою одежду. Сам он сделал то же самое. Затем быстро и ловко он сплел из прутьев две простые сетки, нагреб из болота большую кучу зеленых растений и грязи и принес их обратно на площадку, на которой укрылся. В это время грызуны, похожие на белок, начали очень громко верещать.

Дон Хуан заговорил со мной из своего убежища и сказал, чтобы я, воспользовавшись другой сеткой, собрал побольше ила и растений и грязи и забрался на нижние ветки деревьев рядом с ловушкой, где находились грызуны.

Дон Хуан сказал, что он не хочет поранить кошку или грызунов, поэтому он собирается облить льва грязью, как только тот явится к ловушке. Он сказал, чтобы я находился в alertном состоянии и ударил кошку своим свертком после того, как это сделает он, для того, чтобы прогнать ее. Он посоветовал мне быть особенно осторожным, чтобы не свалиться с дерева. Его последние наставления заключались в том, чтобы я сидел так спокойно, что слился бы с ветвями.

Я не мог видеть того места, где был дон Хуан. Визг грызунов стал особенно громким, и, наконец, стемнело настолько, что я едва мог различать общие очертания рельефа. Я услышал внезапно близкий звук мягких шагов и приглушенное кошачье урчание. Затем очень мягкий рык, и грызуны, похожие на белок, перестали визжать. Именно в это время я увидел темную массу животного прямо под тем деревом, на котором я сидел. Прежде, чем я смог разобраться, горный это лев или нет, он прыгнул на ловушку. Но еще прежде, чем он ее достиг, что-то ударило его и заставило взвиться. Я швырнул свой сверток, как советовал мне дон Хуан. Я промахнулся, однако его падение вызвало очень громкий звук. В то же самое мгновение дон Хуан издал целую серию пронизывающих воплей, которые вызвали у меня озноб на спине, и кошка с необычайной живостью спрыгнула на площадку и исчезла.

Дон Хуан продолжал издавать пронизывающие звуки еще некоторое время, а затем велел мне спуститься с дерева, взять клетку с белками, забраться на площадку и присоединиться к нему так быстро, как только смогу.

В невероятно короткий период времени я был уже рядом с доном Хуаном. Он велел мне имитировать свои завывания как можно лучше для того, чтобы удерживать льва в отдалении, пока он не разберет клетку и не выпустит грызунов.

Я стал завывать, но не мог произвести того же самого эффекта. От возбуждения мой голос был грубым.

Он сказал, что нужно нужно кричать с действительным чувством и в то же самое время отрешиться от самого себя, потому что лев все еще находится поблизости. Внезапно я действительно понял всю ситуацию. Лев-то был реален. Я издал целую серию великолепных пронзительных воплей.

Дон Хуан покатился со смеху. Он дал мне повопить, а затем сказал, что мы должны убраться с этого места как можно тише, потому что лев не дурак и уже, наверное, возвращается туда, где мы были.

— Он наверняка последует за нами. — вне зависимости от того, как осторожны мы будем, мы оставляем за собой след такой же широкий, как панамериканская шоссеная дорога.

Я шел вплотную к дону Хуану. Время от времени он останавливался и слушал. Однажды он бросился бежать в темноте, и я последовал за ним, выставив руки перед глазами для того, чтобы защитить глаза от ветвей. Наконец, мы добрались до основания утеса, у которого были ранее.

Дон Хуан сказал, что если нам удастся забраться на вершину и нас не стащит вниз лев, то мы будем в безопасности. Он полез первый, показывая нам дорогу. Мы начали карабкаться в темноте. Не знаю, как, но я следовал за ним совершенно уверенными шагами. Когда мы были уже у вершины, я услышал особый крик животного. Он был похож немножко на мычание коровы, но длиннее и более грубый.

— Наверх, вверх! — взревел дон Хуан. Когда он достиг плоской вершины утеса, я уже сидел, переводя дыхание.

Он покалился на землю. На секунду я подумал, что это от напряжения, которое оказалось слишком велико для него, но он хохотал над моим быстрым карабканьем.

Мы сидели в полной тишине в течение двух часов, а затем отправились обратно к моей машине.

Воскресенье, 3 сентября, 1961 года.

Дона Хуана не было дома, когда я проснулся. Я работал над своими заметками, и у меня не было времени для того, чтобы еще собрать немножко топлива в окружающем чапарале до того, как он вернулся. Он начал смеяться над тем, что он называл моим распорядком питания в полдень. Но и сам подсел к моим сэндвичам.

Я сказал ему, что случившееся с горным львом озадачивает меня. Оглядываясь назад, все это казалось мне нереальным, как будто бы кто-то все подстроил для моей пользы. Последовательность событий была такой быстрой, что у меня на самом деле не было времени, чтобы испугаться. У меня было достаточно времени для того, чтобы действовать, но недостаточно для того, чтобы размышлять над обстоятельствами. Пока я делал свои заметки, мне на ум пришел вопрос: действительно ли я видел горного льва?

- Это был горный лев, — сказал дон Хуан повелительно.
- Это что, было действительно настоящее животное в плоти и крови?
- Конечно.

Я сказал ему, что мои подозрения возникли из-за легкости всего этого события. Все было так, как будто лев ждал где-то в сторонке и был выучен поступать именно так, как планировал дон Хуан.

Его не затронул каскад моих скептических замечаний. Он стал смеяться надо мной.

— Ты забавный парень, — сказал он. — ты видел и слышал этого кота. Он был как раз под тем деревом, где ты находился. Он не почуял тебя и не прыгнул на тебя из-за речных ив. Они отбивают любой другой запах, даже для кошек. И на коленях у тебя была целая куча их.

Я сказал, что не то, чтобы сомневаюсь в нем, но все, что случилось той ночью, было совершенно чуждым для событий дней повседневной жизни. На некоторое время, пока я делал свои заметки, у меня даже было чувство, что это дон Хуан сам разыграл роль льва. Однако, мне пришлось отбросить эту идею, поскольку я действительно видел в темноте очертания четырехногого животного, бросившегося на клетку, а потом прыгнувшего на платформу.

— Почему ты устраиваешь такой шум? — спросил он. — это был просто большой кот. Там в горах таких котов должны быть тысячи. Большое дело. Ты, как обычно, фокусируешь свои внимание совершенно не на том. Нет никакой разницы в том, был это лев или мои штаны. Твои чувства в этот момент — вот что считается.

За всю жизнь я никогда не видел и не слышал большого дикого кота на охоте. Когда я подумал об этом, то я не смог перешагнуть через тот факт, что один из них был всего в нескольких футах от меня.

Дон Хуан терпеливо слушал, пока я рассказывал ему обо всем, что случилось.

— Почему такой страх перед большим котом? — спросил он с инквизиторским выражением. — ты бывал вблизи от большинства животных, которые живут в этой местности, и ты никогда не был напуган ими до такой степени. Ты любишь кошек?

— Нет, не люблю.

— Ну и забудь тогда о ней. Во всяком случае, урок состоял не в том, как охотиться на львов.

— А в чем же он был?

— Маленькая ворона указала именно на это место мне, и на этом месте я «увидел» возможность заставить тебя понять, как действуют, находясь в настроении воина.

Все, что ты делал прошлой ночью, было сделано в правильном настроении. Ты контролировал себя и в то же самое время ты был отрешен, когда ты спрыгнул с дерева, чтобы поднять клетку и подбежал ко мне. Ты не был парализован страхом. И потом, у вершины утеса, когда лев взвизгнул сзади, ты двигался очень хорошо. Я уверен, что ты не поверил бы в то, что ты сделал, если бы взглянул на тот утес в дневное время. Ты был в достаточной степени отрешен и в то же время имел в достаточной степени контроль над собой. Ты не оступился и не намочил в штаны, и в то же время ты забрался на эту стену в полной темноте. Ты мог оступиться и убиться; чтобы лезть на эту стену в темноте, требуется держаться за самого себя и отступить от самого себя в одно и то же время. Именно это я называю настроением воина.

Я сказал, что что бы там я ни делал прошлой ночью, все это было продуктом моего страха, а не результатом настроения, контроля и отрешенности.

— Я это знаю, — сказал он, улыбаясь. — и я хотел показать тебе, что ты способен подстегнуть себя к тому, чтобы выйти из своих границ, если ты находишься в соответствующем настроении. Страх загнал тебя в настроение воина, но сейчас, когда ты знаешь об этом, все, что угодно, может служить тебе, чтобы войти в него.

Я хотел с ним спорить, но мои мысли не были достаточно ясны. Я чувствовал необъяснимое раздражение.

— Удобно всегда действовать в таком настроении, — продолжал он. — оно пронесет тебя через всякую чушь и оставляет очищенным. Это было большое чувство, когда ты достиг вершины утеса, разве не так?

— Я сказал, что понял то, о чем он говорит, и, однако же, чувствую, что было бы глупым пытаться приложить его учение к повседневной жизни.

— Настроение воина требуется для каждого отдельного поступка, — сказал он. — иначе становишься рассеянным и неуклюжим. В жизни нет такой силы, в которой отсутствовало бы это настроение. Посмотри на себя. Все обижает и огорчает тебя. Ты хнычешь и жалуешься, и чувствуешь, что каждый заставляет тебя плясать под свою дудку. Ты — листик, отданный на волю ветра. В твоей жизни нет силы. Что за отвратительное чувство, должно быть!

Воин, с другой стороны, является охотником. Он рассчитывает все. Это контроль. Но после того, как его расчеты окончены, он действует. Он отступает. Это отрешение. Воин не является листиком, отданным на волю ветра. Никто не может его толкнуть. Никто не может заставить его поступать против самого себя или против того, что он считает нужным. Воин настроен на выживание. И он выживает наилучшим способом из всех возможных.

Мне нравились его мысли, хотя я думал, что они нереалистичны. Для того сложного мира, в котором я жил, они казались слишком упрощенными.

Он рассмеялся над моими возражениями, а я настаивал на том, что настроение воина, вероятно, не сможет мне помочь преодолеть чувство обиды или действительного вреда, наносимого поступками окружающих меня людей. Как, например, в том гипотетическом случае, когда на тебя нападает жестокий и злобный человек, по своему положению обладающий властью.

Он взревел от смеха и согласился, что мой пример уместен.

— Воину может быть нанесен физический вред, но он не может быть обижен, — сказал он. — для воина нет ничего обидного в поступках окружающих людей. До тех пор, пока он сам находится и действует в нужном настроении.

Предыдущей ночью ты сам не был обижен львом. Тот факт, что он гнался за нами, не рассердил тебя. Я не слышал, чтобы ты ругал его, и я не слышал, чтобы ты говорил, что он не имеет права следовать за нами. А по всему тому, что ты о нем знаешь, он мог быть жестоким и злобным львом. Но это не входило в твои соображения, когда ты старался избежать его. единственная вещь, которая удерживалась в твоём уме — это выжить. И это ты сделал очень хорошо.

Если бы ты был один, и лев, поймав тебя, изуродовал бы тебя до смерти, то тебе бы и в голову не пришло жаловаться на него или чувствовать себя оскорбленным его поступками.

Настроение воина не так легко переходит в твой или чей-либо еще мир. Оно нужно тебе для того, чтобы прорваться через всю болтовню.

Я объяснил свой ход рассуждений. Лев и окружающие меня люди находились не на одной доске, потому что я знал интимные побуждения людей в то время, как я ничего не знал о таковых у льва. Что обижало меня в поступках окружающих людей, это то, что они действовали злобно и зная.

— Знаю, знаю, — сказал дон Хуан терпеливо. — достичь настроения воина — не простое дело. Это революция. Рассматривать льва и водяных крыс и окружающих нас людей, как равных, является великолепным поступком духа воина. Для этого нужна сила.

12. БИТВА СИЛЫ

Четверг, 28 декабря 1961 года.

Мы начали свое путешествие очень рано утром. Мы ехали на юг, а затем на восток к горам. Дон Хуан принес тыквенные фляги с пищей и водой. Мы поели в моей машине, прежде чем отправились в поход.

— Держись ближе ко мне, — сказал он. — это неизвестный для тебя район и здесь нет нужды рисковать. Ты идешь на поиски силы, и все, что ты делаешь, идет в счет. Следи за ветром, особенно к концу дня. Следи за тем, когда он меняет направление и меняет свое положение таким образом, чтобы я всегда заслонял тебя от него.

— Что мы собираемся делать в этих горах, дон Хуан?

— Ты охотишься за силой.

— Я имею в виду, что мы в частности будем делать?

— Когда дело идет об охоте за силой, не может быть никакого плана. Охотиться за силой или охотиться за дичью — это одно и то же. Охотник охотится на то, что подставляет себя ему, поэтому он всегда должен находиться в состоянии готовности.

Ты знаешь о ветре, и сейчас ты можешь охотиться за силой, находящейся в ветре, самостоятельно. Но есть другие вещи, о которых ты не знаешь, которые, как и ветер, являются центром силы в определенное время и в определенных местах.

Сила — очень любопытная штука, — сказал он. — невозможно взять ее и сказать, что это действительно есть. Это чувство, которое имеют об определенных местах. Сила является личной. Она принадлежит кому-нибудь одному. Мой бенефактор, например, мог сделать человека смертельно больным, просто посмотрев на него. Женщины дурнели, если он бросит на них взгляд. Однако же, он не делал людей больными все время, но только тогда, когда его личная сила в этом участвовала.

— Как он выбирал того, кого он собирался сделать больным?

— Этого я не знаю. Он сам не знал. С силой всегда так. Она командует тобой, и в то же время она повинует тебе.

Охотник на силу ловит ее, а затем накапливает ее, как свое личное достояние. Таким образом личная сила растет и можно найти такие случаи, когда воин имеет так много личной силы, что становится человеком знания.

— Как накапливают силу, дон Хуан?

— Это опять-таки другое чувство. Оно зависит от того, какого сорта личностью обладает воин. Мой бенефактор был человеком жесткой природы. Через это чувство он и накапливал силу. Все, что он делал, было сильным и прямолинейным. Он оставил мне память о чем-то, проламывающимся сквозь вещи. И все, что с ним случалось, происходило таким же манером.

Я сказал ему, что не могу понять, как сила накапливается через чувства.

— Нет никакого способа объяснить это, — сказал он после долгой паузы. — ты должен делать это сам.

Он поднял фляги с пищей и привязал их себе на спину. Протянув мне бечевку с восемью кусочками сухого мяса, он велел мне повесить ее на шею.

— Это пища, обладающая силой, — сказал он.

— Что делает ее пищей, обладающей силой, дон Хуан?

— Это мясо животного, которое имело силу. Оленя, уникального оленя. Моя личная сила привела его ко мне. Это мясо будет поддерживать нас недели, месяцы, если нужно. Жуй медленно маленькие кусочки его время от времени и пережевывай основательно. Пусть сила медленно тонет в твое тело.

Мы пошли. Было почти одиннадцать утра, когда дон Хуан еще раз напомнил мне о процедуре, которой я должен следовать.

— Следи за ветром, — сказал он. — не позволяй ему сбивать тебя с шага и не давай ему утомлять тебя. Жуй свою пищу силы и прячься от ветра за моим телом. Ветер не нанесет мне вреда. Мы хорошо знаем друг друга.

Он привел меня к тропинке, которая шла прямо к высоким горам. День был облачным, и похоже было, что пойдет дождь. Я мог видеть низкие дождевые облака, и туман высоко в горах, спускающихся в ту местность, в которой мы находились.

В полной тишине мы шли до трех часов дня. Пережевывание сухого мяса действительно придавало силы. А следить за внезапными изменениями направления ветра было до такой степени мистическим делом, что все мое тело, казалось, ощущало изменения прежде, чем они действительно происходили. У меня было такое чувство, что я могу определять волны ветра, как своего рода давление на верхнюю часть груди, на бронхи. Каждый раз перед порывом ветра я чувствовал раздражение у себя в груди и в горле.

Дон Хуан остановился на момент и оглянулся. Казалось, он ориентировался, а затем повернул направо. Я заметил, что он тоже жует сухое мясо. Я чувствовал себя очень свежим и совсем не был уставшим. Задание осознавать перемены ветра было таким всепоглощающим, что я не ощущал хода времени. Мы вошли в глубокий овраг, а затем по одной из его сторон поднялись на небольшое плато на ровной стороне огромной горы. Мы были довольно высоко, почти у самой вершины.

Дон Хуан забрался на большую скалу в конце плато и помог мне залезть на нее. Скала располагалась таким образом, что выглядела куполом наверху обрывистых стен. Мы медленно обошли ее. В конце концов я вынужден был передвигаться по скале на своем заду, придерживаясь за поверхность пятками и ладонями. Я обливался потом, и несколько раз мне пришлось вытирать ладони.

С противоположной стороны я мог видеть просторную неглубокую пещеру вблизи вершины горы. Она была похожа на зал, который был вырублен в скале. Это был песчаник, который ветры превратили в своего рода балкон с двумя колоннами.

Дон Хуан сказал, что мы собираемся там расположиться и что это очень безопасное место, потому что оно слишком неглубоко, чтобы быть логовом льва или других хищников. Очень открыто, чтобы там гнездились крысы и очень ветрено для насекомых. Он засмеялся и сказал, что это идеальное место для людей, поскольку никакое другое живое существо его не потерпит.

Он взлетел туда, как горный козел. Я восхищался его поразительной энергичностью.

Я медленно сполз со скалы на заду, а затем попытался взбежать на гору для того, чтобы достичь карниза. Последние несколько метров полностью утомили меня. Я ребячески спросил дон Хуана, сколько же ему на самом деле лет. Я считал, что для того, чтобы достичь карниза так, как это делал он, следует быть исключительно сильным и молодым.

— Я настолько молод, насколько я хочу, — сказал он. — это, опять-таки, дело личной силы. Если ты накопишь силу в своем теле, то оно сможет выполнять невероятные задачи. С другой стороны, если ты растрачиваешь силу, то через совсем короткое время ты будешь толстым старым человеком.

Балкон был расположен в направлении с востока на запад. Открытая часть балконообразного образования выходила на юг. Я прошел на западный конец. Вид был великолепен. Дождь окружал нас. Он казался занавеской из прозрачного материала, повисшей над низкой землей.

Дон Хуан сказал, что у нас достаточно времени для того, чтобы построить укрытие. Он велел мне собрать груды камней, таких, какие только я смогу занести на балкон, в то время, как он сам собирал сучья для крыши.

Через час он построил стену сантиметров тридцать толщиной на восточном краю выступа. Она была около шестидесяти сантиметров длиной и около метра в высоту. Он сплел и связал несколько охапок сучьев, которые собрал, и сделал крышу, подперев ее двумя длинными палками с развилками на концах. Еще одна такая палка была прикреплена к самой крыше и поддерживала ее на противоположной стороне стены. Все сооружение было похоже на высокий стол с тремя ножками.

Дон Хуан сел под ним, скрестив ноги, на самом краю балкона. Он сказал, чтобы я сел рядом с ним справа. Некоторое время мы молчали.

Дон Хуан нарушил тишину. Он сказал шепотом, что нам следует действовать так, как будто бы ничего необычного не происходит. Я спросил, что конкретно я должен делать. Он сказал, что я должен заняться писанием и делать это точно так же, как если бы я писал за своим письменным столом, не имея никаких забот в мире, кроме писания. В определенный момент он подтолкнет меня, и тогда я должен взглянуть в ту сторону, куда он мне укажет глазами. Он предупредил меня, что в независимости от того, что я увижу, я не должен издавать ни единого слова. Только он может свободно разговаривать, потому что он известен всем силам этих гор.

Я последовал его инструкциям и больше часа писал. Я ушел в свое занятие с головой. Внезапно я почувствовал мягкое постукивание по моей руке и увидел, что глаза и голова дон Хуана движутся, указывая на клоч тумана, примерно в 400-х метрах от нас, который спускается с вершины горы. Дон Хуан прошептал мне в ухо голосом, едва слышным даже на таком близком расстоянии:

— Передвигай свои глаза взад и вперед по облаку тумана, — сказал он, — но не смотри на него прямо. Моргай и не давай глазам сфокусироваться на тумане. Когда увидишь на облаке зеленое пятно, укажи мне его глазами.

Я провел глазами слева направо по облаку тумана, которое медленно спускалось к нам. Прошло, наверное, около получаса. Темнело. Туман двигался исключительно медленно. вдруг в какой-то момент у меня появилось внезапное чувство, что я заметил слабое сияние справа. Сначала мне показалось, что я вижу пятно зеленого кустарника сквозь туман. Когда я смотрел на него прямо, я ничего не замечал. Но когда я смотрел, не фокусируя взгляда, то я мог заметить неясный зеленоватый участок.

Я показал его дону Хуану. Он скосил глаза и стал смотреть на него.

— Сфокусируй свои глаза на этом пятне, — прошептал он мне в ухо. — смотри, не мигая, пока не будешь видеть.

Я хотел спросить, что я должен увидеть, но он взглянул на меня, как бы напоминая, что я не должен разговаривать.

Я посмотрел опять. Кусок тумана, который спустился сверху, нависал, как если бы это был кусок плотного вещества. Он был сглажен как раз в том месте, где я заметил зеленый оттенок. Когда мои глаза устали опять, и я скосил их, то я увидел сначала кусок тумана, наложенный поверх облака тумана, а затем я увидел тонкую тесемку тумана, соединяющую эти два куска, которая выглядела, как тонкое, ничем не поддерживаемое сооружение, как мостик, соединяющий гору надо мной и облако тумана передо мной. На секунду я подумал, что могу видеть прозрачный туман, который сдувается с вершины горы и проходит по мостику, не нарушая его. Казалось, что мостик действительно твердый. В какое-то мгновение мираж стал настолько полным, что я действительно смог различать черноту под этим мостиком в противоположность светлой окраске песчаника по его сторонам.

Я смотрел на мост ошеломленный, а затем я то ли сам поднялся до его уровня, то ли мост снизился до моего. Внезапно я стал смотреть на прямую дорожку прямо перед собой. Она была бесконечно длинной твердой дорожкой, узкой и без поручней, но достаточно широкой, чтобы по ней можно было идти.

Дон Хуан энергично стал трясти меня за руку. Я почувствовал, что голова у меня болтается вверх и вниз, а затем заметил, что глаза у меня сильно воспалились. Совершенно бессознательно я потерял их. Дон Хуан продолжал трясти меня до тех пор, пока я не открыл глаза вновь. Из своей фляги он налил немного воды на ладонь и плеснул ее мне в лицо. Ощущение было очень неприятным. Холод воды был настолько исключительным, что ее

капли ощущались на коже, как боль. Тут я заметил, что мое тело очень теплое. Я был как в лихорадке.

Дон Хуан поспешно дал мне воды напиться, а затем плеснул мне воды на уши и на шею.

Я услышал очень громкий, длинный и какой-то неземной птичий крик. Дон Хуан секунду внимательно слушал, а затем толкнул ногой стену и разрушил крышу. Он забросил крышу в кусты и раскидал по сторонам все камни один за другим.

Он прошептал мне на ухо:

— Выпей воды и жуй свое сухое мясо. Мы не можем здесь оставаться. Этот крик был не птичий.

Мы спустились вниз с карниза и пошли в восточном направлении. Очень скоро стало так темно, что перед моими глазами как бы повис полог. Туман был, как непроходимый барьер. Я никогда не думал, что туман ночью может быть таким густым. Я не мог понять, как дон Хуан идет. Сам я держался за его руку, как будто был слепой.

Каким-то образом у меня было такое ощущение, что я иду по краю пропасти. Мои ноги отказывались двигаться. Мой рассудок доверял дону Хуану, и умом я хотел идти, но мое тело не хотело. И дону Хуану приходилось тащить меня в полной темноте.

Должно быть, он знал эту местность до полного совершенства. В определенном месте он остановился и усадил меня. Я не смел выпустить его руку. Мое тело чувствовало без малейшей тени сомнения, что я сижу на куполообразной горе, и, если я сдвинусь хотя бы на дюйм вправо, то я полечу через край в бездну. Я был абсолютно уверен, что сижу на изогнутом склоне горы, потому что мое тело бессознательно сдвигалось вправо. Я думал, что оно делает это для того, чтобы остаться вертикальным, поэтому я попытался компенсировать наклон, склоняясь влево, к дону Хуану, насколько мог дальше.

Дон Хуан внезапно отодвинулся от меня и без поддержки его тела я упал на землю. Прикосновение к земле восстановило мое чувство равновесия. Я лежал на плоском месте. Я начал осознавать то, что меня окружает, на ощупь, и нащупал сухие листья и сучки.

В это время внезапно блеснула молния, осветившая весь этот район, и раздался ужасный удар грома. Я увидел, что дон Хуан стоит слева от меня. Я увидел огромные деревья и пещеру в нескольких футах за ними.

Дон Хуан велел мне забраться в пещеру. Я забрался в нее и уселся спиной к скале.

Я почувствовал, как дон Хуан наклонился и прошептал, чтобы я был совершенно молчалив.

Последовали еще три вспышки молнии одна за другой. Мельком я увидел, что дон Хуан сидит, скрестив ноги, слева от меня. Пещера была вогнутым образованием, достаточно большим, чтобы я нем могли сидеть двое-трое людей. Выемка образовалась, казалось, у основания валуна. Я почувствовал, что с моей стороны было действительно умным залезать в нее на четвереньках, потому что если бы я шел во весь рост, то я бы разбил голову о скалу. Блеск молнии вызвал у меня мысль о том, насколько густым было облако тумана. Я заметил стволы огромных деревьев, как темные силуэты на фоне белесоватосветло-серой массы тумана.

Дон Хуан прошептал, что туман и молнии были в сговоре один с другим, и я должен был держаться исключительно alertно, поскольку я вовлечен в битву силы. В этот момент потрясающая вспышка молнии волшебным образом осветила всю местность. Туман как бы являлся белым фильтром, который замораживал свет электрического разряда и однообразно рассеивал его. Туман был, как плотная беловатая субстанция, висевшая между высоких деревьев. Но прямо передо мной, на уровне земли, туман редел. Я ясно различал очертания местности. Это было в основном в лесу. Высокие деревья окружали нас. Они были так исключительно высоки, что я мог бы поклясться, что мы находились в секвойевом лесу, если бы я до этого не знал, где мы находимся.

Последовал целый каскад молний, длившийся несколько минут. Каждая вспышка делала те очертания, которые я уже заметил, более отчетливыми. Прямо перед собой я видел хорошо заметную дорогу. На ней не было никакой растительности. Казалось, она оканчивается на участке, свободном от деревьев.

Вспышек молний было так много, что я не мог проследить, откуда они исходят. Вся местность, однако, так хорошо освещалась, что я почувствовал себя более легко. Мои страхи и неуверенность исчезли, как только стало достаточно света, чтобы приподнять тяжелый занавес темноты. Поэтому, когда между вспышками молний были длинные паузы, я уже больше не был дезориентирован чернотой вокруг меня.

Дон Хуан прошептал, что я, пожалуй, уже достаточно понаблюдал, и что я должен сфокусировать свое внимание на звуке грома. К своему изумлению я понял, что не обращал внимания на гром совершенно, несмотря на тот факт, что он действительно был

грандиозным. Дон Хуан добавил, что я должен следить за звуком и смотреть в том направлении, откуда, мне покажется, что он исходит.

Длинных каскадов молний и грома больше не было. Были лишь спорадические вспышки интенсивного света и звука. Звук всегда, казалось, приходил справа от меня. Туман поднимался, и я, уже привыкнув к полной темноте, мог различать массу растительности. Молнии и гром продолжались и внезапно вся правая сторона открылась, и я смог видеть небо.

Электрический шторм, казалось, двигался вправо. Была еще одна вспышка молнии, и на краю справа я увидел отдаленные горы. Свет, осветивший даль, проявил силуэты массивной группы гор. Я видел деревья на их вершинах. Они казались тонкой черной аппликацией, наложенной на ослепительно белое небо. Я даже увидел кучевые облака над горами.

Туман полностью рассеялся вокруг нас. Дул постоянный ветер, и я мог слышать шелестение листьев в кронах высоких деревьев слева от меня. Электрический шторм был слишком далек для того, чтобы осветить деревья, но их темные массы оставались различимыми. Свете грозы позволил мне, однако, установить, что справа от меня расположены хребты далеких гор, и что лес находится только слева. Казалось, что я смотрел в темную долину, которую я совсем не мог видеть. Местность, над которой происходил электрический шторм, находилась на противоположной стороне долины.

Затем пошел дождь. Я вжался в скалу, как мог дальше. Шляпа моя служила хорошей защитой. Я сидел, прижав колени к груди, и только мои щиколотки и ступни мокли под дождем.

Дождь шел долго. Он был довольно теплый. Я чувствовал это своими ногами, и затем я заснул.

Голоса птиц разбудили меня. Я оглянулся, ища дон Хуана. Его тут не было. Обычно я стал бы раздумывать над тем, не бросил ли он меня здесь одного, но потрясение от того, что я увидел вокруг себя, почти парализовало меня. Я поднялся. Ноги у меня были совершенно мокрыми. С полей шляпы текло, и в ней еще накопилась какая-то вода, которая вылилась на меня. Я был совсем не в пещере, но под каким-то густым кустом. Я ощутил момент ни с чем не сравнимого замешательства. Я стоял на ровном участке долины между двумя небольшими земляными холмами, покрытыми кустами. Слева от меня не было никаких деревьев, а справа не было никакой долины. Прямо передо мной, там, где я видел дорогу, ведущую в лес, рос гигантский куст.

Я отказывался поверить в то, что увидел. Несовместимость двух моих версий реальности заставила меня хвататься за какого-либо рода объяснения. Мне пришло в голову, что весьма возможно, что я спал так крепко, что дон Хуан мог отнести меня на спине куда-нибудь в другое место, не разбудив меня.

Я осмотрел то место, где спал. Земля там была сухой точно так же, как земля на соседнем пятне рядом, где спал дон Хуан.

Я позвал его пару раз, а затем в приступе тревоги заорал его имя так громко, как только мог. Он вышел из-за каких-то кустов. Я тотчас же понял, что он знает о том, что происходит. Его улыбка была такой предательской, что я улыбнулся и сам. Я не хотел тратить время на то, чтобы играть с ним в разные игры. Я тут же излил ему то, что со мной случилось. Я объяснил ему так тщательно, как мог, каждую деталь моих ночных галлюцинаций. Он слушал не прерывая. Однако, он не мог выдержать серьезное лицо, и пару раз начинал смеяться, но восстанавливал серьезное выражение сразу же. Я попросил у него комментариев три или четыре раза. Он только качал головой так, словно все дело было непонятно ему.

Когда я закончил свой пересказ, он взглянул на меня и сказал:

— Ты выглядишь ужасно, может быть, тебе следует сходить в кусты?

Он усмехнулся и добавил, что мне следует снять одежду и развесить ее, чтобы она высохла. Солнечный свет был сверкающим. Облаков почти не было, был ясный ветреный день.

Дон Хуан ушел, сказав мне, что он идет поискать какие-то растения, и что я должен прийти в себя и чего-нибудь поесть и не звать его, пока я не стану спокойным и сильным.

Моя одежда действительно была мокрой. Я сел на солнце сохнуть. Я чувствовал, что единственный способ расслабиться для меня, было достать записную книжку и начать записывать. Я ел, пока работал над заметками.

Через пару часов я был более расслаблен и позвал дон Хуана. Он ответил откуда-то рядом с вершины горы. Он велел мне собрать фляги и лезть туда, где он находится. Когда я добрался до места, то увидел, что он сидит на гладкой скале.

Я не знал, с чего начать. Так много было вещей, которые я хотел спросить. Он, казалось, понимал мое настроение и засмеялся с полным удовольствием.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он отсутствующим тоном.

Я ничего не хотел сказать. Я все еще был удручен. Дон Хуан велел мне усесться на плоский булыжник. Он сказал, что этот камень является объектом силы, и что я почувствую себя обновленным, побыв там некоторое время.

— Садись! — скомандовал он сухо.

Он не улыбался. Его глаза были пронзительными, и я автоматически уселся. Он сказал, что я был неосторожен с силой, действуя в плохом настроении, и что мне следует положить этому конец, иначе сила обернется против нас обоих, и мы никогда не уйдем с этих пустынных холмов живыми. После секундной паузы он как бы невзначай спросил:

— Как твои сновидения?

— Я объяснил ему, как трудно мне стало давать себе команду смотреть на руки. Сначала это было относительно легко, вероятно, из-за новизны концепции. У меня не было никаких затруднений совершенно в том, чтобы вспоминать, что я должен смотреть на свои руки. Однако, восторг прошел, и в некоторые ночи я уже не мог этого делать совершенно.

— Ты должен носить головную повязку, отправляясь спать, — сказал он. — носить головную повязку — это хитрый маневр. Я не могу тебе дать такую повязку, потому что ты должен сам ее сделать из ленты. Но ты не можешь ее сделать до тех пор, пока не увидишь ее в сновидении. Понимаешь, что я имею в виду? Головная повязка должна быть сделана согласно особому видению, и она должна иметь поперечную ленту, которая плотно прилегает к темени. Или же она может быть, как тугая шапка. Сновидения более легки, когда носишь объект силы на голове. Ты можешь носить свою шляпу или одевать колпак, как фраер, и отправляться спать. Но все эти вещи вызовут только интенсивные сны, а не сновидения.

Секунду он молчал, а затем продолжал рассказывать мне быстрым потоком слов, что видение головной повязки происходит не только в сновидении, но может произойти также в состоянии бодрствования, как результат любых проникающих и совершенно не связанных событий. Таких, как слежение за полетом птиц, движение воды, облаков и так далее.

— Охотник на силу следит за всем, — продолжал он. — и все говорит ему какой-нибудь секрет.

— Но как можно быть уверенным, что вещи говорят секреты?

Я думал, что он имеет особую формулу, которая позволяет ему делать «правильные» интерпретации.

— Единственный способ быть уверенным, это следовать всем тем инструкциям, которые я давал тебе, начиная с первого дня, когда ты пришел ко мне. Для того, чтобы иметь силу, нужно жить с силой.

Он доброжелательно улыбнулся. Он, казалось, потерял свою яростность. Он даже слегка толкнул меня в руку.

— Ешь свою пищу силы, — подтолкнул он меня.

Я начал жевать сухое мясо, и в этот момент мне пришло внезапное соображение, что, может быть, сухое мясо содержит в себе какую-нибудь психотропную субстанцию, отсюда и галлюцинации. На секунду я почувствовал почти облегчение. Если он что-то положил в мясо, то мои миражи становятся совершенно понятными. Я попросил его сказать мне, было ли что-нибудь в «мясе, обладающем силой».

Он засмеялся, но не ответил мне прямо. Я настаивал, заверял его, что я не сержусь и не чувствую даже недовольства, но что я должен знать для того, чтобы я мог объяснить события прошлой ночи к своему собственному удовлетворению. Я его спрашивал, уговаривал, и, наконец, просил его сказать мне истину.

— Ты действительно с изъязом, — сказал он, качая головой с жестом недоверия. — у тебя предательская тенденция. Ты настаиваешь на попытках все объяснить к своему собственному удовлетворению. В мясе нет ничего, кроме силы. Сила не была туда положена мной или каким-либо другим человеком, но только самой силой. Это мясо оленя, и этот олень был даром мне, точно так же, как совершенно определенный кролик был даром тебе не так давно. Ни я, ни ты не вкладывали ничего в кролика. Я не просил тебя высушить мясо кролика, потому что это действие требует больше силы, чем у тебя есть. Однако, я говорил тебе, чтобы ты поел мясо. Из-за своей собственной глупости ты ел немного.

То, что случилось с тобой прошлой ночью, не было шуткой или шалостью. У тебя была встреча с силой. Туман, темнота, молнии, гром и дождь были частями великой битвы силы. Тебе повезло, как дураку. Воин все бы отдал, чтобы иметь такую битву.

Моим возражением было, что все происходившее не могло быть битвой силы, потому что этого не было в реальности.

— А что реально? — спросил дон Хуан очень спокойно.

— Вот это, на что мы посмотрим, реально, — сказал я, указывая на окружающее.

— Но такими же реальными были и мост, который ты видел прошлой ночью, и лес, и все остальное.

— Но если они были реальны, то где же они сейчас?

— Они здесь. Если бы у тебя было достаточно силы, ты мог бы позвать их обратно. Прямо сейчас ты не можешь этого сделать, потому что ты считаешь очень полезным продолжать сомневаться и цепляться за все. Это не так, мой друг, это не так. Есть миры внутри миров, прямо здесь, перед нами. Прошлой ночью, если бы я не схватил тебя за руку, то ты бы пошел по мосту, хотел бы ты того или нет. И еще ранее я должен был защищать тебя от ветра, который искал тебя.

— Что бы случилось, если бы ты не защищал меня?

— Поскольку у тебя недостаточно силы, ветер заставил бы тебя потерять тропу и, может быть, даже убил бы тебя, столкнув в пропасть. Но туман был действительной вещью прошлой ночью. Две вещи могли с тобой случиться в тумане. Ты мог пройти по мосту на другую сторону или же ты упал бы и убился. Исход зависел бы от силы. Одна вещь, однако, была явной. Если бы я не защитил тебя, то тебе пришлось бы идти по этому мосту в независимости от чего-либо. Такова природа силы. Как я уже говорил тебе раньше, она командует тобой и в то же время она подчинена тебе. Прошлой ночью, например, сила заставила бы тебя перейти через мост, и тогда в твоей воле было бы удерживаться, пока идешь. Я остановил тебя, потому что я знал, что у тебя нет средств для того, чтобы использовать силу, а без силы мост бы разрушился.

— А ты сам видел мост, дон Хуан?

— Нет, я просто «видел» силу. Она может быть чем угодно. Для тебя на этот раз сила была мостом. Я не знаю, почему мостом. Мы самые загадочные существа.

— А ты когда-нибудь видел мост в тумане, дон Хуан?

— Никогда. Но это потому, что я не похож на тебя. Я видел другие вещи. Мои битвы силы очень отличались от твоих.

— Что ты видел, дон Хуан? Можешь ты мне рассказать?

— Я видел своих врагов во время первой битвы силы в тумане. У тебя нет врагов. Ты не ненавидишь людей. Я в то время ненавидел. Я индальгировал в ненависти к людям. Больше я этого не делаю. Я избавился от своей ненависти, но в то же время моя ненависть почти уничтожила меня.

Твоя битва силы, с другой стороны, была тонкой. Она поглотила тебя. Ты поглощаешь себя сейчас своими собственными чепуховыми мыслями и сомнениями. Это твой способ индальгировать себя.

Туман был неуязвим с тобой. Ты был с ним в дружеских отношениях. Он дал тебе поразительный мост, и этот мост будет там, в тумане, начиная с этих пор. Он будет открываться перед тобой снова и снова до тех пор, пока ты когда-нибудь не перейдешь по нему.

Я очень рекомендую, чтобы, начиная с этого дня, ты не ходил один в туманные местности до тех пор, пока не будешь знать, что ты делаешь.

Сила является очень колдовским делом. Для того, чтобы иметь ее и управлять ею, нужно сначала уже иметь силу. Возможно, однако, накопить ее мало-помалу, пока ее не будет достаточно, чтобы выстоять в битве силы.

— Что такое битва силы?

— То, что произошло с тобой прошлой ночью, было началом битвы силы. Сцены, которым ты был свидетелем, были основанием силы. Когда-нибудь они приобретут для тебя смысл. Эти сцены в высшей степени значительны.

— Можешь ли ты сам мне рассказать их смысл, дон Хуан?

— Нет. Эти сцены — твое личное завоевание. Но то, что произошло прошлой ночью, было лишь началом, только краешком. Настоящая битва произойдет, когда ты пересечешь мост. Что на другой стороне, только ты будешь знать. И только ты будешь знать, что находится на конце той дороги, которая вела в лес. Но все это нечто такое, что может или не может случиться с тобой. Для того, чтобы путешествовать по этим неизвестным дорогам или мостам, нужно иметь достаточно собственной силы.

— Что случится, если не будешь иметь достаточной силы?

— Смерть всегда ждет, и когда сила воина исчезает, смерть просто дотрагивается до него. Таким образом отправиться в неизвестное без всякой силы — глупо. Найдешь только смерть.

Я не слушал на самом деле. Я продолжал забавляться с идеей, что сухое мясо могло быть причиной, вызвавшей галлюцинации. Меня удовлетворяло индальгировать в этой мысли.

— Не утруждай себя, пытаясь прояснить все это, — сказал он, как бы читая мои мысли. — мир — это загадка. То, на что ты смотришь, это еще не все, что здесь есть. В мире есть намного больше. Очень намного больше. Фактически до бесконечности. Поэтому, когда ты

пытаешься прояснить себе все это, то на самом деле ты пытаешься сделать мир знакомым. И я и ты прямо здесь, в мире, который ты называешь реальным, находимся просто потому, что мы оба знаем его. Ты не знаешь мира силы, поэтому ты не можешь включить его в знакомую сцену.

— Ты знаешь, что я в самом деле не могу оспорить твою точку зрения, но в то же время мой ум отказывается принять ее.

Он засмеялся и слегка коснулся моей головы.

— Ты действительно безумен, — сказал он. — но все в порядке. Я знаю, как это трудно жить, как воин. Если бы ты следовал моим инструкциям и выполнял все те действия, которым я тебя научил, то ты бы в настоящее время имел достаточно силы, чтобы пересечь мост. Достаточно силы, чтобы остановить мир.

— Но почему я должен хотеть силы, дон Хуан?

— Сейчас ты не можешь придумать причин, однако, если ты накопишь достаточно силы, то сама сила найдет в тебе хорошую причину. Звучит странно, не так ли?

— Почему ты сам хочешь силы, дон Хуан?

— Я похож на тебя. Я не хотел. Я не могу найти причину, чтобы ее иметь. У меня были все те же сомнения, которые имеешь ты, и я никогда не следовал тем инструкциям, которые мне давались, или же я никогда не думал, что следую им. И, однако же, несмотря на мою глупость, я накопил достаточно силы, и однажды моя личная сила заставила мир разрушиться.

— Но зачем кто-либо будет хотеть остановить мир.

— Никто не хочет, в том-то все и дело. Это просто случается. А когда ты уже знаешь, что это такое — остановить мир, то ты понимаешь, что для этого есть причины. Видишь ли, одним из искусств воина является умение заставить мир разрушиться по особой причине, а затем восстановить его вновь для того, чтобы продолжить жить.

Я сказал ему, что, может быть, самый верный способ помочь мне был бы дать мне пример особой причины для разрушения мира.

Некоторое время он молчал. Казалось, он обдумывает, что сказать.

— Я не могу сказать тебе этого, — сказал он. — нужно слишком много силы для того, чтобы знать это. Когда-нибудь ты будешь жить, как воин, несмотря на самого себя. Тогда, может быть, ты накопишь достаточно личной силы, чтобы самому ответить на этот вопрос.

Я обучил тебя почти всему тому, что нужно знать воину, чтобы начать жить в мире, накапливая силу самому. Однако я знаю, что ты не можешь этого делать, и я должен быть терпелив с тобой. Я знаю наверняка, что для того, чтобы быть самим собой в мире силы, нужна целая жизнь борьбы.

Дон Хуан взглянул на небо и на горы. Солнце уже клонилось к западу, и на горах быстро собирались дождевые облака. Я не знал, сколько времени. Я забыл завести свои часы. Я спросил его, не может ли он сказать, сколько времени, и у него был такой приступ смеха, что он скатился с камня в кусты.

Он встал и потянулся, зевая.

— Еще рано, — сказал он. — мы должны ждать, пока туман не соберется на вершине горы, а затем ты должен встать на этот камень и поблагодарить туман за его одолжение. Пусть он придет и обнимет тебя. Я буду рядом, чтобы помочь, если понадобится.

Каким-то образом перспектива того, чтобы стоять одному в тумане, перепугала меня. Я чувствовал себя идиотски из-за того, что реагирую таким нерациональным образом.

— Ты не можешь уйти из этих уединенных гор, не выразив им своей благодарности, — сказал он твердым тоном. — воин никогда не поворачивает спины к силе без того, чтобы отдать должное за полученное одолжение.

Он лег на спину, положив руки под голову, и накрыл лицо шляпой.

— Как я должен ждать тумана, что я должен делать? — спросил я.

— Пиши, — сказал он сквозь шляпу. — но не закрывай глаза и не поворачивайся спиной.

Я попытался писать, но не мог сконцентрироваться. Я встал и стал беспокойно ходить. Дон Хуан поднял свою шляпу и посмотрел на меня с оттенком раздражения

— Садись! — приказал он мне.

Он сказал, что битва силы еще не окончена и что я должен научить свой дух не быть пассивным. Ничего из того, что я делаю, не должно выдавать моих чувств, разве что я хочу остаться пойманным в этих горах.

Он сел и шевельнул рукой с выражением срочности. Он сказал, что я должен действовать так, как если бы все было обычным, потому что места силы, как то, в котором мы находимся, имеют потенциальную возможность опустошать людей, если они беспокойны, и поэтому человек может развить странные и вредные узы с этим местом.

— Эти узы приковывают человека к месту силы иногда на всю жизнь, — сказал он. — а это не твое место. Ты не нашел его сам, поэтому подтяни свой пояс и не теряй штанов.

Его предупреждение подействовало на меня, как заговор. Я работал в течение нескольких часов без передышки.

Дон Хуан отправился обратно спать и не просыпался до тех пор, пока туман не приблизился на каких-то двести метров. Он поднялся и посмотрел на окрестности. Я оглянулся, не поворачивая спины. Туман уже залепил низину, спускаясь с гор справа от меня. Слева от меня ландшафт был чистым. Однако ветер начинал дуть справа и гнал туман в низину, как бы окружая нас. Дон Хуан прошептал, что я должен оставаться бесстрастным стоя там, где я есть, и не закрывая глаз, и что я не должен поворачиваться до тех пор, пока я не буду полностью окружен туманом. Только тогда можно будет начать спуск.

Он укрылся у основания скал в нескольких футах от меня.

Тишина этих гор была какой-то величественной и в то же самое время пугающей. Мягкий ветер, который нес туман, давал мне ощущение, что туман свистит у меня в ушах. Большие клочки тумана спускались с холма, как плотные образования беловатого вещества, катящиеся на меня. Я чувствовал запах тумана. Это была любопытная смесь сырости и свежести, затем я был охвачен туманом полностью.

У меня было такое ощущение, что туман действует на веки моих глаз. Они отяжелели, и я хотел закрыть глаза. Мне было холодно, горло мое воспалилось. Я хотел кашлянуть, но не смел. Я поднял подбородок и вытянул шею для того, чтобы не кашлянуть. И когда я поднял свой взгляд вверх, у меня было такое ощущение, что я действительно мог видеть плотность туманного образования. Как будто бы мои глаза могли оценить его толщину, проходя сквозь него. Мои глаза начали закрываться, и я не мог больше бороться с желанием заснуть. Я чувствовал, что сию минуту упаду на землю. В этот момент дон Хуан подскочил ко мне, встряхнул за руки и потряс. Потрясение было достаточным, чтобы восстановить ясность.

Он прошептал мне на ухо, что я должен бежать вниз так быстро, как только смогу. Он сказал, что последует сзади, потому что не хочет быть поражен теми камнями, которые я спихну на своем пути. Он сказал, что ведущий — я, поскольку это моя битва силы, и что я должен иметь ясную голову и быть отрешенным для того, чтобы благополучно вывести нас отсюда.

— Это так, — сказал он громким голосом. — если у тебя не будет настроения воина, мы никогда не покинем тумана.

Секунду я колебался. Я не был уверен, смогу ли я найти путь с этих гор.

— Беги, кролик, беги! — завопил дон Хуан и слегка толкнул меня вниз по склону.

13. ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА ВОИНА

Воскресенье, 28 января 1962 года.

Около 10 часов утра дон Хуан вошел в дом. Он уходил на рассвете. Я приветствовал его. Он усмехнулся и шутовским манером пожал мне руку и приветствовал меня.

— Мы собираемся отправиться в небольшое путешествие, — сказал он. — ты собираешься отвести нас в весьма особое место в поисках силы.

Он развернул две переметные сумы и положил в каждую из них по две тыквенные фляги, наполненные едой, связал их тонкой веревкой и вручил мне.

Мы спокойно ехали на север каких-нибудь 400 миль, а затем свернули с панамериканской шоссеиной дороги и поехали по грунтовой к западу. В течение многих часов моя машина казалась единственной на дороге. Пока мы ехали, я заметил, что не могу видеть сквозь ветровое стекло. Я отчаянно старался взглянуть на окружающее, но было слишком темно, а ветровое стекло было заляпано раздавленными насекомыми и пылью.

Я сказал дону Хуану, что должен остановиться и прочистить ветровое стекло. Он велел мне продолжать ехать, даже если мне придется тащиться со скоростью две мили в час, высовывая голову из окна, чтобы видеть впереди. Он сказал мне, что мы не можем остановиться, пока не достигнем того места, куда едем.

В определенном месте он велел мне повернуть направо. Было так темно и пыльно, что даже фары мало помогали. Я съехал с дороги с дрожью в коленках. Я боялся мягких кюветов. Но почва была слежавшейся.

Я проехал около двухсот метров на самой тихой скорости, держа дверцу открытой, чтобы можно было выглядывать. Наконец, дон Хуан сказал остановиться. Он сказал, чтобы я остановился как раз позади огромной скалы, которая скроет машину из виду. Я вышел из машины и обошел ее вокруг, ориентируясь на свет фар. Я хотел рассмотреть окрестности, потому что не имел никакого представления, где мы находимся, но дон Хуан выключил

фары. Он громко сказал, что мы не можем терять времени и что я должен запереть машину, потому что мы отправимся в путь.

Он вручил мне мою сумку с флягами. Было так темно, что я споткнулся и чуть не уронил их. Дон Хуан мягким и повелительным голосом приказал мне сесть, пока мои глаза не привыкнут к темноте. Но с глазами моими проблемы не было. Как только я вышел из машины, я мог видеть довольно хорошо. Неладно было с моей особой нервозностью, которая заставила меня действовать так, как совершенно рассеянного. Я все пытался выразить словами.

— Куда мы идем? — спросил я.

— Мы собираемся прогуляться в полной темноте к особому месту.

— Для чего?

— Чтобы определить наверняка, способен ли ты охотиться за силой.

Я спросил его, является ли то, что он предлагает мне, испытанием, и если я провалюсь на этом испытании, будет ли он продолжать рассказывать мне о своем знании и разговаривать со мной.

Он слушал, не прерывая. Он сказал, что то, что мы делаем, не является испытанием, но что мы ждем знака, и если знака не будет, то отсюда следует, что я не добился успеха в охоте на силу. И в этом случае я буду свободен в дальнейшем от всяких обязательств. Свободен быть таким глупым, каким хочу. Он сказал, что в независимости от того, что случится, он — мой друг, и всегда будет разговаривать со мной.

Каким-то образом я знал, что провалюсь.

— Знак не появится, — сказал я шутя. — я знаю это, у меня есть маленькая сила.

Он засмеялся и похлопал меня по спине.

— Не горюй, — ответил он. — знак появится. Я знаю это, у меня силы больше, чем у тебя.

Он нашел свое заявление забавным. Он хлопнул себя по ляжкам, сжал ладони и расхохотался.

Дон Хуан привязал мою переносную суму мне на спину и сказал, что я должен идти на один шаг позади него и, насколько возможно, наступать на его следы. Очень драматическим тоном он прошептал:

— Это поход за силой, так что все идет в счет.

Он сказал, что если я буду идти по его следам, то та сила, которую он рассеивает во время ходьбы, будет передаваться мне.

Я взглянул на часы. Было одиннадцать часов вечера.

Он заставил меня выпрямиться, как солдата по стойке смирно, затем он толкнул мою правую ногу вперед и установил меня так, как если бы я только что шагнул. Он встал передо мной в такую же позу, а затем пошел, повторив предварительно наставление, что я должен стараться идти по его следам как можно лучше. Он сказал ясным шепотом, что я не должен ни о чем заботиться и смотреть только за тем, чтобы наступать в его следы. Я не должен смотреть ни вперед, ни по сторонам, но только на землю, где он шел.

Он отправился очень спокойным шагом. Мне совсем не составляло трудов следовать за ним. Мы шли по довольно твердому грунту. Метров 60 я выдерживал его шаг и точно наступал в его следы. Затем я на секунду взглянул в сторону и в тот же момент наткнулся на него.

Он засмеялся и заверил меня, что я совсем не поранил его пятку, когда наступил на нее своими большими сапогами, но если я буду продолжать натекаться, то к утру один из нас будет калекой. Он сказал, смеясь, очень тихим, но твердым голосом, что не намерен получать увечья из-за моей глупости и отсутствия концентрации, и если я еще раз наступлю на него, то мне придется идти босиком.

— Я не могу идти без сапог, — сказал я громким хриплым голосом.

Дон Хуан согнулся вдвое от смеха, и мы вынуждены были ждать, пока он кончит.

Он заверил меня опять, что действительно имел в виду то, что сказал.

— Мы путешествуем, чтобы коснуться силы, и все должно быть совершенным поэтому.

Перспектива идти по пустыне без сапог испугала меня до невероятности. Дон Хуан пошутил, что моя семья, наверное, была фермерами такого типа, которые не снимают своих сапог, даже ложась в постель. Конечно, он был прав. Я никогда не ходил босиком, и идти по пустыне без сапог было бы для меня самоубийственно.

— Эта пустыня излучает силу, — прошептал дон Хуан мне на ухо. — для того, чтобы быть боязливым, нет времени.

Мы опять пошли. Дон Хуан выдерживал легкий шаг, через некоторое время я заметил, что мы сошли с твердого грунта и идем по мягкому песку. Ноги дон Хуана тонули в нем и оставляли глубокие следы.

Мы шли несколько часов, прежде чем дон Хуан остановился. Он не остановился внезапно, а предупредил меня заранее, что собирается остановиться и чтобы я не налетел на него. Почва снова была твердой и казалось, что мы движемся вверх по склону.

Дон Хуан сказал, что если мне нужно сходить в кусты, то мне следует это сделать, потому что в дальнейшем у нас будет солидный участок пути без единой остановки. Я взглянул на часы. Был час ночи.

После 10-15 минутного отдыха дон Хуан опять установил меня в позицию, и мы пошли. Он был прав. Это был ужасный отрезок пути. Я никогда не делал ничего, что требовало бы такой концентрации. Походка дон Хуана была такой быстрой, и напряжение от того, что я следил за каждым шагом, выросло до таких высот, что в какой-то момент я уже не мог больше ощущать, что я иду, я не мог больше чувствовать своих ног. Казалось, я иду по воздуху, и какая-то сила несет и несет меня вперед. Моя концентрация была настолько полной, что я не заметил постепенной смены освещения. Внезапно я осознал, что могу видеть дон Хуана перед собой. Я мог видеть его ступни и его следы, вместо того, чтобы полуугадывать их, как я это делал большую часть ночи.

В какой-то момент он неожиданно отпрыгнул в сторону, а моя инерция протащила меня еще метров сорок. Когда я сбросил скорость, мои ноги ослабели и стали дрожать, и в конце концов я свалился на землю.

Я взглянул на дон Хуана, который спокойно меня рассматривал. Он совсем не казался уставшим. Я мучился одышкой и обливался холодным потом.

Дон Хуан покатал меня в лежачем положении, таская меня за руку. Он сказал, что если я хочу восстановить свою силу, то я должен лечь головой к востоку. Мало-помалу я расслабил свое больное тело. Наконец, энергии у меня хватило для того, чтобы подняться. Я хотел посмотреть на часы, но он помешал мне, положив свою руку на мое запястье. Очень мягко он повернул меня лицом к востоку и сказал, что нет никакой нужды в моем проклятом хронометре, что мы находимся в магическом времени и собираемся узнать наверняка, способен ли я преследовать силу.

Я оглянулся. Мы находились на вершине очень большого высокого холма. Я хотел пойти в направлении чего-то похожего на край или выступ скалы и посмотреть, что это, но дон Хуан подскочил и опустил меня на землю.

Он повелительно приказал мне оставаться на месте, где я упал, до тех пор, пока солнце не выйдет из-за черных пиков гор и не поднимется от них на какое-то расстояние.

Он указал на восток и привлек мое внимание к тяжелой гряде облаков над горизонтом. Он сказал, что это будет хорошим знаком, если ветер разгонит облака к тому времени, когда первые лучи солнца осветят мое тело на вершине холма.

Он сказал, чтобы я спокойно стоял, выставив правую ногу вперед, как если я иду, и смотрел на горизонт не пристально, а без фокусирования взгляда.

Мои ноги были очень напряжены и щиколотки болели. Это была очень неудобная поза, и мышцы моих ног были слишком уставшими, чтобы меня поддерживать. Я держался, сколько мог. Я уже почти падал. Мои ноги непроизвольно дрожали, когда дон Хуан все это отменил. Он помог мне сесть.

Гряда облаков не сдвинулась, и мы не видели солнца, поднимающегося из-за горизонта.

Единственным комментарием дон Хуана было: «слишком плохо».

Я не хотел сразу же спрашивать, каковы осложнения моей неудачи, но зная дон Хуана, я был уверен, что он последует указаниям своих знаков, а этим утром знаков не было. Боль в щиколотках исчезла, и я почувствовал прилив хорошего самочувствия. Я начал бег на месте, чтобы расслабить мышцы. Дон Хуан мягко сказал мне, чтобы я сбегал на соседний холм, нарвал немножко листьев с особого куста и натер свои ноги для того, чтобы избавиться от мышечной боли.

С того места, где я стоял, я очень ясно мог видеть большой и сочный зеленый куст. Листья казались очень влажными. Я уже пользовался ими раньше. Я никогда не ощущал, чтобы они помогали мне, но дон Хуан настаивал на том, что воздействие действительно дружественных растений было таким незаметным, что его едва отмечаешь. Однако оно всегда приносит ожидаемый результат.

Я сбегал с холма и поднялся на соседний. Когда я уже был на вершине, я сообразил, что напряжение оказалось чуть ли не непосильным для меня. Мне понадобилось некоторое время, чтобы успокоить дыхание, и в животе у меня было беспокойно. Я присел на корточки до тех пор, пока не расслабился. Затем я поднялся и пошел, чтобы нарвать листьев, о которых он меня просил, но я не мог найти куста. Я оглянулся, я был уверен, что нахожусь на правильном месте, но на всей вершине этого холма не было ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало нужное растение. Однако же это должно быть то самое место, где я

его видел. Любое другое место не попадало бы в поле зрения, если смотреть с того места, где стоит дон Хуан.

Я отказался от поисков и пошел обратно на другой холм. Дон Хуан доброжелательно улыбнулся, когда я объяснил ему свою ошибку.

— Почему ты называешь это ошибкой? — спросил он.

— Но куста там явно нет, — сказал я.

— Но ты его видел, не так ли?

— Мне казалось, что да.

— Что ты видишь на его месте сейчас?

— Ничего.

На том месте, где, как я думал, видел растение, не было абсолютно никакой растительности. Я попытался объяснить то, что я видел, как зрительное расстройство, своего рода мираж. Я действительно был утомлен, и из-за своего утомления я мог легко поверить, что вижу что-то такое, что ожидал увидеть там, но чего там в действительности не было.

Дон Хуан мягко засмеялся и на короткую секунду посмотрел на меня.

— Я не вижу никакой ошибки, — сказал он. — растение там, на вершине холма.

Теперь пришла моя очередь смеяться. Я осмотрел весь район очень тщательно. Нигде в виду не было таких растений и то, что я испытал, было просто галлюцинацией, по всему тому, что я знал.

Дон Хуан очень спокойно начал спускаться с холма и сделал мне знак следовать за ним. Мы вместе забрались на другой холм и остановились там, где, как я думал, видел растение.

Я посмеивался в абсолютной уверенности, что я прав. Дон Хуан также посмеивался.

— Сходи на противоположную сторону холма, — сказал он. — ты найдешь растение там.

Я сказал, что другая сторона холма находилась вне поля моего зрения. Что растение может там быть, но это ничего не означает.

Дон Хуан сделал мне знак движением головы следовать за ним. Он обошел вершину холма вместо того, чтобы идти прямо через нее, и драматически остановился перед зеленым кустом, не глядя на него. Он повернулся и посмотрел на меня. Это был пронизывающий взгляд.

— В окрестности должны быть сотни таких кустов, — сказал я.

Дон Хуан терпеливо спустился с противоположной стороны холма вместе со мной. Мы повсюду искали такой же куст, но нигде в виду его не было. Мы прошли около четверти мили, прежде чем наткнулись на другое растение.

Мы стояли там секунду, а затем он повел меня в еще одну экскурсию поискать растение в противоположном направлении. Мы прочесали весь район и нашли еще два куста на расстоянии около мили. Они росли вместе и выделялись, как пятно интенсивно богатой зелени, более сочной, чем окружающие кусты.

— Дон Хуан взглянул на меня с серьезным выражением. Я не знал, что об этом думать.

— Это очень странный знак, — сказал он.

Мы вернулись на вершину холма, сделав широкий круг, чтобы подойти к нему с нового направления. Он, казалось, нарочно идет другим путем, чтобы доказать мне, что в окрестностях редко встречаются такие растения. По пути мы не встретили ни одного из них. Когда мы достигли вершины холма, мы уселись в полном молчании. Дон Хуан развязал свои флаги.

— После еды ты будешь чувствовать себя лучше, — сказал он.

Он не мог скрыть свое удовольствие. Он лучезарно улыбнулся, поглаживая меня по голове. Я чувствовал себя дезориентированным. Новое развитие событий было беспокоящим, но я был слишком голоден и слишком устал, чтобы действительно раздумывать над этим.

После еды меня сильно потянуло в сон. Дон Хуан сказал, чтобы я использовал технику смотреть, не фокусируя взгляда, для того, чтобы найти подходящее место для сна на той вершине, где я видел куст.

Я выбрал такое место. Он убрал мусор оттуда и выложил им круг по размеру моего тела. Очень осторожно он сорвал несколько веток с кустов и подмел ими землю внутри круга. Фактически, он не коснулся земли ветками. Он только делал подметающие движения. Затем он убрал все камни с поверхности земли внутри круга и положил их в центре после тщательной сортировки по размеру на две кучки равного количества.

— Что ты делаешь с этими камнями? — спросил я.

— Это не камни, — сказал он. — это струны. Они будут удерживать твое место подвешенным.

Он взял маленькие камешки и разложил их по окружности круга. Он разложил их через равные промежутки и с помощью палки твердо укрепил каждый камень в земле, как если бы он был каменщиком.

Он не позволил мне войти внутрь круга, но сказал, чтобы я ходил вокруг и следил, что он делает. Он отсчитал восемнадцать камней, располагая их против часовой стрелки.

— Теперь сбеги к подножию холма и жди, — сказал он. — а я подойду к краю и посмотрю, на подходящем ли месте ты стоишь.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь сбросить тебе каждую из этих струн, — сказал он, указывая на кучу более крупных камней. — а ты должен поместить их в земле на том месте, где я скажу, тем же способом, как я поместил эти камни.

Ты должен быть бесконечно внимательным. Когда имеешь дело с силой, следует быть совершенным. Ошибки здесь смертельны. Каждый из этих камней является струной. Струной, которая может убить нас, если мы оставим ее валяться незакрепленной, поэтому ты просто не можешь делать никаких ошибок. Ты должен остановить свой пристальный взгляд на том месте, куда я брошу струну. Если ты хоть чем-нибудь отвлечешься, то струна станет обычным камнем, и ты не сможешь отличить ее от других камней, валяющихся вокруг.

Я предложил, было бы проще, если бы я перетаскал «струны» к подножию холма по одной. Дон Хуан засмеялся и отрицательно покачал головой.

— Это струны, — настаивал он. — и они должны быть брошены мною и подняты тобой.

Несколько часов потребовалось, чтобы выполнить эту задачу. Степень концентрации, которая требовалась при этом, была мучительной. Дон Хуан каждый раз напоминал мне, чтобы я был внимательным и фокусировал свой взгляд. Делая это, он был прав. Поднять нужный камень, который катился вниз, захватывая по пути другие камни, действительно было занятием, сводящим с ума. Когда я полностью закрыл круг и взошел на холм, я думал, что сейчас упаду мертвым. Дон Хуан поднял какие-то маленькие веточки и устлал ими круг. Он вручил мне несколько листьев и сказал, чтобы я положил их под штаны на кожу живота. Он сказал, что они будут меня согревать и что мне не нужно будет одеяла для сна. Я свалился внутри круга. Ветки делали постель довольно мягкой, и я заснул моментально.

Была вторая половина дня, когда я проснулся. Дул ветер, и было облачно. Нависшие тучи состояли из плотных кучевых облаков, но к западу они становились тонкими перистыми облаками, и солнце время от времени проглядывало на землю.

Сон обновил меня. Я ощущал оживленность и счастье. Ветер не беспокоил меня. Мне не было холодно. Я подпер голову руками и осмотрелся. Раньше я этого не заметил, но холм был довольно высоким. Вид, открывавшийся к западу, был внушительным. Я мог видеть широкую панораму низких холмов, а за ними пустыню. К северу и востоку были видны гребни темно-коричневых гор, а на юг — бесконечная протяженность холмов и низин и далекие синие горы.

Я сел. Дона Хуана нигде не было видно. Я почувствовал внезапный приступ страха. Я подумал, что он, может быть, покинул меня одного, а я не знаю дорогу обратно к своей машине. Я лег обратно на подстилку из сучьев, и, как ни странно, моя тревога исчезла. Я вновь испытал чувство спокойствия и исключительное чувство хорошего самочувствия. Для меня это было совершенно новое ощущение. Мои мысли, казалось, были выключены. Я был счастлив. Я чувствовал себя здоровым. Очень спокойная бодрость наполняла меня. С запада дул мягкий ветер и прокатывался по всему моему телу, не охлаждая меня. Я чувствовал его на своем лице и вокруг ушей, как нежную волну теплой воды, которая купала меня, затем отступала и купала снова. Это было очень странное состояние, не имевшее никакой параллели в моей занятой и неустроенной жизни. Я начал плакать. Не от печали или жалости к самому себе, но от какой-то огромной необъяснимой радости.

Я хотел остаться на этом месте навсегда, и я мог бы это сделать, если бы не пришел дон Хуан и не сдернул меня с него.

— Ты отдохнул достаточно, — сказал он, сталкивая меня.

Он очень спокойно прогулял меня по окрестностям холма. Мы шли медленно и в полном молчании. Он, казалось, был заинтересован в том, чтобы я осмотрел ландшафт, окружающий нас. Движением глаз и движением подбородка он указал на облака и горы.

Пейзаж во второй половине дня был великолепен. Он пробуждал ощущение испуга и отчаяния во мне. Он напоминал мне сцены моего детства.

Мы забрались на самую высокую точку холма, на вершину заостренной скалы и удобно уселись, прислонившись спиной к камню и глядя на юг. Бесконечная протяженность земли к югу поистине была величественной.

— Зафиксируй все это в своей памяти, — прошептал мне дон Хуан на ухо. — это место — твое. Этим утром ты «видел», и это был знак. Ты нашел это место при помощи «видения».

Знак был неожиданным, но он был. Ты будешь охотиться за силой, хочешь ты этого или нет. Это не человеческое решение и не твое, и не мое.

Теперь, правильно говоря, вершина этого холма — твое место, твое любимое место. Все, что находится вокруг тебя, подлежит твоей заботе. Ты должен здесь смотреть за всем, и все, в свою очередь, будет смотреть за тобой.

Я шутливо спросил, действительно ли все мое. Очень серьезным тоном он сказал «да». Я засмеялся и сказал ему, что то, что мы делаем, напомнило мне историю о том, как испанцы, которые завоевали новый мир, делили землю именем своего короля. Они обычно забирались на вершину горы и провозглашали своей всю землю, которую они могли увидеть в каком-либо направлении.

— Это хорошая мысль, — сказал он. — я собираюсь отдать тебе всю землю, которую ты сможешь увидеть не в одном направлении, а повсюду вокруг тебя.

Он поднялся и указал вытянутой рукой, поворачиваясь вокруг, чтобы охватить полный круг.

— Вся эта земля — твоя, — сказал он.

Я громко засмеялся.

Он усмехнулся и спросил меня:

— Почему бы нет? Почему я не могу дать тебе всю эту землю?

— Ты не владеешь этой землей, — сказал я.

— Ну так что ж, испанцы тоже не владели ею, однако они делили ее и отдавали ее. Поэтому, почему я не могу отдать тебе ее во владение тем же самым способом?

Я пристально его рассматривал, стараясь обнаружить, что в действительности скрывается за его улыбкой. На него накатил приступ смеха, и он чуть не упал со скалы.

— Вся эта земля, насколько ты ее видишь — твоя, — продолжал он, все еще улыбаясь. — не для пользования, а для того, чтобы запомнить. Вершина этого холма, однако, является твоей, чтобы ты ею пользовался до конца твоей жизни. Я отдаю ее тебе, потому что ты сам нашел ее. Она — твоя. Принимай ее.

Я засмеялся, но дон Хуан казался очень серьезным. Если исключить его странную улыбку, то он, казалось, действительно верил, что он может отдать мне вершину этого холма.

— Почему же нет? — спросил он, как будто читая мои мысли.

— Я принимаю ее, — сказал я, наполовину шутя.

Его улыбка исчезла. Он скосил глаза, глядя на меня.

— Каждый камень и каждая галька, и каждый куст на этом холме, особенно на его вершине, находятся под твоей заботой, — сказал он. — каждый червяк, который здесь живет, является твоим другом. Ты можешь использовать их, и они могут использовать тебя.

Несколько минут мы молчали. У меня было необычно мало мыслей. Я смутно чувствовал, что его внезапное изменение настроения являлось мне предупреждением, но не был испуган или встревожен. Я просто не хотел больше разговаривать. Слова каким-то образом казались неточными, и их значение трудно было вычленивать. У меня никогда не было такого ощущения относительно разговора, и, поняв свое необычное настроение, я поспешно начал говорить.

— Но что я могу делать с этим холмом, дон Хуан?

— Зафиксируй каждую его черту в своей памяти. Это место, куда ты будешь приходить в сновидениях. Это место, где ты будешь встречаться с силами, где когда-нибудь тебе будут раскрыты секреты.

— Ты охотишься за силой, и это твое место. Место, где ты будешь хранить свои ресурсы.

Сейчас это не имеет для тебя смысла, поэтому пусть на какое-то время это будет оставаться бессмыслицей.

Мы спустились со скалы, и он провел меня к небольшому чашевидному углублению на западной стороне вершины. Там мы сели и поели.

Без сомнения, было что-то неопишимо приятное для меня на вершине этого холма. Еда, как и отдых, были неизвестным поглощающим ощущением.

Свет заходящего солнца бросал богатый почти медный отсвет, и все вокруг, казалось, было покрашено золотой краской. Я полностью отдался любованию пейзажем. Я даже не хотел думать.

Дон Хуан заговорил со мной почти шепотом. Он сказал, чтобы я следил за каждой деталью вокруг, в независимости от того, какой бы маленькой или тривиальной она мне ни казалась. Особенно за чертами того ландшафта, который простирался в западном направлении. Он сказал, чтобы я смотрел на солнце, не фокусируя на нем взгляда до тех пор, пока оно не исчезнет за горизонтом.

Последние минуты света как раз перед тем, как солнце спряталось за одеялом низких туч или тумана, были в полном смысле величественными. Солнце, казалось, подожгло землю, превратив ее в большой костер. Я почувствовал красный отсвет у себя на лице.

— Встань! — крикнул дон Хуан и дернул меня вверх. Он отпрыгнул от меня и приказал мне повелительным, но срочным голосом бежать на том месте, где я стоял.

Пока я бежал на одном и том же месте, я начал ощущать тепло, заполняющее мое тело. Это была какая-то медная теплота. Я чувствовал ее на небе и на «крыше» моих глазниц. Казалось, верхняя часть моей головы горит холодным огнем и излучает медный свет.

Что-то внутри меня заставило меня бежать все быстрее и быстрее, когда солнце начало исчезать. В определенный момент я действительно почувствовал, что стал таким легким, что мог бы улететь. Дон Хуан очень твердо ухватил меня за правое запястье. Ощущение, вызванное давлением его руки, вернуло чувство трезвости и собранности. Я повалился на землю, и он сел рядом со мной. Через несколько минут отдыха он спокойно поднялся, похлопал меня по плечу и сделал мне знак следовать за собой.

Мы опять забрались на вершину заостренной скалы, где сидели до этого. Скала заслоняла нас от холодного ветра. Дон Хуан нарушил тишину.

— Это был прекрасный знак, — сказал он. — как странно! Это произошло в конце дня. Мы с тобой такие различные. Ты более ночное существо. Я предпочитаю молодое сияние утра или скорее сверкание утреннего солнца, ищущего меня. Но оно скрывается от тебя. С другой стороны, садящееся солнце искупало тебя. Его пламя охватило тебя и не обожгло. Как странно!

— Почему это странно?

— Я никогда не видел, чтобы это бывало. Знак, когда он происходит, всегда бывает в царстве молодого солнца.

— Почему это так, дон Хуан?

— Сейчас не время говорить об этом, — сказал он отрывисто. — знание — это сила. Нужно долгое время для того, чтобы накопить достаточно силы, чтобы даже говорить о нем.

Я попытался настаивать, но он резко переменял тему. Он спросил меня о моем прогрессе в «сновидениях».

Я начал видеть сны о различных местах, таких, как университет или дома нескольких друзей.

— Ты бывал в этих местах в дневное или ночное время? — спросил он.

Мои сны соответствовали времени дня. То есть тому времени, когда я привык посещать эти места: в университете в дневное время, дома друзей — в вечернее.

Он предложил, чтобы я попытался совершать сновидения во время короткого дневного сна, и посмотрел, не могу ли я действительно визуализировать выбранное место, как это было в то время, когда у меня шли «сновидения». Если «сновидения» бывали ночью, то мое видение местности должно относиться к ночному времени. Он сказал, что то, что испытываешь в «сновидении», должно соответствовать тому времени дня, когда «сновидение» имеет место. В противном случае видения будут не «сновидениями», а обычными снами.

— Для того, чтобы помочь самому себе, ты должен избрать особый предмет, относящийся к тому месту, куда ты хочешь отправиться, и сфокусировать свое внимание на нем, — продолжал он. — здесь, на этой вершине, например, у тебя есть особый куст, который ты сможешь наблюдать, пока у тебя в памяти есть для него место. Ты можешь возвращаться сюда во время сновидения, просто вспомнив этот куст или же эту скалу, где мы сидим, или вспомнив любую другую вещь здесь. Во время сновидений путешествовать легче, когда ты фокусируешь свое внимание на месте силы, таком, как это место. Но если ты не хочешь сюда приходить, ты можешь выбрать любое другое место. Может быть, университет, куда ты ходишь, является для тебя местом силы. Используй его. Сфокусируй свое внимание на любом предмете там и затем найди его в сновидении.

От этого особого предмета, который ты вспомнишь, ты должен возвратиться обратно к своим рукам, затем к другому предмету и так далее.

Но сейчас ты должен фокусировать свое внимание на всем, что находится на этом холме, потому что это самое важное место в твоей жизни.

Он взглянул на меня, как бы судя об эффекте своих слов.

— Это место, где ты умрешь, — сказал он мягким голосом.

Я нервно отпрянул, меняя положение, и он улыбнулся.

— Я вместе с тобой буду приходить на эту вершину вновь и вновь, — сказал он. — а затем ты должен приходить сюда сам, пока ты не насытишься ею. До тех пор, пока вершина не пропитает тебя. Ты будешь знать время, когда вершина наполнит тебя. Вершина этого холма так, как она есть сейчас, будет тогда местом твоего последнего танца.

— Что ты имеешь в виду под моим последним танцем, дон Хуан?

— Это место твоей последней стоянки, — сказал он. — ты умрешь здесь, независимо от того, где ты будешь находиться. У каждого воина есть место, чтобы умереть. Место его

предрасположения, которое пропитано незабываемыми воспоминаниями, где могущественные события оставили свой след. место, где он был свидетелем чудес, где ему были открыты секреты, место, где он хранил свою личную силу.

Воин имеет обязательство возвращаться назад к этому месту своего предрасположения каждый раз, как он коснется силы, для того, чтобы хранить ее здесь. Он идет туда или пешком или при помощи сновидения.

И, наконец, однажды, когда его время на земле окончится, и он почувствует, что смерть хлопнула его по левому плечу, его дух, который всегда готов, летит к месту его предрасположения, и там воин танцует для своей смерти.

Каждый воин имеет специальную позу силы, которую он развивает в течение всей жизни. Это своего рода танец. Движения, которые он исполняет под влиянием своей личной силы.

Если у умирающего воина сила ограничена, то его танец короток, если его сила грандиозна, его танец величественен. Но в независимости от того, мала его сила или величественна, смерть должна остановиться и быть свидетелем его последней стоянки на земле. Смерть не может одолеть воина, который пересчитывает оружие своей жизни в последний раз, пока он не закончит свой танец.

Слова дон Хуана вызвали у меня озноб. Тишина, сумерки, величественный пейзаж, все, казалось, было помещено здесь, как иллюстрация картины последнего танца силы воина.

— Можешь ты научить меня этому танцу, хотя я и не воин? — спросил я.

— Любой человек, который охотится за силой, должен знать этот танец, — сказал он. — Однако, я не могу тебя научить ему сейчас. Скоро у тебя будет стоящий противник, и я покажу тебе тогда первые движения силы. Ты должен сам добавить другие движения в ходе своей жизни. Каждое новое движение должно быть достигнуто в битве силы, поэтому, точно говоря, поза, форма воина, является историей его жизни, танцем, который растет по мере роста его личной силы.

— И смерть действительно останавливается для того, чтобы посмотреть на танец воина?

— Воин — только человек, смиренный человек. Он не может изменить планов своей смерти, но его неуязвимый дух, который накопил силу после поразительных трудностей, действительно может удержать смерть на какое-то время. Время, достаточно долгое, чтобы он мог в последний раз порадовать себя использованием своей силы. Мы можем сказать, что это тот договор, который имеет смерть с людьми неуязвимого духа.

Я ощутил захватывающее любопытство и говорил просто для того, чтобы удовлетворить его. Я спросил его, не знал ли он воинов, которые умерли, и каким образом их последний танец повлиял на их умирание.

— Выбрось это из головы, — сказал он сухо. — умирание — это монументальное дело. Это больше, чем подрыгать ногами и застыть.

— Буду ли я тоже танцевать до своей смерти, дон Хуан?

— Наверняка. Ты охотишься за личной силой, даже несмотря на то, что еще не живешь, как воин. Сегодня солнце дало тебе свой знак. Лучшее, что ты сделаешь в работе своей жизни, будет сделано к концу дня. Очевидно, ты не любишь молодого сверкания раннего света. Утреннее путешествие не зовет тебя. Твоей чашкой чая является заходящее солнце, старое, желтоватое и таящее. Ты не любишь жара, ты любишь тепло.

И поэтому ты будешь танцевать перед своей смертью здесь, на вершине этого холма, в конце дня, и в своем последнем танце ты расскажешь о своей борьбе, о тех битвах, которые выиграл, и о тех, которые проиграл. Ты расскажешь о своей радости и замешательстве при встрече с личной силой. такой танец расскажет тебе о секретах и чудесах, которые ты накопил. И твоя смерть будет сидеть здесь и следить за тобой.

Заходящее солнце будет заливать тебя, не обжигая, как это сделано было сегодня. Ветер будет мягким и тающим, и твоя вершина будет дрожать. Когда ты подойдешь к концу твоего танца, ты взглянешь на солнце, потому что больше ты его никогда не увидишь ни в бодрствующем состоянии, ни в сновидениях. А затем твоя смерть покажет на юг, в бесконечность.

14. БЕГ СИЛЫ

Суббота, 8 апреля 1962 года.

— Смерть — это личность, дон Хуан? — спросил я, как только сел на веранду.

Во взгляде дон Хуана был оттенок замешательства. Он держал мешок с продуктами, который я ему привез. Он осторожно положил его на пол и сел передо мной. Я почувствовал себя ободренным и объяснил, является ли смерть личностью или в роде личности, когда она наблюдает за танцем воина.

— Ну, какая тебе разница? — спросил дон Хуан.

Я сказал ему, что эта картина была очень захватывающей для меня, и я захотел узнать, каким образом он к ней пришел. Откуда он узнал, что это так.

— Все это очень просто, — сказал он. — человек знания знает, что смерть является последним свидетелем, потому что он видит.

— Ты хочешь сказать, что ты сам наблюдал последний танец воина?

— Нет, нельзя быть таким свидетелем. Только смерть может это. Но я видел, как моя собственная смерть наблюдала за мной, и я танцевал для нее, как будто умирая. В конце моего танца смерть не указала ни в каком направлении, и место моего предрасположения не дрожало, прощаясь со мной. Так что мое время на земле еще не окончилось, и я не умер. Когда все это имело место, у меня была ограниченная сила, и я не понимал планов своей собственной смерти, поэтому я считал, что умираю.

— Была ли твоя смерть похожа на личность?

— Ты забавная птичка. Ты думаешь, что ты можешь понять, задавая вопросы. Я не думаю, что ты поймешь, но кто я такой, чтобы говорить?

Смерть не похожа на личность, это скорее присутствие. Но можно также сказать, что это ничто, и в то же время это все. И так и так будешь прав. Смерть — все, что захочешь.

Мне легко с людьми, поэтому для меня смерть — личность. Я также склонен к мистике, поэтому для меня у смерти пустые глаза. Я могу смотреть сквозь них. Они как два окошка, но в то же время они движутся, как движутся глаза. И поэтому я могу сказать, что смерть с ее пустыми глазами смотрит, пока воин танцует в последний раз на земле.

— Но является ли это только для тебя так, дон Хуан? Или это для каждого воина так же?

— Это точно так же для каждого воина, у которого есть танец силы, и в то же время это не так. Смерть наблюдает за последним танцем воина, но то, как воин видит свою смерть, является личным делом. Это может быть все, что угодно. Птица, свет, личность, куст, галька или неизвестное присутствие.

Картины смерти, нарисованные доном Хуаном, встревожили меня. Я не мог найти подходящих слов, чтобы задать свои вопросы, и замолчал. Он смотрел на меня, улыбаясь, и уговаривал меня говорить дальше.

Я спросил его, является ли то, как воин видит свою смерть, зависящим от условий, в которых он вырос. Как пример, я привел индейцев юма и яки. Моей собственной мыслью было то, что культура определяет манеру, в которой видят смерть.

— Не имеет никакого значения, где человек вырос, — сказал он. — определяющим в том, как человек делает что-либо, является личная сила. Человек является только суммой своей личной силы. И эта сила определяет, как он живет, и как умирает.

— Что такое личная сила?

— Личная сила — это чувство, — сказал он. — что-то вроде того, как быть удачливым. Или это можно назвать настроением. Личная сила — это нечто такое, что приобретаешь в независимости от своего происхождения. Я уже говорил тебе, что воин — это охотник за силой, и что я учу тебя, как охотиться за ней и хранить ее. Трудность с тобой, что является трудностью и со всеми нами, состоит в том, чтобы тебя убедить. Ты должен верить, что личная сила может быть использована, и что ее можно хранить, но до сих пор ты не был в этом убежден.

Я сказал ему, что он доказал свою точку зрения, и что я убежден настолько, насколько я вообще могу быть убежденным. Он засмеялся.

— Это не тот тип убеждения, о котором я говорю, — сказал он.

Он два-три раза слегка похлопал меня по плечу с усмешкой.

— Меня не требуется смешить, ты же знаешь.

Я почувствовал себя обязанным заверить его, что говорю серьезно.

— Я не сомневаюсь в этом, — сказал он. — но быть убежденным означает, что ты можешь действовать сам. От тебя еще потребуются огромные усилия для того, чтобы делать это. Намного больше еще должно быть сделано. Ты только начал.

Секунду он был спокоен. Его лицо приобрело застывшее выражение.

— Забавно, насколько ты мне иногда напоминаешь меня самого, — продолжал он. — я тоже не хотел избирать тропу воина. Я считал, что вся эта работа ни к чему, и поскольку мы все так или иначе умрем, какая разница — быть воином или не быть им. Я ошибался. Но я должен был найти это сам. Как только ты поймешь, что ты ошибаешься и что тут действительно есть целый мир разницы, тогда только ты сможешь сказать, что ты убежден. И тогда ты сможешь идти дальше сам. И самостоятельно ты даже сможешь стать человеком знания.

Я просил его объяснить, что он имеет в виду под словами «человек знания».

— Человек знания — это тот, кто правдиво прошел трудности учения, — сказал он. — человек, который без спешки и медлительности прошел настолько далеко, насколько смог, в раскрытии секретов личной силы.

В кратких словах он очертил эту концепцию, а затем бросил ее, как тему разговора, сказав, что мне следует заботиться лишь о том, как сохранять личную силу.

— Но это совершенно непонятно, — запротестовал я. — я действительно не могу сообразить, к чему ты ведешь.

— Охота за силой — любопытное явление, — сказал он. — сначала она должна быть идеей, затем она должна быть установлена шаг за шагом, а затем — бомц! — она происходит.

— Как она происходит?

— Дон Хуан поднялся. Он стал вытягивать руки и выгибать спину, как кот. Его кости, как обычно, издали серию хрустящих звуков.

— Пойдем, — сказал он. — впереди у нас длинное путешествие.

— Но я хочу тебя спросить еще так много вещей, — сказал я.

— Мы идем к месту силы, — сказал он, входя в дом. — почему ты не побережешь свои вопросы до того времени, как мы туда войдем? Нам может представиться случай поговорить.

Я думал, что мы поедем, поэтому поднялся и подошел к машине, но дон Хуан отозвал меня из дома и велел мне взять мою сетку с флягами. Он ждал меня за домом на краю пустынного чапарала.

— Нам нужно спешить, — сказал он.

Мы достигли нижних склонов гор Сьерра Мадре около трех часов дня. День был теплый, но во второй половине дня ветер похолодал. Дон Хуан сел на камень и сделал мне знак сделать так же.

— Что мы собираемся здесь делать на этот раз, дон Хуан?

— Ты очень хорошо знаешь, что мы здесь для того, чтобы охотиться за силой.

— Это я знаю. Но что именно мы собираемся здесь делать?

— Ты знаешь, что я не имею ни малейшей идеи.

— Ты хочешь сказать, что ты никогда не следуешь какому-либо определенному плану?

— Охота за силой — это очень серьезное дело, — сказал он. — нет никакого способа распланировать ее наперед. Именно это в ней интересно. Тем не менее, воин действует так, как будто бы у него есть план, потому что он доверяет своей личной силе. Он знает наверняка, что она заставит его действовать наиболее подходящим способом.

Я указал, что его заявления были до какой-то степени противоречивы. Если у воина уже есть личная сила, то зачем ему охотиться за ней?

Дон Хуан поднял брови и сделал жест подчеркнутого отвращения.

— Ты — человек, который охотится за личной силой, — сказал он. — а я — воин, который уже ее имеет. Ты спросил меня, был ли у меня план. И я сказал, что я доверяю своей личной силе в том, чтобы она руководила мной, и что мне не нужно иметь плана.

Мы помолчали, а затем пошли дальше. Склоны были очень крутыми, и забираться на них было весьма трудным и исключительно утомительным для меня. С другой стороны, выносливости дон Хуана, казалось, не будет конца. Он не бежал и не спешил, его ходьба была постоянной и неустанной. Я заметил, что он даже не вспотел. Даже после того, как взобрался на огромный почти вертикальный склон. Когда я достиг вершины, дон Хуан уже был там, ожидая меня. Когда я уселся рядом с ним, я почувствовал, что мое сердце готово разорваться и выскочить из моей груди. Я лег на спину, и пот буквально фонтаном потек у меня из бровей.

Дон Хуан расхохотался и некоторое время катал меня туда-сюда. Это движение помогло мне восстановить дыхание.

Я сказал, что просто испуган его физической энергией.

— Я все время старался привлечь твоё внимание к этому, — сказал он.

— Ты совсем не стар, дон Хуан!

— Конечно, нет, я старался, чтобы ты заметил это.

— Как ты это делаешь?

— Я ничего не делаю. Мое тело прекрасно себя чувствует, и это все. Поэтому я хорошо с собой обхожусь. У меня нет никакой причины чувствовать себя усталым или больным. Секрет совсем не в том, что ты делаешь с собой, но скорее в том, чего ты не делаешь.

Я ждал объяснения. Он, казалось, понимал мою неспособность понять. Он знающе улыбнулся и встал.

— Это место силы, — сказал он. — найдем нам место, чтобы расположиться на этой вершине.

Я запротестовал. Я хотел, чтобы он объяснил, чего я не должен делать со своим телом. Он сделал повелительный знак.

— Прекрати болтовню, — сказал он мягко. — на этот раз просто действуй для разнообразия. Неважно, сколько времени у тебя займет, чтобы найти подходящее место для отдыха. Может быть, у тебя уйдет на это вся ночь. Точно так же неважно, найдешь ли ты это место. Важным моментом является то, что ты попытаешься его найти.

Я отложил свой блокнот и поднялся. Дон Хуан напомнил мне, как он делал бесчисленное множество раз, когда просил меня найти место для отдыха, что я должен смотреть, не фокусируя взгляда ни на каком определенном месте и скашивая глаза до тех пор, пока предметы не будут расплываться.

Я пошел, обшаривая землю полузакрытыми глазами. Дон Хуан шел в нескольких футах справа и на пару шагов позади меня. Сначала я прошел по всей периферии вершины холма. Моим намерением было продолжить путь по спирали к центру, но после того, как я завершил круг на вершине, дон Хуан остановил меня.

Он сказал, что я позволяю своему предпочтению к распорядку одерживать надо мной верх. С сарказмом он добавил, что я наверняка охватываю весь район систематически, но таким определенным образом, что не смогу ощутить подходящего места. Он добавил, что сам он знает, где оно находится, поэтому для меня нет никакой возможности импровизировать.

— Что же я должен делать вместо этого? — спросил я.

Дон Хуан заставил меня сесть. Затем он сорвал по одному листу с нескольких кустов и дал их мне. Он велел мне лечь на спину, расстегнуть пояс и положить листья на кожу живота. Он наблюдал за моими движениями и указал, чтобы я прижимал листья к телу обеими руками. Затем он приказал мне закрыть глаза и предупредил, что, если я хочу совершенных результатов, то я не должен ни отпускать листьев, ни открывать глаза, ни пытаться сесть в то время, как он будет поворачивать мое тело в положение силы.

Он взял меня за правую подмышку и развернул. У меня было неодолимое желание взглянуть сквозь полуприкрытые веки, но дон Хуан положил мне ладонь на глаза. Он скомандовал мне, чтобы я сконцентрировал свое внимание только на том чувстве тепла, которое будет исходить из листьев.

Секунду я лежал неподвижно, а затем почувствовал странное тепло, исходящее из листьев. Сначала я его почувствовал ладонями рук, затем тепло распространилось на мой живот и, наконец, оно буквально затопило все мое тело. Через несколько минут мои ноги горели от жара, который мне напоминал те времена, когда у меня была высокая температура.

Я сказал дону Хуану о неприятном ощущении и о своем желании снять обувь. Он сказал, что собирается помочь мне подняться и что я не должен открывать глаз до тех пор, пока он мне не скажет, а также я должен прижимать листья к животу до тех пор, пока не найду подходящее место.

Когда я был на ногах, он прошептал мне на ухо, что мне следует открыть глаза и идти без всякого плана, позволяя силе листьев подталкивать и вести меня.

Я начал бесцельно ходить. Жар моего тела был неудобен. Мне казалось, что у меня поднимается высокая температура, и я ушел в попытки понять, каким способом дон Хуан вызвал ее.

Дон Хуан шел позади меня. Внезапно он издал такой вопль, который почти парализовал меня. Он объяснил, смеясь, что внезапные звуки отпугивают неприятных духов. Я скосил глаза и ходил взад и вперед около получаса. За это время неприятная жара в моем теле превратилась в приятную теплоту. Я ощутил чувство легкости, прохаживаясь по вершине холма. Однако, я чувствовал разочарование. Каким-то образом я ожидал, что замечу какого-то рода зрительное явление, но на периферии моего зрения не было никаких изменений: ни необычной окраски, ни сияния, ни темных масс.

Наконец, я устал от скашивания глаз и открыл их. Я стоял перед маленькой площадкой песчаника, которая была одним из каменистых выступов на вершине холма. Все остальное было просто землей с широко раскиданными небольшими кустами. Казалось, что ранее растительность время от времени выгорала, и что новый подрост еще не созрел. В течение некоторого времени я стоял перед площадкой песчаника, по какой-то причине она казалась мне прекрасной, а затем я просто сел на нее.

— Хорошо, хорошо, — сказал дон Хуан и похлопал меня по спине.

Затем он сказал, чтобы я осторожно вынул листья из-под одежды и положил их на камень.

Как только я снял листья с кожи, я начал остывать. Я пощупал свой пульс. Казалось, он был нормальным.

Дон Хуан рассмеялся и назвал меня «доктор Карлос», и спросил, не могу ли я пощупать его пульс тоже. Он сказал, что то, что я ощущал, было силой листьев, что эта сила очистила меня и дала мне возможность выполнить свою задачу.

Я очень искренне убеждал его, что не сделал ничего особенного и что я сел на это место, потому что устал и потому, что находил окраску песчаника очень призывной.

Дон Хуан ничего не сказал. Он стоял в нескольких футах от меня. Внезапно он отпрыгнул назад с невероятной энергией, побежал и перепрыгнул какие-то кусты, вскочив на высокий гребень скальной породы в стороне.

— В чем дело? — спросил я испуганно.

— Следи за направлением, в котором ветер понесет твои листья, — сказал он. — быстро пересчитай их. Ветер приближается. Половину листьев возьми и опять приложи к своему животу.

Я насчитал двадцать листьев. Десять я засунул себе под рубашку, а затем сильный порыв ветра бросил остальные десять в западном направлении. У меня было странное ощущение, когда я наблюдал за улетающими листьями, что реальное существо вещей намеренно бросило их в аморфную массу зеленой растительности.

Дон Хуан прошел назад к тому месту, где я находился, и сел рядом со мной лицом к югу.

Долгое время мы не говорили ни слова. Я не знал, что сказать. Я был измучен. Я хотел закрыть глаза, но не смел. Дон Хуан, должно быть, заметил мое состояние и сказал, что все в порядке, и я могу заснуть. Он сказал, чтобы я положил руки на живот поверх листьев и постарался почувствовать, что я лежу подвешенный на постели «струн», которые он сделал для меня на «месте моего предрасположения». Я закрыл глаза и воспоминания о покое и полноте ощущения, которые я испытал во время сна на вершине того холма, наполнили меня. Я хотел понять, действительно ли я чувствую себя подвешенным, но заснул.

Проснулся я как раз перед заходом солнца. Сон освежил меня и дал бодрости. Дон Хуан тоже спал. Он открыл глаза в одно время со мной. Было ветрено, но холода я не чувствовал. Листья на моем животе, казалось, действовали, как печка, своего рода грелка.

Я осмотрел окрестности. Место, которое я выбрал для отдыха, было похоже на небольшой постамент. Тут действительно можно было сидеть как на длинной веранде. Сзади было достаточно камня, чтобы служить спинкой. Я увидел так же, что дон Хуан принес мой блокнот и положил его мне под голову.

— Ты нашел правильное место, — сказал он, улыбаясь. — и все это произошло так, как я тебе о нем говорил. Сила привела тебя сюда без всякого плана с твоей стороны.

— Что это за листья ты мне дал? — спросил я.

Теплота, которая исходила из листьев и поддерживала меня в таком удобном состоянии без одеяла и теплой одежды была явлением естественно поглощавшим мои мысли.

— Это были просто листья, — сказал дон Хуан.

— Ты хочешь сказать, что я могу нарвать листья с любого куста, и они будут оказывать тот же эффект на меня?

— Нет. Я не говорю, что ты сам это можешь сделать. У тебя нет личной силы. Я говорю, что любые листья помогут тебе при условии, что лицо, которое их дает, имеет силу. Сегодня тебе помогли не листья, а сила.

— Твоя сила, дон Хуан?

— Ты, я думаю, можешь сказать, что это была моя сила, хотя это не будет совсем точным. Сила не принадлежит никому. Некоторые из нас могут собрать ее, а затем она может быть прямо передана кому-нибудь еще. Видишь ли, ключом к запасенной силе является то, что она может быть использована только для того, чтобы помочь еще кому-нибудь накопить силу.

Я спросил, означает ли это, что его сила лимитирована только помощью другим. Дон Хуан терпеливо объяснил, что он может использовать свою личную силу когда захочет и на что сам захочет. Но когда дело доходит до того, чтобы передать ее непосредственно другому лицу, то это невозможно сделать за исключением тех случаев, когда это лицо использует ее на поиски своей собственной личной силы.

— Все, что человек делает, связано с его личной силой, — Продолжал дон Хуан. — поэтому для того, у кого ее нет, дела сильного человека кажутся невероятными. Сила нужна даже для того, чтобы понять, что такое сила. Вот что я все время пытался тебе объяснить. Но я знаю, что ты не понимаешь, и не потому, что не хочешь, но потому, что у тебя очень мало личной силы.

— Что я должен делать, дон Хуан?

— Ничего. Просто продолжай то, что ты делаешь сейчас. Сила найдет путь.

Он поднялся и повернулся вокруг себя, глядя на все, что его окружало. Его тело двигалось одновременно с движением его глаз. Впечатление было как от заводной игрушки, которая повернулась вокруг себя одним точным нераздельным движением.

Я смотрел на него с разинутым ртом. Он улыбнулся, понимая мое удивление.

— Сегодня ты будешь охотиться за силой в темноте дня, — сказал он и уселся.

— Извини, я не понял.

— Этой ночью ты отправишься в эти неизвестные холмы. В темноте они не являются холмами.

— А что они такое?

— Они нечто другое. Нечто невообразимое для тебя, поскольку ты никогда не был свидетелем их существования.

— Что ты хочешь сказать, дон Хуан? Ты всегда пугаешь меня своим загадочным разговором.

Он засмеялся и легка лягнул мою щиколотку.

— Мир — это загадка, — сказал он. — и он совсем не такой, как ты его себе рисуешь.

Он, казалось, задумался на минуту. Его голова двигалась вверх и вниз в ритмичном покачивании. Затем он улыбнулся и добавил: «что ж, он в то же время и такой, как ты его рисуешь себе. Но это еще не весь мир. Есть еще очень многое. Ты все время находил это и может быть сегодня ночью ты добавишь еще кусочек». Его тон вызвал озноб в моем теле. «Что ты планируешь делать?» — спросил я.

— Я ничего не планирую. Все решено той же самой силой, которая позволила тебе найти это место.

Дон Хуан поднялся и указал на что-то в отдалении. Я решил, что он хочет, чтобы я встал и посмотрел. Я попытался вскочить на ноги, но прежде, чем я полностью встал, дон Хуан с большой силой толкнул меня вниз.

— Я не просил тебя следовать за мной, — сказал он резким голосом. Затем он смягчил свой тон и добавил. — у тебя сегодня будет трудная ночь, и тебе понадобится вся личная сила, какую ты можешь собрать. Оставайся там, где находишься и побереги себя для дальнейшего.

Он объяснил, что ни на что не указывал, а просто удостоверился в местонахождении некоторых вещей. Он заверил меня, что все в порядке и сказал, что я должен сидеть спокойно и быть занятым, потому что у меня есть масса времени для записи, прежде чем полная темнота опустится на землю. Его улыбка была выразительной и очень приятной.

— Но что мы собираемся делать, дон Хуан?

Он покачал головой с боку на бок в преувеличенном жесте недоверия.

— Пиши, — скомандовал он и повернулся ко мне спиной. Мне больше нечего было делать. Я работал над своими заметками пока не стало слишком темно, чтобы писать.

Все время, пока я писал, дон Хуан сохранял одну и ту же позу. Он, казалось, ушел в наблюдения за далью на западе. Но как только я окончил, он повернулся ко мне и сказал шутливым тоном, что единственный способ заткнуть мне рот, это дать мне что-нибудь поесть или заставить меня писать, или уложить меня спать.

Он вынул небольшой сверток из рюкзака и церемониально открыл его. Там были кусочки сухого мяса. Кусок он дал мне, а другой взял себе и начал жевать его. Он сообщил, что это мясо, обладающее силой, в которой в данном случае мы оба нуждаемся. Я был слишком голоден, чтобы думать о той возможности, что сухое мясо может содержать психотропное вещество. Мы ели в полной тишине, пока не было съедено все мясо, и к этому времени стало совсем темно.

Дон Хуан поднялся и потянулся руками и спиной. Он предложил, чтобы я сделал то же самое.

— Распрямить все тело после сна, сидения или хождения — хорошая практика, — сказал он.

Я последовал его совету и некоторые из листьев, которые я держал у себя под рубашкой, упали через штанины моих брюк. Я раздумывал, следует ли мне поднять их, но он сказал, чтобы я забыл о них, что в них нет больше никакой нужды, и что я должен дать им падать так, как они падают.

Затем дон Хуан очень близко подошел ко мне и прошептал мне на правое ухо, что я должен следовать вплотную за ним и подражать всему, что он будет делать. Он сказал, что мы находимся в безопасности на том месте, где стоим, потому что мы были, так сказать, на краю ночи.

— Это не ночь, — прошептал он, топнув по камню, на котором мы стояли. — ночь там.

Он указал на темноту вокруг нас.

Затем он проверил мою переносную сетку, посмотрев, хорошо ли закреплены фляги и мой блокнот и мягким голосом сказал, что все находится в полном порядке не потому, что он верит в то, что останется живым в том деле, которое собирается предпринять, но потому, что это часть его неуязвимого поведения.

Вместо того, чтобы дать мне чувство облегчения, его объяснения создали во мне полную уверенность, что мой рок приближается. Я хотел выть.

Дон Хуан, я уверен, полностью осознавал эффект своих слов.

— Доверяй своей личной силе, — сказал он мне на ухо. — это все, что человек имеет в этом волшебном мире.

Он слегка подтолкнул меня, и мы пошли. Он шел впереди меня примерно на два шага. Я следовал за ним, устремив глаза на землю. Каким-то образом я не смел смотреть вокруг. А то, что я фокусировал взгляд на земле, придавало мне чувство странного спокойствия. Это почти гипнотизировало меня.

После короткого перехода дон Хуан остановился. Он прошептал, что полная темнота рядом и что он собирается двигаться впереди меня, вернее, собирался, а теперь собирается уступить свое место мне, подражая крику особой маленькой совы. Он напомнил мне, что я знаю его имитацию, как хриплую вначале, а затем становящуюся такой же звучной, как крик настоящей совы. Он предупредил меня, чтобы я очень строго отличал крики других сов, в которых нет этой отметки.

К тому времени, как дон Хуан окончил давать мне все эти инструкции, я практически был охвачен паникой. Я схватил его за руку и не отпускал. Мне понадобилось две-три минуты, чтобы успокоиться достаточно для того, чтобы что-либо произнести. Нервная дрожь сотрясала мой живот, и я не мог говорить внятно.

Спокойным мягким голосом он попросил меня взять себя в руки, потому что темнота была такой же, как и ветер — неизвестным существом, которое может одурачить меня, если я не буду осторожен. А я должен быть совершенно спокоен, чтобы иметь с ней дело.

— Ты должен отступить от себя, чтобы твоя личная сила слилась с силой ночи, — сказал он мне на ухо.

Он сказал, что собирается пойти впереди меня и на меня напал еще один приступ нерационального страха.

— Это безумие, — запротестовал я.

Дон Хуан не рассердился и не потерял терпения. Он спокойно засмеялся и сказал мне на ухо что-то такое, что я не совсем расслышал.

— Что ты сказал? — спросил я громко сквозь стучащие зубы.

Дон Хуан приложил мне ко рту руку и прошептал, что воин действует так, как если бы он знал, что он делает, тогда как на самом деле он не знает ничего. Он повторил одно и то же заявление три или четыре раза, как если бы хотел, чтобы я его запомнил. Он сказал:

— Воин неуязвим, если он доверяет своей личной силе вне зависимости от того, маленькая она или громадная.

Немного подождав, он спросил меня, пришел ли я в себя. Я кивнул, и он быстро исчез из виду совершенно беззвучно. Я постарался осмотреться. Казалось, я стою среди густой растительности. Все, что я мог различить, была темная масса кустов или, может быть, небольших деревьев. Я сконцентрировал свое внимание на звуках, но ничего выдающегося не было. Гудение ветра заглушало все остальные звуки за исключением отдельных пронзительных криков крупных сов и посвистывания других птиц.

Некоторое время я ждал в состоянии величайшей внимательности. И затем послышался хриплый и длительный крик небольшой совы. У меня не было сомнения, что это дон Хуан. Он донесся сзади меня. Я повернулся и пошел в том направлении. Я двигался медленно, потому что чувствовал себя глубоко погруженным и опутанным темнотой.

Я шел, наверное, минут десять. Внезапно какая-то темная масса выпрыгнула передо мной. Я взвизгнул и упал на ягоды. В ушах у меня звенело. Испуг был так велик, что у меня перехватило дыхание. Мне пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть.

— Встань, — сказал дон Хуан мягко. — я не собирался пугать тебя. Я просто пошел встретить тебя.

Он сказал, что наблюдал за моей ходьбой калеки, и что когда я двигался в темноте, то я был похож на хромого старую леди, пытающуюся пройти между грязных луж. Эта картина ему показалась забавной, и он громко засмеялся.

— Затем он приступил к демонстрации особого способа ходьбы в темноте. Способа, который он назвал «бег силы». Он встал передо мной и заставил меня провести руками по его спине и коленям, чтобы иметь представление о положении его тела. Туловище дон Хуана было слегка согнуто вперед, но спина оставалась прямой. Его колени также были слегка согнуты.

Он медленно прошелся передо мной так, чтобы я отметил, что он поднимает колени каждый раз почти до груди, а затем он действительно убежал из виду и вернулся снова. Я не мог понять, как он бежит в полной темноте.

— Бег силы существует для беганья ночью, — прошептал он мне на ухо.

Он сказал, чтобы я попробовал это сам. Я сказал ему, что уверен в том, что сломаю ноги, упав в расщелину или стукнувшись о скалу. Дон Хуан совершенно спокойно сказал, что «бег силы» совершенно безопасен.

Я указал, что единственно, каким способом я могу понять его поступки, так это предположив, что он знает эти холмы в совершенстве, и таким образом избегает рывков.

Дон Хуан взял мою голову в руки и с силой прошептал:

— Это ночь! И это сила!

Он выпустил мою голову и затем мягким голосом добавил, что ночью мир совсем иной и что его способность бегать в темноте ничего общего не имеет с его знанием этих холмов. Он сказал, что ключ к этому лежит в том, что твоя собственная личная сила вытекает свободно так, что она может слиться с силой ночи, и что как только эта сила берет верх, уже не остается никакого шанса для того, чтобы отступить. Он добавил тоном чрезвычайной серьезности, что, если я сомневаюсь в этом, то я должен на секунду представить себе то, что происходит. Для человека его возраста бегать в этих холмах в этот час было бы самоубийственным, если бы сила ночи не вела его.

— Смотри, — сказал он и быстро убежал в темноту и затем вернулся назад.

То, как двигалось его тело, было столь необычно, что я не мог поверить в то, что я вижу. Он вроде как топтался на одном месте секунду. Манера, в которой он поднимал свои ноги, напомнила мне спринтера, делающего предварительные разминочные упражнения.

Затем он велел мне следовать за ним. Я сделал это с очень большой скованностью и трудом. С исключительным старанием я пытался смотреть, куда ступаю, но невозможно было определить расстояния. Дон Хуан вернулся и бежал сбоку от меня. Он прошептал, что я должен отрешиться от себя и отдаться силе ночи, и доверять тому маленькому клочку личной силы, которой я имел, иначе я никогда не буду способен свободно двигаться. Что темнота связывает только потому, что я полагаюсь на свое зрение во всем, что я делаю, не зная, что другим способом двигаться — было позволить силе быть вожатым.

Я пытался несколько раз без всякого успеха. Я просто не мог отступить от себя. Страх покалечить ноги был всепобеждающим. Дон Хуан приказал мне двигаться на одном и том же месте и попытаться почувствовать, что я будто бы действительно пользуюсь «бегом силы».

Затем он сказал, что собирается бежать впереди и что я должен ждать его совиного крика. Он исчез в темноте прежде, чем я успел что-либо сказать. Я временами закрывал глаза и бежал на одном и том же месте с согнутым туловищем и коленями, пожалуй, в течение часа. Мало-помалу мое напряжение начало слабеть, пока я не почувствовал себя, наконец, довольно удобно. Тогда я услышал крик дон Хуана.

Я пробежал десять-двенадцать метров в том направлении, откуда донесся крик, пытаюсь «отрешиться от себя», как советовал дон Хуан. Но то, что я наткнулся на куст, немедленно вернуло мое чувство опасности.

Дон Хуан ждал меня и поправил мою позу. Он настоял, чтобы я прежде всего прижал пальцы к ладоням, вытянув большие и указательные пальцы на каждой руке. Затем он сказал, что, по его мнению, я просто индольгирую в своем чувстве неспособности, поскольку я знаю как факт, что я всегда могу хорошо видеть в независимости от того, как темна ночь. Если я не буду ни на чем останавливать взгляд, а буду сканировать землю перед собой. «Бег силы» был похож на поиски места для отдыха. И то и другое требовало чувства отрешенности и чувства веры. «Бег силы» требовал, чтобы глаза были направлены на землю перед собой, потому что даже мимолетный взгляд в сторону дает изменение потока движения. Он объяснил, что наклон туловища вперед необходимо для того, чтобы опустить глаза, а причина поднимания коленей до груди была в том, что шаги должны быть очень короткими и безопасными. Но предупредил меня, что сначала я буду много спотыкаться, но заверил, что с практикой я смогу бегать так же быстро и так же безопасно, как могу бегать в дневное время.

Несколько часов я пытался подражать его движениям и попасть в то настроение, которое он рекомендовал. Он то очень терпеливо бежал на месте передо мной, то отбежал на небольшие расстояния и возвращался туда, где я стоял, так, чтобы я мог увидеть, как он движется. Иногда он даже толкал меня и заставлял пробежать несколько метров. Затем он убежал и позвал меня серией совиных криков. Каким-то необъяснимым способом я двигался с неожиданной степенью уверенности в себе. Насколько я знал, я ничего не сделал для того, чтобы пробудить это чувство. Но мое тело, казалось, знало о существовании разных предметов, не думая о них. Например, я не мог в действительности видеть расщелин в скале

на своем пути, но мое тело всегда ухитрялось наступать на края и никогда в трещины. За исключением нескольких неудач, когда я терял равновесие из-за того, что рассеивался. Концентрация, необходимая, для сканирования участка земли прямо перед собой, должна была быть совершенной. Как и предупреждал меня дон Хуан, малейший взгляд в сторону или слишком далеко вперед изменял бег.

После долгих поисков я нашел дона Хуана. Он сидел вблизи каких-то темных очертаний, которые казались деревьями. Когда я приблизился к нему, он сказал, что я делаю хорошие успехи, но сейчас время с этим закончить, потому что он уверен, что он уже достаточно долго пользовался своим свистом и к этому времени ему уже могут подражать другие.

Я согласился, что время остановиться. Я был почти совсем измучен своими попытками. Почувствовав облегчение, я спросил его, кто мог бы подражать его крику.

— Силы, олли, духи, кто знает, — сказал он шепотом.

Он объяснил, что «существа ночи» обычно издают очень мелодичные звуки, но находясь в невыгодном положении, воспроизводя хриплоту человеческих криков или птичьего свиста. Он предупредил меня, чтобы я всегда останавливался, если услышу такой звук и держал в уме все, что он сказал, потому что когда-нибудь в другой раз мне может понадобиться сделать точное определение. Ободряющим тоном он сказал, что у меня теперь очень хорошее представление относительно того, что такое «бег силы» и что для того, чтобы в совершенстве освоить его, мне нужен лишь легкий толчок, который я смогу получить в другой раз, когда мы вновь отправимся в ночь. Он похлопал меня по плечу и заявил, что собирается покинуть меня.

— Давай уберемся отсюда, — сказал он и побежал.

— Подожди, подожди, — взвизгнул я испуганно, — давай пойдем шагом.

Дон Хуан остановился и снял шляпу.

— Черт возьми, — сказал он тоном замешательства, — мы с тобой в пиковом положении. Ты знаешь, что я не могу ходить в темноте. Я могу только бежать. Я сломаю себе ноги, если я буду идти шагом.

У меня было такое чувство, что он улыбается, когда говорит это, хотя я не мог видеть его лица. Доверительным тоном он добавил, что уже слишком стар для того, чтобы ходить шагом, и что то небольшое в «беге силы», чему я научился этой ночью, должно быть растянуто, раз есть такой случай.

— Если мы не используем «бег силы», то нас сомнут как траву, — прошептал он мне на ухо.

— Кто?

— В ночи есть вещи, которые действуют на людей, — прошептал он таким тоном, который послал дрожь по всему моему телу.

Он сказал, что не важно, буду ли я попевать за ним, потому, что он будет давать повторяющиеся сигналы четырех совиных криков за раз, так, чтобы я мог следовать за ним.

Я предложил, чтобы мы остались в этих холмах до рассвета, а затем уже покинули их. Очень драматическим тоном он отметил, что оставаться здесь будет самоубийством. И даже если мы выберемся живыми, то ночь высосет нашу личную силу до такой степени, что мы станем жертвами первой же опасности дня.

— Давай не будем больше терять времени, — сказал он с ноткой срочности в голосе. — давай убираться отсюда.

Он вновь заверил меня, что будет двигаться как можно медленнее. Последним его наставлением было, что я не должен пытаться издавать какой-нибудь звук, даже ахнуть, что бы ни случилось. Он указал мне общее направление, в котором мы собираемся двигаться, и побежал заметно замедленным шагом. Я последовал за ним, но как бы медленно он не двигался, я не мог за ним поспеть, и скоро он исчез в темноте впереди меня.

Оставшись один, я осознал, что уже приспособился к довольно быстрому движению, не отдавая себе в этом отчета, и это меня потрясло. Я пытался выдерживать такой шаг так долго, как только смогу и затем услышал зов дона Хуана немножко справа от меня. Он просвистел четыре раза подряд.

Через очень короткий промежуток я опять услышал его совиный крик на этот раз совсем справа. Для того, чтобы следовать за ним, я должен был повернуться на 45 градусов. Я начал двигаться в новом направлении, ожидая, что остальные три крика из сигнала дадут мне более хорошую ориентацию.

Я услышал новый свист, который поместил дона Хуана почти в том направлении, откуда мы отправились. Я остановился и прислушался. На небольшом расстоянии я услышал очень резкий звук, что-то вроде того, как если бы две скалы стукнулись вместе. Я напряженно прислушивался и отметил серию мягких звуков, как если бы две скалы слегка постукивали друг о дружку. Послышался еще один крик совы, и тогда я понял, что дон Хуан имел в виду.

Было что-то действительно мелодичное в этом крике. Он был значительно длиннее и даже более звонкий, чем крик настоящей совы.

Я ощутил странное чувство испуга. Мой живот сжался, как будто бы что-то давило меня вниз из средней части моего тела. Я повернулся и полубегом отправился в противоположном направлении.

Я услышал слабый крик совы на расстоянии. За ним быстро последовали еще три крика. Это были крики донна Хуана. Я побежал в их направлении. Я почувствовал, что он, должно быть, уже находится в добрых четверти мили от меня, и если он продолжит так же бежать, то я скоро останусь безысходно один в этих холмах. Я не мог понять, зачем донну Хуану понадобилось убегать вперед, если он мог бегать вокруг меня, раз ему нужно выдерживать эту скорость.

Тут я заметил, что слева от меня, кажется, что-то двигается. Я почти мог это видеть, по крайней периферии своего поля зрения. Я уже собирался удариться в панику, но отрезвляющая мысль пришла мне на ум. Я наверняка ничего не могу видеть в темноте. Я хотел посмотреть в том направлении, но боялся потерять свою инерцию.

Еще один крик совы выбил меня из моих размышлений. Он пришел слева. Я последовал за ним, потому что он был без всякого сомнения самым нежным и мелодичным криком, какой я когда-либо слышал. Однако он не напугал меня. Было что-то очень привлекательное или зовущее, или даже печальное в нем.

Затем очень быстро темная масса пересекла мой путь слева направо. Внезапность ее движения заставила меня взглянуть вперед, и я, потеряв равновесие, с шумом упал на какие-то кусты. Я свалился на бок и услышал мелодичный крик в нескольких шагах слева. Я поднялся, но прежде, чем я смог начать движение вперед, послышался другой крик, более требовательный и захватывающий, чем первый. Казалось, что-то хотело, чтобы я стоял и слушал. Звук совиного крика был таким длительным и нежным, что он ослабил мои страхи. Я бы действительно остановился, если бы как раз в этот момент не услышал четырех хриплых криков донна Хуана. Я вскочил и отправился в этом направлении.

Через секунду я опять заметил какое-то мелькание или волну в темноте слева. Нельзя было даже сказать, что это видение, скорее чувство, и, однако же, я был почти уверен, что я воспринимаю его своими глазами. Оно двигалось быстрее меня и вновь пересекло мой путь слева направо, заставив меня потерять равновесие. На этот раз я не упал, и, как ни странно, то, что я не упал, вызвало во мне волну раздражения. Я внезапно рассердился, и неуместность моих чувств бросила меня в настоящую панику. Я попытался ускорить свой шаг. Я хотел сам крикнуть совой, чтобы дать донну Хуану знать, где я нахожусь, но не посмел послушаться его инструкций.

В этот момент какая-то ужасающая вещь привлекла мое внимание. Слева от меня, почти меня касаясь, действительно было что-то вроде животного. Я невольно подпрыгнул, отскочив направо. Испуг прервал мое дыхание. Я был настолько сильно охвачен страхом, что в голове у меня не было никаких мыслей, когда я двигался в темноте так быстро, как только мог. Мой страх, казалось, был телесным ощущением, которое ничего общего не имело с мыслями. Я нашел такое состояние очень необычным. В ходе своей жизни мои страхи всегда нагромождались на умственную матрицу и усугублялись общественными ситуациями или же людьми, ведущими себя определенным образом в отношении меня. Однако, на этот раз мой страх был действительно новостью. Он исходил из неизвестной части мира и ударил меня в неизвестную часть меня самого.

Я услышал совиный крик очень близко и слегка слева. Я не мог уловить детали его оттенков, но, казалось, это был крик донна Хуана, поэтому я двинулся быстрее. Третий крик пришел с очень короткого расстояния, я мог различить темную массу камней или, возможно, деревьев. Я услышал еще один крик совы и подумал, что дон Хуан, должно быть, меня ждет, потому что мы уже находимся вне поля опасности. Я уже был почти на краю темного участка, когда пятый крик заставил меня застыть на месте. Я попытался всмотреться в темный участок, но внезапный шелестящий звук слева от меня, как раз вовремя, чтобы заметить черный предмет, более черный, чем все окружающее, не то катящийся, не то скользящий сбоку от меня. Я ахнул и отпрыгнул. Я услышал щелкающий звук, как если бы кто-то чмокнул губами, а затем очень большая темная масса выметнулась из затемненного участка. Она была квадратной, вроде двери, вероятно, около трех метров высотой.

Внезапность ее появления заставила меня завизжать. На секунду мой испуг был вне всяких масштабов, но еще через секунду я обнаружил себя пугающе спокойным, смотрящим на темную массу.

Моя реакция была, насколько это касалось меня, еще одной новостью. Какая-то часть меня, казалось, подталкивала меня к тому участку с неумемной настойчивостью, в то время, как другая моя часть сопротивлялась. Казалось, с одной стороны, я хотел во всем наверняка

убедиться, а с другой стороны, я хотел истерически бежать отсюда. Я едва услышал совиные крики дон Хуана. Они, казалось, были недалеко и, казалось, были испуганными. Они были более длинными и более хриплыми, как если бы он свистел во время бега в моем направлении.

Внезапно я обрел над собой контроль, смог повернуться кругом и какое-то время я бежал точно так, как дон Хуан хотел от меня.

— Дон Хуан, — заорал я, когда нашел его.

Он приложил мне руку ко рту и сделал мне знак следовать за собой. Мы вместе побежали очень удобным шагом до тех пор, пока не прибыли к песчаниковой плите, где находились раньше.

В абсолютном молчании мы сели на плиту и сидели около часа до восхода солнца. Затем мы поели пищу из фляг. Дон Хуан сказал, что нам следует оставаться на этом камне до полудня и что мы совсем не будем спать и будем разговаривать так, как будто ничего необычного не произошло.

Он попросил меня детально изложить ему все, что со мной случилось с того момента, как он меня покинул. Когда я закончил свой рассказ, он некоторое время молчал. Казалось, он погрузился в очень глубокие думы.

— Не очень-то хорошо это выглядит, — сказал он, наконец. — то, что с тобой случилось прошлой ночью, было очень серьезным. Таким серьезным, что ты не можешь больше бродить ночью один. С этого времени существа ночи не оставят тебя в покое.

— Что со мной случилось прошедшей ночью, дон Хуан?

Ты наткнулся на каких-то существ из тех, которые есть в мире и которые действуют подобно людям. Ты о них ничего не знаешь, потому что с ними никогда не встречался. Пожалуй, самым правильным будет назвать их существа гор. В действительности, они не принадлежат ночи. Я называю их существа ночи, потому что воспринимать их можно только в темноте с большой легкостью. Они тут, вокруг нас во всякое время. Днем, однако, их более трудно воспринимать, просто потому что мир знаком нам. А то, что знакомо, имеет прецеденты. В темноте, напротив, все одинаково незнакомо и очень мало вещей имеют прецеденты. Поэтому ночью мы более чувствительны к этим существам.

— Но они реальны, дон Хуан?

— Конечно! Они настолько реальны, что обычно они убивают людей, особенно тех, кто заблудится в дикой местности и не имеет личной силы.

— Если ты знал, что они так опасны, почему ты оставил меня одного?

— Есть только один способ учиться. И этот способ — войти самому в дело. Один только разговор о силе бесполезен, если ты хочешь узнать, что такое сила, и если ты хочешь накапливать ее, ты должен сам все пощупать.

— Дорога знания и силы очень трудна и очень длинна. Может быть, ты заметил, что я не позволял тебе до сих пор одному отправляться в темноту вплоть до последней ночи. Для этого у тебя недостаточно силы. Теперь у тебя ее достаточно, чтобы заработать хорошую битву, но недостаточно, чтобы самому оставаться в темноте.

— Что случится, если я останусь?

— Ты умрешь. Существа ночи раздавят тебя, как букашку.

— Означает ли это, что я не могу один провести ночь?

— Ты можешь один провести ночь в своей постели, но не в горах.

— А как насчет равнин?

— Это относится только к диким местам, тем, где нет людей поблизости. Особенно к диким местам в высоких горах. Поскольку естественным местом обитания существ ночи являются скалы и трещины, то с этих пор ты не можешь ходить в горы, если не накопишь достаточно личной силы.

— Но как я могу накопить личную силу?

— Ты делаешь это, живя так, как я тебе рекомендовал. Мало-помалу ты затыкаешь все свои течи. Тебе не нужно об этом раздумывать, потому что сила всегда находит путь. Возьми, например, меня. Я не знал, что коплю силу, когда впервые начал учиться образу жизни воина. Так же, как и ты, я считал, что ничего особенного не делаю. Но это было не так. Особенность силы в том, что она незаметна, когда ее накапливают.

Я попросил его объяснить, как он пришел к заключению, что мне опасно одному оставаться в темноте.

— Существа ночи двигались слева от тебя. Они пытались слиться с твоей смертью. Особенно та дверь, которую ты видел. Это было отверстие, знаешь? И оно тянуло бы тебя, пока ты не был бы вынужден войти в него, а это было бы твоим концом.

Я заметил, как мог осторожно, что мне кажется очень странным тот факт, что со мной все случается, когда он находится где-то неподалеку, и что все это похоже на то, что он сам

создал и подстроил события. В тех случаях, когда я бывал в диких местах один ночью, все всегда было нормально и обычно. Я никогда не испытывал ни встреч с тенями, ни странных звуков. И в самом деле ничто меня никогда не пугало.

Дон Хуан мягко засмеялся и сказал, что все это является доказательством, что у него достаточно личной силы для того, чтобы вызвать себе на помощь миллиарды всяких вещей.

У меня мелькнуло чувство, что он, возможно, намекнет на то, что он действительно пригласил нескольких человек, как своих доверенных.

Дон Хуан, казалось, прочел мои мысли и громко расхохотался.

— Не обременяй себя объяснениями, — сказал он. — то, что я сказал, не имеет для тебя смысла просто потому, что у тебя еще недостаточно личной силы. Однако у тебя ее сейчас больше, чем тогда, когда ты начинал. Поэтому с тобой начали случаться разные вещи. У тебя уже была мощная встреча с туманом и молниями. Неважно, что ты не понял того, что случилось с тобой той ночью. Важно то, что ты приобрел память об этом. Мост и все остальное, что ты видел той ночью, повторится когда-нибудь, когда у тебя будет достаточно личной силы.

— С какой целью все это будет повторено, дон Хуан?

— Я не знаю. Я не ты. Только ты можешь ответить на это. Мы все различны. Вот почему я должен был оставить тебя одного прошлой ночью, хотя я знал, что это смертельно опасно. Ты должен был сам испытать себя против этих существ. Причина, по которой я выбрал крик совы, состояла в том, что совы являются посланницами этих существ, имитируя крик совы, выводил их наружу. Они стали опасными для тебя не потому, что они по природе своей зловредны, но потому, что ты не был неуязвимым. Есть в тебе что-то от дешевки. И я знаю, что это такое. Ты просто смеешься надо мной. Ты смеялся над всеми всегда, что, конечно, автоматически помещало тебя выше всех и выше всего. Но ты сам знаешь, что это не может быть так. Ты всего лишь человек, и твоя жизнь слишком коротка, чтобы ухватить все чудеса и все ужасы этого чудесного мира. Поэтому твоя насмешка — дешевка. Она уменьшает тебя до пустяковых размеров.

Я хотел возражать. Дон Хуан поймал меня, как он это делал десятки раз раньше. На какой-то момент я рассердился. Но так же, как это случалось раньше, писание отвлекло меня настолько, что я смог остаться бесстрастным.

— Я думаю, что у меня есть от этого лекарство, — продолжал дон Хуан после длинного перерыва. — даже ты можешь согласиться со мной, если вспомнишь, что ты делал прошлой ночью. Ты побежал так же быстро, как и любой маг, лишь после того, как твой противник стал невыносимым. Мы оба это знаем, и я полагаю, что уже нашел для тебя стоящего противника.

— Что ты собираешься делать, дон Хуан?

Он не ответил. Он поднялся и потянулся всем телом. Казалось, он потягивается каждой мышцей. Мне он велел делать то же самое.

— В течение дня ты должен много раз растягивать свое тело, — сказал он. — чем больше, тем лучше. Но только после длинных периодов работы или длинных периодов отдыха.

— Что это за противника ты собираешься найти для меня? — спросил я.

— К несчастью, только окружающие нас люди являются стоящими противниками. Все другие существа не имеют собственных желаний и нужно идти встречать их и выманить. Окружающие нас люди, напротив, злопамятны.

— Мы достаточно долго поговорили, — сказал дон Хуан резким тоном и повернулся ко мне. — прежде, чем мы уйдем, ты должен сделать еще одну вещь, самую важную из всех. Я собираюсь кое-что сказать тебе прямо сейчас для того, чтобы успокоить твой ум относительно того, для чего ты здесь. Причина, по которой ты продолжаешь приезжать и встречаться со мной, очень проста. Каждый раз, когда ты видишь меня, твое тело научается определенным вещам, даже против твоего желания. И теперь, наконец, твое тело уже нуждается в том, чтобы возвращаться ко мне и учиться дальше. Скажем так, что твое тело знает, что оно умрет, даже несмотря на то, что ты никогда не думаешь об этом. Поэтому я рассказывал твоему телу, что я тоже умру. Но прежде, чем я умру, мне хотелось бы показать твоему телу некоторые вещи, такие вещи, которых сам ты не можешь твоему телу дать. Например, твоему телу нужен испуг, оно любит его. Твоему телу нужны темнота и ветер. Твое тело теперь знает бег силы и не может дожидаться возможности попробовать его. Твое тело нуждается в личной силе и не может дожидаться того времени, когда она у него будет. Поэтому скажем так, что твое тело возвращается навещать меня, поскольку я его друг.

Дон Хуан долгое время молчал. Казалось, он боролся со своими мыслями.

— Я уже говорил тебе, что секрет сильного тела не в том, что ты делаешь для него, а в том, чего ты не делаешь, — сказал он, наконец. — теперь для тебя пришло время не делать того, что ты делаешь всегда. Садись здесь, пока мы не уйдем, и не делай.

— Я не понял тебя, дон Хуан.

Он положил руки на мои записки и забрал их от меня. Он осторожно сложил страницы блокнота, прихватил их резиновой ленточкой, а затем забросил блокнот, как метательный диск, далеко в чапараль.

Я был шокирован и начал протестовать. Но он приложил руку к моему рту. Он указал на большой куст и сказал, чтобы я сконцентрировал свое внимание не на листьях, а на тени от листьев. Он сказал, что бег в темноте не обязательно должен вызваться страхом, но он может также быть и естественной реакцией здорового тела, которое знает, как «не делать». Он повторял вновь и вновь шепотом мне на правое ухо, что «не делать» то, что я знал, как делать, является ключом к силе. В случае наблюдения за деревом то, что я знал, как делать, было немедленным фокусированием взгляда на листе. Тени от листьев или же промежутки между листьями никогда меня не заботили. Его последним наставлением было, чтобы я начал фокусировать взгляд на тени листьев одной-единственной ветви, а затем постепенно расширил охват до всего дерева. Чтобы я не возвращал глаза обратно к листьям, потому что первым осмысленным шагом к накоплению личной силы было позволить телу «не делать».

Возможно, из-за соей усталости или моего нервного возбуждения я так погрузился в тени от листьев, что к тому времени, когда дон Хуан поднялся, я уже почти мог воспринимать группу темных масс тени так же эффективно, как в нормальных условиях я группировал листву. Общий эффект был поразительным. Я сказал дону Хуану, что я хотел бы остаться еще. Он засмеялся и похлопал меня по шляпе.

— Я же сказал тебе, — сказал он, — телу нравятся подобные вещи.

Затем он сказал, что я должен позволить своей накопленной энергии провести меня через кусты к моему блокноту. Он мягко толкнул меня в чапараль. Какое-то время я шел бесцельно и затем наткнулся на него. Я подумал, что, должно быть, бессознательно запомнил направление, в котором дон Хуан бросил его. Он объяснил события, сказав, что я шел прямо к блокноту, потому что мое тело долгое время пропитывалось «неделанием».

15. НЕДЕЛАНИЕ

Среда, 11 апреля 1962 года.

Возвратившись к своему дому, дон Хуан посоветовал, чтоб я занялся своими записками, как будто бы со мной ничего не произошло, и чтобы я не думал и не упоминал ни об одном из тех событий, которые я испытал.

После дневного отдыха он заявил, что нам следует покинуть это место на несколько дней, потому что желательно иметь какое-то расстояние между нами и «теми существами». Он сказал, что они глубоко на меня повлияли, хотя я еще и не заметил их эффекта, потому что мое тело недостаточно чувствительно. Однако, через короткое время я серьезно заболею, если не поеду к «месту своего предрасположения», чтобы укрепиться и восстановить силы.

Мы уехали перед восходом, держа путь на север, и после утомительной езды и быстрой ходьбы мы прибыли на вершину того холма во второй половине дня.

Дон Хуан, как он делал это раньше, покрыл то место, где я уже однажды спал, веточками и листьями. Затем он дал мне горсть листьев, чтобы я их положил на кожу живота, и велел лечь и отдохнуть. Он подготовил другое место для себя немножко слева от меня, примерно в полутора метрах от моей головы и тоже лег.

Через какие-то минуты я начал ощущать растекающуюся теплоту и чувство превосходного самочувствия. Это было ощущение физического удобства. Такое ощущение, будто я был подвешен в воздухе. Я полностью мог согласиться с доном Хуаном, что «постель из струн» будет поддерживать меня парящим. Я сказал о невероятном качестве своих чувственных восприятий. Уверенным тоном дон Хуан заявил, что для этой самой цели и сделана была «постель».

— Я не мог поверить, что это возможно! — воскликнул я.

Дон Хуан принял мое заявление буквально и укорил меня. Он сказал, что устал от того, что я действую, как крайне важное существо, которому вновь и вновь следует давать доказательства того, что мир неизвестен и чудесен.

Я попытался объяснить, что мое риторическое восклицание не имело значения. Он заявил, что если бы это было так, то я бы выбрал другое замечание. Казалось, он был серьезно раздражен из-за меня. Я наполовину сел и стал извиняться. Но он засмеялся и, подражая своей манере говорить, предложил целый ряд высокопарных риторических восклицаний, которые я мог бы использовать. В конце концов я засмеялся над рассчитанной абсурдностью некоторых из предлагаемых им альтернатив.

Он усмехнулся и мягким тоном напомнил мне, что я должен отрешиться от себя и отдаться ощущению парения.

Убаюкивающее чувство мира и полноты, которое я испытывал на этом заколдованном месте пробудило какие-то глубоко погребенные эмоции во мне. Я начал говорить о своей жизни. Я признался, что я никогда не уважал и не любил никого, даже самого себя, и что я всегда чувствовал себя врожденно злым, поэтому мое отношение к другим всегда прикрывалось определенной бравадой и наглостью.

— Верно, — сказал дон Хуан. — ты не любишь себя совершенно.

Он хохотнул и сказал, что он видел в то время, как я говорил. Его рекомендацией было, что я не должен сожалеть ни о чем из того, что я сделал, потому что выделять что-то поступки, как плохие, некрасивые или злые, значило принимать на себя ничем не обоснованную важность.

Я нервно шевельнулся, и постель из листьев издала шуршащий звук. Дон Хуан сказал, что если я хочу отдохнуть, я не должен раздражать свои листья и что я должен подражать ему, то есть лежать и не делать никаких движений. Он сказал, что в своем видении наткнулся на одно из моих настроений. Какое-то время он колебался, видимо подыскивая подходящее слово и затем сказал, что то настроение, о котором он говорит, являлось рамкой ума, в которую я постоянно впрыгиваю. Он объяснил это, как своего рода ловчую дверь, которая неожиданно открывается и проглатывает меня.

Я попросил его быть более точным. Он сказал, что невозможно быть конкретным, говоря о «видении».

Прежде, чем я смог сказать еще что-либо, он велел мне расслабиться, но не засыпать, и находиться в состоянии внимательности так долго, как только смогу. Он сказал, что постель из струн сделана исключительно для того, чтобы позволить воину прийти к определенному состоянию покоя и хорошего самочувствия.

Драматическим тоном дон Хуан заявил, что хорошее самочувствие являлось состоянием, за которым следует ухаживать, которое следует холить. Состояние, с которым следует познакомиться для того, чтобы искать его.

— Ты не знаешь, что такое хорошее самочувствие, потому что ты никогда не испытывал его, — сказал он.

Я не согласился с ним, но он продолжал настаивать, что хорошее самочувствие является достижением, которое ищут сознательно. Он сказал, что единственная вещь, которую я умел искать, — чувство дезориентации, плохого самочувствия и замешательства.

Он издевательски засмеялся и заверил меня, что для того, чтобы выполнить задачу, состоящую в том, чтобы сделать себя жалким, я вынужден был работать самым интенсивным образом, и что большим абсурдом является то, что я не понял возможности работать точно так же для того, чтобы сделать себя цельным и сильным.

— Трюк состоит в том, на что человек делает ударение, — сказал он. — мы или делаем себя жалкими, или мы делаем себя сильными. Количество работы одно и то же.

Я закрыл глаза и опять расслабился, почувствовав, что парю. Какое-то время мне действительно казалось, что я двигаюсь сквозь пространство, как лист; хотя это было бесконечно приятным, ощущение напомнило мне каким-то образом те времена, когда я бывал больным, когда у меня кружилась голова и я испытывал ощущение вращения. Я подумал, что я чего-нибудь съел нехорошее.

Я слышал, что дон Хуан говорит мне, но не делал никакого усилия прислушаться. Я пытался умственно перебрать все то, что я съел за сегодняшний день, но не смог заинтересоваться этим. Казалось, что это не имеет значения.

— Следи за тем, как меняется солнечный свет, — сказал он.

Его голос был ясным. Я подумал, что он похож на воду, текучий и теплый.

К западу небо было совершенно свободным от облаков, и солнечный свет был захватывающим. Возможно, тот факт, что дон Хуан настроил меня, сделал желтоватый отблеск вечернего солнца поистине величественным.

— Пусть этот отсвет купает тебя, — сказал дон Хуан. — прежде, чем солнце зайдет сегодня, ты должен стать совершенно спокойным и восстановленным, потому что завтра или послезавтра ты собираешься учиться «неделанию».

— Учиться не делать что? — спросил я.

— Не думай об этом сейчас, — сказал он. — подожди, пока мы не окажемся вон в тех горах.

Он указал на какие-то далекие, зубчатые, темные, угрожающе выглядывшие пики на севере.

Четверг, 12 апреля 1962 года.

Мы достигли горной пустыни вблизи гор во второй половине дня. Вдалеке темно-коричневые горы выглядели почти враждебными. Солнце было очень низко над горизонтом

и отсвечивало на западной поверхности отвердевшей лавы, отсвечивая ее темную коричневатость раздражающими бликами желтых отражений.

Я не мог отвести глаз. Эти пики были действительно гипнотизирующими.

К концу дня нижние склоны гор показались в виду. В горной пустыне было очень мало растительности. Все, что я видел, были кактусы и какая-то высокая трава, которая росла кустиками.

Дон Хуан остановился отдохнуть. Он уселся, осторожно прислонил свои фляги с пищей к скале, и сказал, что на этом месте мы собираемся провести ночь. Он выбрал довольно высокое место. С того места, где я стоял, я мог видеть очень далеко кругом.

День был облачный, и сумерки быстро охватили местность. Я был погружен в наблюдения за той скоростью, с которой розовые облака на западе меняли свою окраску на однообразную темно-серую.

Дон Хуан поднялся и пошел в кусты. К тому времени, когда он вернулся, силуэт лавовых гор был темной массой. Он уселся рядом со мной и привлек мое внимание к тому, что, казалось, было естественным образованием в горах к северо-востоку. Это было место, окраска которого была намного светлее окружающего. В то время, как весь гребень лавовых гор выглядел в сумерках однообразно темно-коричневым, место, на которое он указывал, действительно было желтоватым или темно-бежевым. Я не мог понять, что это может быть. Долгое время я смотрел. Казалось, оно двигалось, мне показалось, что оно пульсирует. Когда я скосил глаза, оно действительно стало дрожать, как если бы его колыхал ветер.

— Смотри на него пристально, — скомандовал дон Хуан.

В какой-то момент, когда я уже довольно долго выдерживал пристальный взгляд, я почувствовал, что весь горный хребет движется ко мне. Это чувство сопровождалось необычным возбуждением внизу моего живота. Неудобство было таким острым, что я поднялся.

— Садись! — крикнул дон Хуан, но я уже был на ногах. С моего нового положения желтоватое образование оказалось ниже, на предгорьях. Я вновь уселся, не отрывая глаз, и образование переместилось на более высокое место. Секунду я смотрел на него, а затем внезапно восстановил все в правильной перспективе. Я сообразил, что то, на что я смотрел, находилось не в горах, а было в действительности куском желтовато-зеленой материи, свисавшей с кактуса прямо передо мной.

Я громко рассмеялся и объяснил дону Хуану, что сумерки помогли создать оптическую иллюзию. Он поднялся и, подойдя к тому месту, где висел лоскут, снял его, сложил и положил в свою сумку.

— Для чего ты это делаешь? — спросил я.

— Потому что этот лоскут имеет силу, — сказал он спокойно. — какое-то время у тебя с ним шло неплохо, и нельзя сказать, что бы случилось, если бы ты остался сидеть.

Пятница, 13 апреля 1962 года.

На рассвете мы направились в горы. Они были удивительно далеко. К полудню мы вошли в один из каньонов. В неглубоких лужах там была вода. Мы сели отдохнуть в тени нависшей скалы.

Горы были с латками монументального лавового потока. За тысячелетия отвердевшая лава превратилась в пористый темно-коричневый камень. Лишь несколько чахлах травинок росло между камней в трещинах.

Глядя вверх, на почти отвесные стены каньона, я ощутил неприятное чувство внизу живота. Стены были сотни метров высотой и давали мне ощущение, что они замыкаются надо мной. Солнце находилось почти над головой, слегка клонясь к юго-западу.

— Стань тут, — сказал дон Хуан и повернул мое тело так, чтобы я смотрел в направлении солнца.

Он велел мне пристально смотреть на стены горы надо мной.

Вид был ошеломляющим. Величественная высота лавового потока захватила мое воображение. Я стал думать о том, каково же должно быть извержение. Несколько раз я просмотрел стены каньона сверху донизу. Я погрузился в богатство красок каменной стены. Там были краски всех вообразимых оттенков. Были пятна светло-зеленого мха или лишайника на каждой скале. Я посмотрел прямо вверх и заметил, что солнечный свет продуцирует крайне захватывающие отражения, когда касается блестящей поверхности отвердевшей лавы.

Я смотрел на тот участок гор, где отражался солнечный свет. По мере движения солнца интенсивность его уменьшалась и, наконец, пропала полностью.

Я взглянул через каньон и увидел еще один участок с такими же захватывающими отражениями света. Я сказал дону Хуану о том, что происходит, и затем заметил еще один

участок света, затем еще один в различных местах. И еще, пока весь каньон не был захвачен большими пятнами света.

У меня закружилась голова. Даже если я закрывал глаза, я продолжал видеть блестящий свет. Я сжал голову руками и попытался заползти под нависший гребень, но дон Хуан твердо схватил меня за руку, повелительно сказав, чтобы я смотрел на стену горы и попытался выделить пятна тяжелой темноты среди полей света.

Я не хотел смотреть, потому что сияние беспокоило мои глаза. Я сказал, что то, что со мной происходит, похоже на то, как если смотришь на солнечную улицу через окно, а затем видишь оконную раму, как черный силуэт повсюду.

Дон Хуан покачал головой сбоку набок и начал смеяться. Он выпустил мою руку, и мы опять уселись под нависшим гребнем. Я переваривал свои впечатления от окружающего, когда дон Хуан после долгого молчания заговорил внезапно драматическим тоном.

— Я привел тебя сюда для того, чтобы научить тебя одной вещи, — сказал он и остановился. — ты собираешься учиться неделанию. Мы точно так же можем начать говорить об этом, потому что для тебя никак невозможно иначе начать. Я думал, что ты не можешь схватиться за неделание без того, чтобы я говорил об этом. Я ошибался.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, дон Хуан.

— Это не имеет значения, — сказал он. — я тебе собираюсь рассказать о том, что очень просто, но очень трудно в выполнении. Я собираюсь рассказать тебе о неделании. Несмотря на тот факт, что нет никакого способа говорить об этом, потому что делает его тело.

Он бросил на меня несколько взглядов и сказал затем, что я должен уделить особое внимание тому, что он собирается сказать.

Я закрыл свой блокнот, но к моему изумлению он настоял на том, чтобы я продолжал писать.

— Неделание столь трудно и столь могущественно, что ты не должен говорить об этом, — сказал он. — до тех пор, пока ты не остановил мир. Только после этого ты можешь свободно говорить об этом, если это именно то, что ты хочешь делать.

Дон Хуан оглянулся и указал на большую скалу.

— Эта скала является скалой из-за делания, — сказал он.

Мы взглянули друг на друга, и он улыбнулся. Я ждал объяснения, но он молчал. Наконец, я вынужден был сказать, что не понимаю того, что он имеет в виду.

— Это является деланием! — воскликнул он.

— Извини меня?

— Это тоже делание.

— О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Делание является тем, что делает скалу скалой, а куст кустом. Делание является тем, что делает тебя тобой, а меня мной.

Я сказал ему, что его объяснения ничего не объясняют. Он засмеялся и почесал виски.

— С разговором тут всегда проблема. Он всегда заставляет все перепутать. Если начинаешь говорить о неделании, то всегда кончаешь, говоря о чем-нибудь другом. Лучше просто действовать.

Возьмем, например, эту скалу. Смотреть на нее — делание, но видеть ее — неделание.

Я хотел признаться, что его слова не имеют для меня смысла.

— О, конечно, они имеют! — воскликнул он. Но ты убежден, что они не имеют смысла, потому что это твое делание. Именно таким способом ты действуешь в отношении меня и в отношении мира.

Он опять указал на скалу.

— Эта скала является скалой из-за всего того, что ты знаешь о ней, — сказал он. — и то, что с ней можно делать. Я называю это деланием. Человек знания, например, знает, что скала является скалой только из-за делания. Поэтому, если он хочет, чтобы скала не была скалой, то все, что ему нужно для этого — это неделание. Понимаешь, что я имею в виду?

Я не понимал его совершенно. Он засмеялся и сделал еще одну попытку объяснить.

— Мир является миром, потому что ты знаешь то делание, которое делает его таким, — сказал он. — если бы ты не знал его делания, то мир был бы другим.

Он с любопытством осмотрел меня. Я перестал писать. Я хотел просто слушать его. Он продолжал объяснять, что без этого некоего делания ничего бы знакомого вокруг не осталось бы.

Он наклонился и поднял небольшой камешек двумя пальцами левой руки, подержав его перед моими глазами.

— Это галька, потому что ты знаешь делание, нужное для того, чтобы делать его галькой, — сказал он.

— О чем ты говоришь? — спросил я с чувством неподдельного замешательства. Дон Хуан улыбнулся. Казалось, он пытался скрыть предательское удовольствие.

— Не знаю, почему ты так смущен, — сказал он. — слова — это твое предрасположение, ты должен быть на седьмом небе.

Он бросил на меня загадочный взгляд и два-три раза поднял брови. Затем опять указал на маленький камешек, который держал перед моими глазами.

— Я говорю, что ты превращаешь его в гальку, потому что ты знаешь то делание, которое нужно для этого. Ну а для того, чтобы остановить мир, ты должен остановить делание.

Он, казалось, знал, что я все еще ничего не понял и улыбался, качая головой. Затем он взял прутик и указал на неровный край гальки.

— В случае этого маленького камешка, — продолжал он, — первое, что делает с ним делание, так это сжимает его до этих размеров. Поэтому правильной вещью, которую делает воин, если он хочет остановить мир, является увеличить камешек или любую другую вещь неделанием.

Он поднялся и, положив камешек на валун, попросил меня подойти поближе и рассмотреть его. Он сказал, чтобы я взглянул на дырочки и вмятины на камне и постарался заметить мельчайшие детали в них. Он сказал, что если я смогу остановиться на деталях, то поры и вмятины исчезнут, и я пойму, что означает неделание.

— Эта проклятая галька сведет тебя сегодня с ума, — сказал он.

Должно быть, на лице у меня отразилось замешательство. Он взглянул на меня и громко расхохотался. Затем он притворился, что рассержен на гальку и два-три раза ударил ее шляпой.

Я упрашивал его прояснить, что он имеет в виду. Я уговаривал его, что если он только сделает усилие, то он сможет объяснить все, что угодно. Он бросил на меня взгляд и покачал головой, как если бы положение было безнадежным.

— Конечно, я могу все объяснить, — сказал он, смеясь. — но сможешь ли ты это понять?

Я опешил от его выпада.

Делание заставляет тебя отделять гальку от большего по размеру валуна. Если ты хочешь научиться неделанию, то ты, скажем, должен слить их вместе.

Он показал на маленькую тень, которую галька бросала на валун, и сказал, что это не тень, а клей, который сливает их вместе. Затем он повернулся и отошел, сказав, что позднее придет проведать меня.

Долгое время я смотрел на гальку. Я не мог остановить свое внимание на мельчайших деталях и дырочках и углублениях, но небольшая тень, которую галька отбрасывала на валун, стала очень интенсивной вещью. Дон Хуан был прав. Она была, как клей. Она двигалась и смещалась. У меня было ощущение, что она вытекает из гальки.

Когда вернулся дон Хуан, я изложил ему все, что наблюдал и что увидел в тени.

— Неплохое начало, — сказал он. — по тени воин может сказать всякого рода вещи.

Затем он сказал, что мне следует взять гальку и похоронить ее где-нибудь.

— Почему? — спросил я.

— Ты долгое время следил за ней. В ней теперь есть что-то от тебя. Воин всегда пытается повлиять на силу делания, меняя ее в неделание. Оставить гальку валяться было бы неделанием, потому что это просто маленький камешек. Неделанием будет обращение с галькой, как если бы она являлась далеко не простым камнем. В этом случае галька пропиталась тобой за долгий период времени и сейчас это ты, и как таковую ты не можешь оставить ее валяться, но должен похоронить ее. Если бы у тебя была личная сила, однако, то неделанием было бы превратить эту гальку в объект силы.

— Могу я сделать это сейчас?

— Для этого твоя жизнь недостаточно туга. Если бы ты видел, то ты бы знал, что твое пристальное внимание изменило эту гальку в нечто весьма некрасивое, поэтому лучшее, что ты можешь сделать, так это выкопать ямку, похоронить ее и дать земле впитать ее тяжесть.

— И все это правда?

— Ответить на твой вопрос да или нет будет неделанием, но, поскольку ты учишься неделанию, то я должен сказать тебе, что фактически никакого значения не имеет то, правда все это или нет. Именно здесь воин имеет точку преимущества перед средним человеком. Среднему человеку есть дело до того, правильны вещи или ложны, а воину до этого дела нет. Средний человек особым образом обращается с теми вещами, которые он знает, как правдивые, и совсем другим образом с вещами, которые он знает, как ложные. Если о вещах сказано, что они правдивы, он действует и верит в то, что он делает. Но если о вещах сказано, что они ложны, то он не старается действовать, или же он не верит в то, что делает. Воин, с другой стороны, действует в обоих случаях. Если о вещах известно, как об истинных, он будет действовать для того, чтобы делать делание, если о вещах известно, что

они не истинны, то он все равно будет действовать для того, чтобы делать неделание. Понимаешь, о чем я говорю?

— Нет, я совсем не понимаю, что ты говоришь, — сказал я.

Высказывания дона Хуана нагнали на меня склочное настроение. Я не мог взять в толк, о чем он говорит. Я сказал ему, что все это бессмыслица, и он засмеялся надо мной, сказав, что у меня даже нет неуязвимого духа в том, что я люблю делать больше всего — в говорении. Он действительно потешался над моей способностью говорить и находил ее ошибочной и неадекватной.

— Если ты хочешь быть целиком языком, то будь воином языком, — сказал он и покотился со смеху.

Я чувствовал себя отверженным. В ушах у меня звенело. В голове я испытывал неприятный жар. Лицо у меня было красное, и я действительно был раздражен.

Я поднялся, пошел в чапараль и похоронил гальку.

— Я немножко дразнил тебя, — сказал дон Хуан, когда я вернулся и уселся. — но в то же время я знаю, что если ты не говоришь, то ты не понимаешь. Разговор является деланием для тебя. Но разговор здесь не подходит. Если ты хочешь знать, что я имею в виду под неделанием, то тебе надо сделать простое упражнение. Поскольку мы говорим о неделании, то не имеет никакого значения, сделаешь ты это упражнение сейчас или через десять лет.

Он заставил меня лечь, взял мою правую руку и согнул ее в локте. Затем он поворачивал мою ладонь до тех пор, пока она не стала смотреть вперед. Он поджал мои пальцы так, что поза руки стала выглядеть, будто бы я держусь за дверную ручку. Затем он стал двигать моей рукой взад-вперед круговыми движениями, которые напоминали толкание педали, прикрепленной к колесу.

Дон Хуан сказал, что воин выполняет это движение каждый раз, когда хочет вытолкнуть что-то из своего тела. Что-нибудь вроде болезни или незваного ощущения. Идея состояла в том, чтобы толкать и тянуть воображаемую противную силу, пока не ощутишь тяжелый объект, солидное тело, препятствующее свободному движению руки.

В случае упражнения неделание состояло в повторении его до тех пор, пока не почувствуешь рукой тяжелое тело, несмотря на тот факт, что невозможно поверить в возможность такого ощущения.

Я начал двигать своей рукой и через некоторое время рука у меня стала холодной, как лед. Я почувствовал какую-то вязкость вокруг руки. Казалось, я гребу через какую-то тяжелую вязкую грубую материю.

Дон Хуан сделал внезапное движение и, схватив меня за руку, остановил упражнение. Все тело у меня дрожало, как бы потрясаемое невидимой силой. Он осмотрел меня, когда я уселся, а затем обошел меня прежде, чем сесть на прежнее место.

— Ты сделал достаточно, — сказал он. — это упражнение ты можешь делать когда-нибудь в другой раз, когда у тебя будет больше личной силы.

— Я сделал что-нибудь неправильно?

— Нет. Неделание только для сильных воинов, а у тебя еще недостаточно силы, чтобы обращаться с этим. Сейчас ты будешь только захватывать разные пугающие вещи своей рукой. Поэтому делай это упражнение понемножку, пока твоя рука не перестанет остывать. Когда твоя рука будет оставаться теплой, то ты сможешь на самом деле ощущать ею линии мира.

Он остановился, как бы давая мне время задать вопрос о линиях. Но прежде, чем я смог это сделать, он начал объяснять, что существует бесконечное количество линий, присоединяющих нас к вещам. Он сказал, что упражнение в неделании, которое он только что описал, поможет любому ощутить линии, которые выходят из движущейся руки. Линию, которую можно поместить или забросить куда хочешь. Дон Хуан сказал, что это было только упражнение, потому что линии, образованные рукой, были нестойкими, недостаточно стойкими для того, чтобы иметь реальную ценность в практической ситуации.

— Человек знания использует другие части своего тела для того, чтобы создавать устойчивые линии, — сказал он.

— Какие части тела, дон Хуан?

— Самые устойчивые линии, какие человек знания продуцирует, исходят из середины его тела. Но он их также может создавать глазами.

— И они реальные линии?

— Конечно.

— Их можно увидеть и потрогать?

— Скажем так, что их ты можешь почувствовать. Самое трудное, что есть на пути воина, так это понять, что мир является чувствованием. Когда делаешь неделание, то чувствуешь мир и чувствуешь его через линии.

Он остановился и с любопытством посмотрел на меня. Он поднял брови, широко раскрыл глаза, а затем мигнул. Эффект был такой, как будто мигнули глаза птицы. Почти мгновенно я ощутил чувство неудобства и тошноты. Казалось, кто-то действительно надавил мне на живот.

— Видишь, что я имею в виду? — спросил дон Хуан и отвел глаза.

Я сказал, что почувствовал тошноту, и он заметил, как будто это само собой разумелось, что знает это и что он старается дать мне почувствовать линии мира своими глазами. Я не мог принять его заявления о том, что он сам заставил меня таким образом чувствовать. Я выразил сомнения. Я вряд ли мог воспринять идею, что он заставил меня чувствовать тошноту, поскольку никаким физическим способом он на меня не воздействовал.

— Неделание очень просто, но и очень сложно. Дело здесь не в понимании, а в овладении этим. Видение, конечно, является конечным достижением человека знания. И видение достигается только тогда, когда он остановил мир. Пользуясь техникой неделания.

Я невольно улыбнулся. Я не понял, что он имеет в виду.

— Когда кто-либо что-либо делает с людьми, — сказал он тихо, — то заботиться следует лишь о том, чтобы предоставить все это дело их телам. Именно это я и делал с тобой до сих пор, давая твоему телу знать. Кому какое дело до того, понимаешь ты или нет.

— Но это не честно, дон Хуан. Я хочу все понимать. В ином случае приезжать сюда будет тратой моего времени.

Он подвел меня к тому месту, где находились два пика размером с человека, стоящие параллельно один другому в четырех или пяти футах. Дон Хуан остановился в двадцати метрах от них, глядя на запад. Он отметил место, где мне нужно стоять и сказал, чтобы я смотрел на тени пиков. Он сказал, что мне следует наблюдать за ними и скашивать глаза точно так же, как я обычно скашивал, осматривая землю в поисках места для отдыха. Он пояснил свои наставления, сказав, что когда ищешь место для отдыха, то следует смотреть, не фокусируя взгляда, но наблюдая за тенями, следует скосить глаза и все же удерживать изображение в фокусе. Мысль состояла в том, чтобы дать одной тени наложиться на другую, скашивая глаза. Он объяснил, что благодаря этому процессу можно получить определенное ощущение, которое исходит из тени. Я стал говорить о неясности его указаний, но он заверил меня, что нет никакого способа описать то, что он имеет в виду.

Моя попытка выполнить упражнение была неудачной. Я напрягался до тех пор, пока у меня голова не заболела. Дон Хуан был совершенно не озабочен моей неудачей. Он забрался на куполообразный пик и прокричал с вершины, чтобы я посмотрел на два небольших длинных и узких куска скалы. Он показал руками размер камней, которые требуются.

Я нашел два таких куска и вручил их ему. Дон Хуан положил каждый камень в трещину на расстоянии тридцати сантиметров один от другого. Поставил меня над ними лицом к западу и велел проделать то же самое упражнение с их тенями.

На этот раз это было исключительно другим делом. Почти сразу я смог скосить глаза и воспринимать их индивидуальные тени, как если бы они были слиты в одну. Я заметил, что процесс смотрения не сближая изображения дает одну единственную тень, необыкновенной глубины и прозрачности. Я уставился на нее пораженный. Каждая ямка в камне на том участке, куда были устремлены мои глаза, была четко различима. И та составная тень, которая была наложена на эти ямки, походила на пленку неопишуемой прозрачности.

Я не хотел моргать, боясь потерять изображение, которое я с такой осторожностью удерживал. Наконец, глаза у меня заболели, и я вынужден был ими моргнуть, но я не потерял из поля зрения никаких деталей совершенно. В действительности то, что мои глаза были смочены слезой, сделало их более ясными. Я заметил теперь, что смотрю как будто бы из неизмеримых высот на мир, который я ранее никогда не видел. Точно так же я заметил, что могу осматривать окружающие тени не теряя фокуса моего зрительного восприятия. Затем на какое-то мгновение я потерял ощущение, что смотрю на камень. Я почувствовал, что опускаюсь в мир более просторный, чем я когда-либо мог ощущать. Секунду длилось это необычное восприятие, а затем все было выключено. Я автоматически поднял глаза и увидел дон Хуана, стоящего прямо над камнями лицом ко мне. Он заслонил солнечный свет своим телом.

Я описал необычное ощущение, которое у меня было, и он объяснил, что вынужден был прервать его, потому что увидел, что я вот-вот потеряюсь в нем. Он добавил, что для всех нас это естественная тенденция индугировать, когда проявляются подобные ощущения. И что индугируя себя в них, я почти превратил неделание в свое старое привычное делание. Он сказал, что мне следовало удерживать изображение, не отдаваясь ему, потому что в некотором роде делание является одной из форм поддавания.

Я недоволю заявлю, что ему следовало мне сказать об этом заранее, что я должен был ожидать и что делать, но он сказал, что никак не мог знать, добьюсь я успеха в сливании теней или нет.

Я вынужден был признаться, что я еще более озадачен, чем когда-либо в связи с этим неделанием. Комментарием дон Хуана было, что мне следует быть удовлетворенным тем, что я сделал, потому что хоть раз я действовал правильно, что уменьшив мир, я расширил его, и что хотя я был очень далеко от того, чтобы чувствовать линии мира, тем не менее я правильно воспользовался тенью камней, как дверью в неделание.

Заявление о том, что я увеличил мир, уменьшив его, заинтриговало меня до бесконечности. Детали пористого камня на том маленьком участке, куда были устремлены мои глаза, были такими живыми и так точно очерченными, что вершина этого округлого пика стала для меня бесконечным миром; и в то же время это было действительно уменьшенным движением камня. Когда дон Хуан заслонил свет и я оказался смотрящим так, как я делал это обычно, точные детали стали расплывчатыми, маленькие отверстия в пористом камне стали больше, коричневая окраска сухой лавы стала белесой, и все вокруг потеряло сияющую прозрачность, которая превращала камень в реальный мир.

Дон Хуан затем взял эти два камня, осторожно положил их в глубокую трещину и уселся, скрестив ноги, лицом к западу на то место, где до этого лежали камни. Он похлопал ладонью по месту слева от себя и сказал, чтобы я сел.

Мы долгое время не разговаривали. Затем мы поели также в молчании. Лишь после того, как солнце село, он внезапно повернулся и спросил меня, каково мое продвижение в сновидении.

Я сказал ему, что в начале это было легко, но что в настоящий момент я совершенно перестал находить свои руки во сне.

— Когда ты впервые взялся за сновидения, ты использовал мою личную силу. Сейчас ты пуст, но ты должен продолжать попытки, пока у тебя не будет достаточно своей собственной силы. Видишь ли, сновидения — это неделание снов. И по мере твоего прогресса в неделании, ты будешь продвигаться также и в сновидении. Трюк состоит в том, чтобы не перестать искать свои руки, даже если ты не веришь, что то, что ты делаешь, имеет какой-либо смысл. Фактически, как я уже говорил тебе раньше, воину нет необходимости верить. Поскольку до тех пор, пока он продолжает действовать без веры, он делает неделание.

На секунду мы посмотрели друг на друга.

— Мне больше нечего сказать тебе о сновидении, — продолжал он. — все, что я могу тебе сказать, было бы просто неделанием. Но если ты прямо коснешься неделания, ты сам будешь знать, что делать в сновидении. Однако, на этот раз существенно находить свои руки, и я уверен, ты это сделаешь.

— Не знаю, дон Хуан, я не верю самому себе.

— Здесь дело состоит не в том, чтобы верить кому бы то ни было. Все это дело является частью борьбы воина, и ты будешь продолжать бороться, если и не из-за своей собственной силы, то может быть под давлением стоящего противника или, может быть, с помощью каких-нибудь олли, вроде того, который сейчас следует за тобой.

Правая рука у меня невольно дернулась. Дон Хуан сказал мне, что мое тело знает намного больше, чем я подозреваю, потому что та сила, которая нас преследует, находится справа от меня. Тихим голосом он сообщил мне, что дважды за сегодняшний день олли приближался ко мне так близко, что ему приходилось вмешиваться и останавливать его.

— В дневное время тени являются дверями в неделание, — сказал он. — но ночью, поскольку в темноте остается очень мало делания, все является тенью, включая олли. Я уже говорил тебе об этом, когда учил тебя бегу силы.

Я громко рассмеялся, и мой собственный смех испугал меня.

— Все, чему я тебя до сих пор учил, было аспектом неделания, однако же я не могу сказать тебе об этом больше, чем сказал сегодня. Ты должен сам позволить своему собственному телу открыть силу и ощущение неделания.

У меня начался приступ нервного покашливания.

— Глупо с твоей стороны хаять загадки мира просто потому, что ты знаешь делание охаивания, — сказал он с серьезным лицом.

Я заверил его, что никого и ничего не охаивал, но что я более нервен или некомпетентен, чем он думает.

— Со мной всегда так бывало, — сказал я. — и все же я хочу измениться, но я не знаю, как. Я так неприспособлен.

— Я уже знаю, что ты считаешь себя прогнившим, — сказал он. — это твое делание. Теперь для того, чтобы воздействовать на это делание, я хочу порекомендовать тебе научиться другому деланию. С этого момента и в течение восьми дней я хочу, чтобы ты лгал

самому себе. Вместо того, чтобы говорить самому себе правду, что ты отвратителен, насквозь прогнил, ни к чему не приспособлен, ты будешь говорить самому себе, что ты прямая противоположность, зная в то же время, что ты лжешь и что ты абсолютно безнадежен.

— Но какой смысл в подобной лжи, дон Хуан?

— Она может прицепить тебя к другому деланию, и тогда ты сможешь понять, что и то, и другое делание лживо и нереально и что цепляться к любому из них — трата времени, потому что единственная реальная вещь — это то существо в тебе, которое умрет. Достигнуть этого существа является неделанием самого себя.

16. КОЛЬЦО СИЛЫ

Суббота, 14 апреля 1962 года.

Дон Хуан попробовал тяжесть наших фляг и заключил, что мы истратили наше продовольствие, и время возвращаться домой. Я осторожно заметил, что у нас уйдет по крайней мере два дня для того, чтобы добраться до дома. Он сказал, что не собирается ехать обратно в Сонору, а поедет в пограничный городок, где у него было какое-то дело.

Я подумал, что он собирается начать наш спуск по водному каньону, но дон Хуан направился на северо-запад, на высокое плато лавовых гор. Примерно через час ходьбы он подвел меня к глубокому провалу, который оканчивался в той точке, где два пика почти сходились. Тут был склон, идущий почти к вершине гребня, странный склон, похожий на слегка погнутый мост между двумя пиками. Дон Хуан показал на участок, находящийся на этом склоне.

— Смотри туда пристально, — сказал он. — солнце почти над головой.

Он объяснил, что в полдень свет солнца может помочь мне с неделанием. Затем он дал мне ряд указаний. Расслабить все тугие места на одежде, которая была на мне, сесть скрестив ноги и пристально смотреть на то место, которое он мне указал. На небе было очень мало облаков и ни одного не было на западе. Был жаркий день, и солнечный свет лился на отвердевшую лаву. Я очень внимательно наблюдал за участком, о котором говорилось.

После долгого наблюдения я спросил, что именно я там должен разглядеть. Он велел мне замолчать нетерпеливым движением руки.

Я устал, я хотел спать. Я полуприкрыл глаза. Они болели, и я потерял их. Но руки мои были неуклюжими, и пот, попав мне в глаза, стал раздражать их. Я взглянул на лавовые пики, полуприкрыв веки, и внезапно вся гора зажглась.

Я сказал дону Хуану, что если я скашиваю глаза, то я могу видеть всю горную цепь, как сложное переплетение нитей света.

Он велел мне дышать как можно меньше, чтобы сохранить вид волокон света и не смотреть на них пристально, а как бы невзначай на точку, находящуюся на горизонте справа над склоном. Я последовал его указаниям и смог удерживать картину бесконечной дали, покрытой паутиной света.

Дон Хуан очень мягким голосом сказал, что мне нужно попытаться выделить участки темноты внутри волокон света, и что сразу после нахождения темного пятна я должен раскрыть глаза и определить, где это пятно находилось на поверхности склона.

Я не мог ощутить никаких темных участков. Несколько раз я то скашивал глаза, то опять открывал их. Дон Хуан приблизился ко мне и указал на участок справа, а затем на другой прямо передо мной. Я попытался изменить положение своего тела. Я думал, что, может быть, если я сдвину перспективу, то я смогу воспринять тот участок темноты, на который он указывает. Но дон Хуан встряхнул мою руку и сказал жестким тоном, чтобы я сидел спокойно и был терпелив.

Я опять скосил глаза и еще раз увидел паутину из нитей света. Секунду я смотрел на них, затем раскрыл глаза шире. В этот момент я услышал слабое погромыхивание. Это вполне могло быть объяснено отдаленным звуком реактивного самолета. И затем, широко раскрытыми глазами я увидел весь горный район перед собой, как огромное поле маленьких точек света. Казалось, на какой-то короткий момент металлические поверхности в затвердевшей лаве стали одновременно отражать солнечный свет. Затем солнечный свет стал туманиться и внезапно исчез, и горы стали массой мрачных, темнокоричневых скал. В то же время стало ветрено и холодно.

Я хотел обернуться и посмотреть, зашло ли солнце за облако, но дон Хуан удержал мою голову, не позволяя мне двинуться. Он сказал, что если я повернусь, то смогу заметить существо гор, олли, которое преследует нас. Он сказал мне, что у меня нет достаточно силы, чтобы устоять при виде такого зрелища, а затем рассчитанным тоном он добавил, что тот

грохот, который я слышал, был особым способом, которым олли заявляет о своем присутствии.

Затем он поднялся и заявил, что мы собираемся лезть вверх по склону.

— Куда мы идем? — спросил я.

Он указал на один из участков, который он выделил, как пятно темноты. Он объяснил, что неделание позволило ему выделить это место, как возможный центр силы или, может быть, где могут быть найдены предметы силы.

Мы достигли этого места, которое он наметил, после очень трудного лазанья по скалам. Секунду он стоял неподвижно в нескольких футах от меня. Я попытался подойти к нему ближе, но он сделал мне рукой знак остановиться. Казалось, он ориентируется. Я видел, что голова его движется, как если бы он обшаривал глазами горы сверху донизу. Затем уверенными шагами он прошел к краю. Он уселся и стал вытирать мусор со скалы рукой. Пальцем он покопал вокруг небольшого камешка, выступавшего из грунта, расчищая вокруг него землю, затем велел мне выкопать его.

Когда я освободил камешек, он велел мне тотчас же положить его за пазуху, потому что это объект силы и принадлежит мне. Он сказал, что отдает его мне на сохранение и что должен я чистить его и следить за ним.

Сразу после этого мы начали свой спуск в водный каньон и через два часа уже были в горной пустыне у подножия лавовых гор. Дон Хуан шел примерно в трех метрах впереди меня очень быстрым шагом. Мы шли на юг почти до захода солнца. Тяжелая гряда облаков на западе не давала нам видеть солнце, но мы подождали, пока оно предположительно не исчезло за горизонтом.

После этого дон Хуан изменил направление и пошел на юго-восток. Мы перевалили через холм, и когда мы были на вершине, я заметил четырех человек, идущих в нашу сторону с юга.

Я взглянул на дона Хуана. В своих экскурсиях мы никогда не встречали людей, и я не знал, что делать в случаях, подобных этому. Но он, казалось, не обращал на это внимания. Он продолжал идти, как будто бы ничего не случилось. Люди двигались, как будто бы никуда не спешили. Они спокойно пробирались к тому месту, где мы находились. Когда они приблизились, я заметил, что это четыре молодых индейца. Казалось, они узнали дона Хуана. Говорил он с ними на испанском. Они говорили очень мягко и обращались с ним с большим уважением. Только один из них заговорил со мной. Шепотом я спросил дона Хуана, могу ли я тоже говорить с ними, и он утвердительно кивнул головой.

После того, как я втянул их в разговор, они стали очень общительны и дружелюбны, особенно тот, кто первый заговорил со мной. Они рассказали мне, что находятся здесь в поисках кристалла кварца, обладающего силой. Они сказали, что они уже несколько дней бродят вокруг лавовых гор, но до сих пор им не везло.

Дон Хуан оглянулся и указал на каменистый участок примерно в полукилометре в стороне.

— Это хорошее место, чтобы ненадолго расположиться, — сказал он.

Он пошел в эти камни, и все мы последовали за ним.

Местность, которую он выбрал, была очень пересеченной. Кустов на ней не было. Мы сели на камни. Дон Хуан сказал, что собирается вернуться в чапараль и собрать сухих веток для костра. Я хотел помочь ему, но он прошептал мне, что это особый костер для этих смелых молодых людей, и моя помощь ему не нужна.

Юноши сели вокруг меня тесной кучкой. Один из них сел ко мне спиной. Я почувствовал легкое раздражение.

Когда дон Хуан вернулся с охапкой сучьев, он отметил их осторожность и сказал мне, что юноши являются учениками мага и что это правило, делать круг, в центре которого двое человек сидят спина к спине во время охотничьих экспедиций за объектами силы.

Один из молодых людей спросил меня, находил ли я сам когда-нибудь кристаллы. Я сказал ему, что дон Хуан никогда не брал меня искать их.

Дон Хуан выбрал место вблизи большого валуна и принялся разводить костер. Никто из молодых людей не тронулся с места, чтобы помочь ему, но все внимательно следили за ним. Когда все сучья горели, дон Хуан сел спиной к валуну. Костер был справа от него.

Молодые люди, очевидно, знали, что происходит, но я не имел ни малейшего представления относительно того, что нужно делать, когда имеешь дело с учениками мага.

Я следил за молодыми людьми. Они сидели, глядя на дона Хуана, образовав правильный полукруг. Я заметил тогда, что дон Хуан смотрел прямо на меня и что двое молодых людей сели слева от меня, а другие двое — справа.

Дон Хуан стал рассказывать им, что я был в лавовых горах для того, чтобы научиться неделанию, и что олли следовал за нами. Я подумал, что это очень драматическое начало и

был прав. Юноши изменили позы и каждый сел, поджав под себя левую ногу. Я не заметил, как они сидели раньше. Я полагал, что они сидели так же, как и я, скрестив ноги. Случайный взгляд на дона Хуана показал мне, что он тоже сидит с поджатой левой ногой. Он сделал едва уловимый жест подбородком, указывая на ту позу, в которой сидел я. Я осторожно заправил под себя левую ногу.

Однажды дон Хуан уже рассказывал мне, что это является позой мага в тех случаях, когда обстоятельства неопределенны. Однако, эта поза всегда оказывалась для меня утомительной. Я чувствовал, что для меня будет ужасной мукой все время сидеть в таком положении в продолжении его разговора. Дон Хуан, казалось, вполне осознает мое состояние и сжатым образом объяснил молодым людям, что кристаллы кварца можно найти в ряде определенных мест этого района, и что как только они будут найдены, им придется покинуть свое местонахождение при помощи особой техники. Кристалл тогда становится самим человеком, а их сила выходит из границ нашего понимания.

Он сказал, что обычно кристаллы находят в грозди, и человек, который их нашел, волен выбрать нить самых длинных и наиболее красивых лезвий кварца и отделить их от грозди. Человек, который нашел кристаллы, был ответственным за то, чтобы обработать их и отполировать, заострить их и сделать в совершенстве соответствующими размерам и форме пальцам его правой руки.

Затем он сказал нам, что кристаллы кварца являлись оружием, используемым в магии. Что они применяются обычно для того, чтобы убить, и что они проникают в тело врага, а затем возвращаются в руку владельца, как если бы никогда не покидали ее. Затем он рассказал о поисках духа, который превратил бы обычные кристаллы в оружие, и заявил, что самое первое, что следует сделать, это разыскать благоприятное место для того, чтобы выманить духа. Это место должно быть на вершине холма и должно быть найдено движениями руки с рукой, повернутой к земле и как бы водящей над нею до тех пор, пока ладонь не ощутит какое-то тепло. На этом месте должен быть разведен костер. Дон Хуан объяснил, что олли привлекается пламенем и проявляет себя серией вполне определенных звуков. Человек, ищущий олли, должен пойти в направлении этих звуков до тех пор, пока олли не появится, а затем бороться с ним и повалить на землю для того, чтобы победить. Именно в это время можно заставить олли прикоснуться к кристаллам для того, чтобы зарядить их силой.

Он предупредил нас, что в этих лавовых горах есть много других сил, которые не похожи на олли, они не делают звуков, а появляются, как мелькающие тени, и что у них нет никакого могущества совершенно.

Дон Хуан добавил, что блестяще окрашенное перышко или какой-либо хорошо отполированный кристалл кварца может привлечь олли, но в широком смысле любой объект будет одинаково эффективен, поскольку важным моментом является не нахождение этих объектов, а нахождение той силы, которая зарядит их могуществом.

— Какой толк иметь красиво отполированные кристаллы, если вы не найдете духа, дающего силу? — сказал он. — с другой стороны, если у вас нет кристаллов, но вы нашли духа, то вы можете ему подсунуть под нос что угодно, чтобы он коснулся. Вы можете подсунуть ему свои пиписки, если вы не найдете ничего другого.

Молодые люди засмеялись. Самый смелый из них, тот, который заговорил со мной, засмеялся громче всех.

Я заметил, что дон Хуан скрестил ноги и сидел расслабленно. Все юноши тоже скрестили ноги. Я попытался потихоньку перейти в более расслабленную позу, но в ногу у меня то ли перехватило какой-то нерв, то ли стянуло какую-то мышцу, и мне пришлось встать и несколько минут потоптаться на одном месте.

Дон Хуан сделал шутовское замечание. Он сказал, что у меня давно не было практики коленопреклонения, потому что я целую вечность не был на исповеди, пожалуй, с тех пор, как начал болтаться с ним.

Это вызвало большое оживление среди юношей. Они начали пересмеиваться. Некоторые из них закрыли лицо и нервно захихикали.

— Я собираюсь, ребята, вам кое-что показать, — сказал дон Хуан, когда юноши перестали смеяться.

Я считал, что он собирается показать нам какие-нибудь объекты силы, которые были у него в сумке. На мгновение я подумал, что молодые люди собираются обступить его, потому что они все вместе сделали внезапное движение. Все они слегка нагнулись вперед, как будто собирались подняться. Но затем они все подобрали под себя левую ногу и сели опять в ту мистическую позу, которая была так трудна для моих колен.

Я подвернул свою левую ногу как мог осторожнее. Я обнаружил, что если я не сажусь на левую ступню, то есть если я нахожусь в коленопреклоненном положении, то колени у меня болят не так сильно.

Дон Хуан поднялся и зашел за большой валун, пока не скрылся из виду.

Должно быть, прежде, чем встать, он подбросил сучьев в огонь, пока я подворачивал свою ногу, потому что новые сучья стали потрескивать, выбрасывая длинные языки пламени. Эффект был исключительно драматическим. Пламя выросло в два раза. Внезапно дон Хуан вышел из-за валуна и остановился на том месте, где он сидел прежде. Я испытал секундное замешательство. Дон Хуан надел забавную черную шляпу. Она имела выступы около ушей и была круглой наверху. Мне пришло в голову, что это фактически пиратская шляпа. На нем было длинное черное пальто с фалдами, застегнутое на единственную блестящую металлическую пуговицу, и у него была деревянная нога.

Я засмеялся про себя. В своем пиратском костюме дон Хуан выглядел действительно глупо. Я стал раздумывать над тем, откуда он достал такой костюм в этой глуши и пришел к выводу, что дону Хуану требуется еще повязка на глаз и попугай на плечо, чтобы выглядеть типичным пиратом.

Дон Хуан посмотрел на каждого члена группы, ведя глазами медленно справа налево. Затем он взглянул вверх нас и стал смотреть в темноту за нами. Секунду он оставался в этой позе, а затем обошел валун и исчез.

Я не заметил, как он шел. Очевидно, у него должна была быть согнута в колене нога для того, чтобы изображать человека с деревянной ногой. Когда он поворачивал, чтобы зайти за валун, я должен был заметить его согнутую ногу, но я был так заинтригован его действиями, что не обратил внимания на детали.

Пламя потеряло свою силу в тот же самый момент, как дон Хуан скрылся за валуном. Я подумал, что его расчет времени превосходен. Он, должно быть, подсчитал, сколько времени понадобится на то, чтобы сгорели сучья, которые он подбросил в костер, и подстроил свое появление и уход согласно этому расчету.

Изменение интенсивности огня очень сильно подействовало на группу. Среди юношей прокатилась дрожь нервозности. Когда пламя уменьшилось в размере, молодые люди все вместе вернулись в положение со скрещенными ногами.

Я ожидал, что дон Хуан выйдет сразу же из-за валуна и сядет, как раньше, но его не было. Я нетерпеливо ждал. Молодые люди сидели с бесстрастными выражениями на лицах.

Я не мог понять, чего дон Хуан добивался этими своими розыгрышами. После долгого ожидания я повернулся к юноше и тихим голосом спросил его, имеют для него какое-нибудь значение хоть какие-нибудь из тех предметов, что он надел на себя — забавное пальто с фалдами, шляпа и тот факт, что он стоял на деревянной ноге.

Молодой человек посмотрел на меня с выражением забавного ошеломления. Казалось, он был смущен. Я повторил свой вопрос, и юноша, сидевший рядом с ним, внимательно посмотрел на меня, прислушиваясь. Они взглянули друг на друга явно в крайнем замешательстве. Я сказал, что для меня эта шляпа, деревяшка и пальто превращали его в пирата.

К этому времени все четверо юношей подсади ко мне поближе. Они тихо хихикали и нервно поеживались. Казалось, они не находили слов. Наконец, самый смелый из них заговорил со мной. Он сказал, что на доне Хуане не было шляпы, что он не носил черного пальто и уж наверняка не стоял на деревяшке. Что у него на голове была повязана чалма или шаль, что одет он был в одноцветную тунику вроде монашеской рясы, которая ниспадала до самой земли.

— Нет! — воскликнул мягко другой юноша. — на нем не было чалмы.

— Правильно, — сказали другие.

Молодой человек, который заговорил первым, взглянул на меня с выражением полного недоверия. Я сказал им, что нам следует разобраться в том, что случилось, очень тщательно и очень спокойно. Что я уверен, что дон Хуан хотел, чтобы мы так и сделали и поэтому он оставил нас одних.

Молодой человек, который был совсем справа от меня, сказал, что дон Хуан был в лохмотьях. На нем было изношенное пончо или какая-то индейская накидка и крайне потасканное сомбреро. В руке у него была корзина со всякими вещами, но он не может точно сказать, что это были за вещи. Он сказал, что дон Хуан был в действительности одет не как нищий, а скорее, как человек, возвращающийся из бесконечно длинного путешествия, нагруженный всякими странными вещами.

Молодой человек, который видел дону Хуана в черной чалме, сказал, что в руках у него ничего не было, но что его волосы были длинные и спутанные, как если бы он был диким человеком, который только что убил монаха и надел на себя его одежду, но не смог скрыть своей дикости.

Молодой человек слева от меня мягко засмеялся и прокомментировал чушь всего этого. Он сказал, что дон Хуан был одет, как важная личность, как будто бы он только что сошел с

коня. На нем были кожаные краги для верховой езды, большие шпоры, кнут, которым он постукивал себя по левой ладони, небольшая шапочка с коническим верхом и два автоматических пистолета 45 калибра. Он сказал, что дон Хуан был прямо иллюстрацией преуспевающего владельца ранчо.

Молодой человек крайний слева застенчиво засмеялся, но не сделал попыток рассказать то, что он видел. Я стал уговаривать его, но остальным было, казалось, неинтересно. Этот юноша казался слишком застенчивым для того, чтобы говорить.

Огонь уже погасал, когда дон Хуан вышел из-за валуна.

— Оставь лучше этих юношей их делу, — сказал он мне. — попрощайся с ними.

Он не взглянул на них. Он медленно пошел прочь, давая мне время попрощаться.

Молодые люди по очереди обняли меня. Костер больше не горел, но угли давали достаточно освещения. Дон Хуан казался темной тенью в нескольких футах вдаль, а молодые люди были кружком ясно очерченных застывших силуэтов. Они казались рядом черных статуй на фоне темноты.

Именно в этот момент все это событие сказалось на мне. По спине у меня пробежал озноб. Я догнал дону Хуана. Он сказал мне очень серьезным тоном, чтобы я не поворачивался и не смотрел больше на юношей, потому что в этот момент они были кругом тени.

Животом я ощущал какую-то силу, идущую снаружи. Казалось, какая-то рука схватила меня. Я невольно вскрикнул. Дон Хуан сказал, что в этом районе слишком много силы, и поэтому мне легко будет воспользоваться «бегом силы».

Мы бежали несколько часов. Пять раз я упал. Дон Хуан громко считал каждый раз, когда я терял равновесие. Затем он остановился.

— Садись, прижмись к камням и закрой свой живот руками, — прошептал он мне на ухо.

Воскресенье, 15 апреля 1962 года.

Как только света стало достаточно, утром мы пошли опять. Дон Хуан привел меня к тому месту, где мы оставили машину. Я был голоден, но в остальных смыслах чувствовал бодрость и не был уставшим.

Мы съели несколько галет и напились минеральной воды, которая была у меня в машине. Я хотел задать ему вопросы, которые переполняли меня, но он приложил палец к губам. К полудню мы были в пограничном городке, где он собирался меня покинуть. Мы пошли в ресторан пообедать. Мы сели за столом у окна, глядя на шумную главную улицу города, и заказали пищу.

Дон Хуан казался расслабленным. Его глаза светились предательским блеском. Я почувствовал себя ободренным и открыл поток вопросов. Больше всего я хотел узнать о его переодевании.

— Я показал тебе крошечку моего неделания, — сказал он, и глаза его, казалось, светились.

— Но никто из нас не видел одного и того же костюма на тебе, — сказал я. — как ты это сделал?

— Это очень просто, — ответил он. — это было просто переодевание, потому что все, что мы делаем, в какой-то мере переодевание. Все, что мы делаем, как я уже говорил тебе, относится к области делания. Человек знания может прицепиться к деланию любого другого и появиться с волшебными вещами. Но они не волшебные на самом-то деле. Они волшебные только для тех, кто увяз в делании.

Те четверо юношей и ты сам еще не осознают неделания, поэтому легко было одурачить всех вас.

— Но как ты нас одурачил?

— Для тебя это не будет иметь смысла. Никаким способом ты не сможешь понять этого.

— Прошу тебя, дон Хуан, испытай меня.

— Скажем так, что когда каждый из нас рождается, он приносит с собой на свет маленькое колечко силы. Это колечко почти тут же начинает использоваться. Поэтому каждый из нас уже с самого рождения на крючке, и наши кольца силы соединяются с кольцами любого другого. Другими словами, наши кольца силы прицеплены к деланию мира для того, чтобы делать мир.

— Дай мне пример, чтобы я мог это понять, — сказал я.

— Например, наши кольца силы, твое и мое, прямо сейчас прицеплены к деланию в этой комнате. Мы создаем эту комнату. Наши кольца силы в этот самый момент дают этой комнате существование.

— Подожди, подожди, — сказал я. — эта комната здесь сама по себе. Я ее не создаю, у меня нет с ней никаких дел.

Дону Хуану, казалось, дела не было до моих возражений и протестов. Он очень спокойно заверил, что эта комната, в которой мы находимся, создана и удерживается в неизменности из-за силы тех колец силы, которые имеют нас.

— Видишь, — продолжал он. — каждый из нас знает делание комнат, потому что так или иначе мы провели большую часть своих жизней в комнатах. Человек знания, с другой стороны, развивает другое кольцо силы. Я назову его кольцом неделания, потому что оно сцеплено с неделанием. При помощи этого кольца он, поэтому, может создавать другой мир.

Молодая официантка принесла нам еду и, казалось, в чем-то нас подозревала. Дон Хуан сказал, что я должен сразу заплатить ей, чтобы показать, что у меня денег хватит.

— Я не виню ее за то, что она не доверяет тебе, — сказал он и расхохотался. — у тебя вид, как из преисподней.

Я заплатил женщине и дал ей чаевые, а когда она оставила нас одних я посмотрел на дону Хуана, стараясь найти способ восстановить порванную нить разговора. Он пришел мне на помощь.

— Твоя трудность заключается в том, что ты еще не развил своего второго кольца силы, и твое тело не знает неделания, — сказал он.

Я не понял того, что он сказал. Мой ум был захвачен прозаическими мыслями. Все, чего я хотел, так это узнать, одевал он на себя пиратский костюм или не одевал.

Дон Хуан не ответил, но раскатисто расхохотался. Я просил его объяснить.

— Но я же только что объяснил тебе, — ответил он.

— Ты имеешь в виду, что не одевал никакой одежды? — сказал я.

— Все, что я сделал, так это прицепил свое кольцо силы к твоему собственному деланию, — сказал он. — ты сам сделал все остальное, так же, как это сделали другие.

— Это невероятно! — воскликнул я.

— Всех нас обучили соглашаться насчет делания, — сказал он мягко. — ты не имеешь ни малейшего представления о той силе, которую такое соглашение несет с собой. Но, к счастью, неделание одинаково чудесно и могущественно, как и та сила.

Я почувствовал неуправляемую судорогу в животе. Между моим собственным опытом и его объяснением пролегла непроходимая бездна. Как последнюю защиту, я, как делал это обычно, выдвинул с оттенком сомнения и недоверия вопрос: «а что если дон Хуан был на самом деле в сговоре с этими юношами, и сам все это подстроил?»

Я изменил тему и спросил его о четырех учениках.

— Ты сказал мне, что они были тенями? — спросил я.

— Правильно.

— Они были олли?

— Нет. Они были учениками человека, которого я знаю.

— Почему ты их назвал тенями?

— Потому что в тот момент они были тронуты силой неделания. А поскольку они не так глупы, как ты, то они сместились в нечто совсем отличное от того, что ты знаешь. По этой причине я не хотел, чтобы ты смотрел на них, т.к. это только причинило бы тебе вред.

У меня не было больше вопросов. Голоден я тоже больше не был. Дон Хуан ел за обе щеки и, казалось, был в отличном настроении. Я, однако, чувствовал себя отверженным. Внезапно огромная усталость овладела мной. Я сообразил, что путь дону Хуана был слишком трудным для меня. Я заметил, что у меня нет данных, чтобы быть магом

— Возможно другая встреча с мескалито, поможет тебе, — сказал он.

Я заверил его, что об этом я думаю меньше всего и что не хочу даже рассматривать подобной возможности.

— Сильные потрясения должны с тобой произойти для того, чтобы ты позволил своему телу получать выгоду от того, чему ты научился, — сказал он.

Я вставил свое мнение, что поскольку я не являюсь индейцем, то у меня действительно нет данных, чтобы вести необычайную жизнь мага.

Возможно, если бы я смог развязаться со всеми затруднениями, то я бы более успешно продвигался в твой мир, — Сказал я. — или если бы я пошел жить с тобой в глуши. Но так как дело обстоит сейчас, тот факт, что я одной ногой стою в одном мире, а другой — в другом, делает меня бесполезным в любом из них.

Он долго смотрел на меня.

— Это твой мир, — сказал он, указывая на деловую улицу за окном. — ты — человек этого мира. И именно там, в том мире, находятся твои уголья. Нет способа убежать от делания нашего мира. Поэтому воин делает то, что превращает свой мир в свои охотничьи уголья. Как охотник, воин знает, что мир сделан для того, чтобы им пользоваться, поэтому он использует каждый кусочек его. Воин подобен пирату, у которого нет запретов в том, чтобы

взять и использовать все, что он хочет. Разве что воин никогда не заботится о таких вещах и не чувствует себя ими обиженным за то, что его самого используют и берут.

17. СТОЯЩИЙ ПРОТИВНИК

Вторник, 11 декабря 1962 года.

Мои ловушки были совершенны. Установка их была правильной, я видел кроликов, белок и других грызунов, куропаток и птиц, но в течение всего дня я не мог поймать ничего.

Дон Хуан сказал мне, когда мы выходили из дома рано утром, что в этот мне нужно ждать «дара силы», исключительного животного, которое может быть заманено в мои ловушки, и все его мясо я могу высушить для «пищи, обладающей силой».

Дон Хуан, казалось, был в задумчивом настроении. Он не сделал ни одного замечания или предложения. К концу дня он, наконец, заявил:

— Кто-то вмешался в твою охоту, — сказал он.

— Кто? — спросил я, искренне удивленный.

Он взглянул на меня, улыбнулся и покачал головой с жестом недоверия.

— Ты действуешь так, как будто ты не знаешь, кто, — сказал он, — тогда как ты весь день знал, кто это.

Я собирался запротестовать, но не видел в этом смысла. Я знал, что он собирается сказать «ля Каталина», и если это было то знание, о котором он говорит, то он был прав. Я знал, кто это.

— Мы или пойдем сейчас домой, — продолжал он, — или подождем до темноты и используем сумерки, чтобы поймать ее.

Казалось, он ждал моего решения. Я хотел уходить. Я уже начал собирать бечевки, которыми пользовался, но прежде, чем я успел произнести свое желание, он остановил меня прямой командой.

— Сядь, — сказал он. — уйти прямо сейчас было бы более простым и более трезвым решением, но это особый случай, и я думаю, что мы должны остаться. Это представление как раз для тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Кто-то вмешивается в твои дела, в частности поэтому все это становится твоим представлением. Я знаю, кто это, и ты тоже знаешь, кто.

— Ты пугаешь меня, — сказал я.

— Не я, — ответил он, смеясь, — пугает тебя та женщина, которая находится тут поблизости.

Он остановился, как бы ожидая эффекта своих слов. Я вынужден был признать, что перепуган.

Более, чем месяц назад у меня была ужасающая встреча с колдуньей, называемой «ля Каталина». Я встретился с ней, рискуя своей жизнью, потому что дон Хуан убедил меня в том, что она покушается на его жизнь и что он не может отразить ее нападков. После того, как я вошел с ней в контакт, дон Хуан открыл мне, что в действительности она никогда не представляла для него опасности, и что все это дело было трюком, не в смысле жестокой шалости, а в смысле того, чтобы уловить меня и заставить действовать. Я был в ярости на него, до такой степени его метод казался мне неэтичным.

Прослушав мой сердитый выпад, дон Хуан стал напевать мексиканские мелодии. Он имитировал популярных певцов, и его подражание было настолько комичным, что я кончил тем, что смеялся, как ребенок. Он развлекал меня очень долго. Я никогда не подозревал, что у него такой большой репертуар идиотских песен.

— Позволь мне сказать тебе кое-что, — сказал он, наконец, в тот раз. — если нас не обдуривать, то мы никогда не научимся. Подобная же вещь случалась со мной, и она будет случаться со всяким. Искусство бенефактора состоит в том, чтобы вывести нас на край. Бенефактор может только указать путь и применить трюк. Я применил трюк к тебе раньше. Помнишь, каким образом я возродил твой охотничий дух, а? Ты сам мне рассказывал, что охота заставила тебя забыть о растениях. Ты был готов делать массу вещей для того, чтобы стать охотником. Вещей, которые ты бы не стал делать, чтобы узнать что-либо о растениях. Теперь ты должен делать намного больше, чтобы выжить.

Он посмотрел на меня и расхохотался.

— Но это все безумие, — сказал я. — мы же разумные существа.

— Ты — разумное, — ответил он. — я — нет.

— Ну конечно же, и ты, — настаивал я. — ты один из самых разумных людей, каких я когда-либо встречал.

— Хорошо! — воскликнул он. — давай не будем спорить. Я — разумный, что из этого?

Я втянул его в спор относительно того, было ли необходимым для двух разумных существ действовать таким безумным образом, как мы действовали с этой леди-ведьмой.

— Ты — разумен, хорошо, — сказал он яростно. — а это означает, что ты веришь в то, что ты знаешь очень многое о мире. Но так ли это? Действительно ли ты знаешь? Ты видел только поступки людей. Твой опыт ограничен только тем, что делают люди по отношению к тебе и другим. Ты ничего не знаешь об этом волшебном неизвестном мире.

Он дал мне знак следовать за ним к своей машине, и мы поехали в небольшой мексиканский городок поблизости.

Я не спрашивал о том, что мы собираемся делать. Он велел мне поставить машину у ресторана, а затем мы обошли автобусную станцию и универмаг. Дон Хуан шел справа, ведя меня. Внезапно я осознал, что кто-то еще идет рядом со мной слева. Но прежде, чем я успел повернуться, чтобы посмотреть, дон Хуан сделал быстрое внезапное движение. Он наклонился вперед, как если бы хотел что-то поднять с земли, а затем схватил меня за запястье, когда я чуть не упал через него. Он потащил меня к моей машине и не отпускал руку даже для того, чтобы позволить мне отпереть дверь. Секунду я возился с ключами. Он мягко втолкнул меня в машину, а затем сел сам.

— Поезжай медленно, и остановись перед универмагом, — сказал он.

Когда я остановился, дон Хуан кивком головы сделал мне знак смотреть. «Ля Каталина» стояла на том месте, где дон Хуан схватил меня. Я невольно отшатнулся. Женщина сделала пару шагов в направлении к машине и остановилась угрожающе в каких-нибудь трех метрах от нас. Мы посмотрели друг на друга. В этот момент я не чувствовал ничего грозного в ней. Я улыбнулся и помахал ей. Она хихикнула, как маленькая застенчивая девочка, и прикрыла рот. Каким-то образом я почувствовал удовольствие. Я повернулся к дону Хуану, чтобы прокомментировать ее внешний вид и поведение, но он испугал меня чуть не до смерти криком:

— Не поворачивайся к этой женщине спиной, черт возьми!

Я быстро повернулся, чтобы взглянуть на женщину. Она сделала еще пару шагов к машине и стояла в каких-нибудь полутора метрах от дверцы. Она улыбалась. Зубы у нее были большие, белые и очень чистые. Однако, в ее улыбке было что-то колдовское. Улыбка не была дружественной. Это была надетая маска. Только ее рот улыбался. Глаза ее были черные, холодные и пристально смотрели на меня.

У меня дрожь прошла по телу. Дон Хуан стал смеяться ритмическим покашливанием. После секундного ожидания женщина медленно попятилась и исчезла среди толпы.

Мы поехали прочь, и дон Хуан стал говорить о том, что если я не подтяну свою жизнь и не стану учиться, то она наступит не меня, как на беззащитного жука.

— Она тот стоящий оппонент, которого я нашел для тебя, как говорил, — сказал он.

Дон Хуан сказал, что нам следует подождать знака, прежде чем мы будем знать, что делать с женщиной, которая вмешивается в мою охоту.

Если мы увидим или услышим ворону, то мы наверняка будем знать, что мы можем ждать. И мы будем знать также, где ждать, — добавил он. Он медленно повернулся, сделав круг, осматривая окрестности.

— Это не место для ожидания, — сказал он шепотом.

Мы пошли к востоку. Было уже довольно темно. Внезапно две вороны вылетели из-за каких-то высоких кустов и исчезли за холмом. Дон Хуан сказал, что этот холм и является тем, что нам нужно.

Как только мы прибыли туда, он обошел его и выбрал место, открытое с юго-востока, у подножия холма. Он очистил сухие ветки, листья и прочий мусор с круглого пятна пяти-шести футов в диаметре. Я попытался помочь ему, но он отказал мне сильным движением руки. Приложив палец к губам, он сделал знак молчания. Когда мы окончили, он подтолкнул меня к центру круга и заставил обратиться лицом к югу в сторону от холма, прошептав мне на ухо, что я должен подражать его движениям. Он начал своего рода танец, делая ритмичные потопывания правой ногой. Они состояли из семи равномерных ударов, перемежающихся набором трех быстрых ударов.

Я попытался приспособиться к его ритму, и после нескольких неудачных попыток стал более или менее способен воспроизводить такое же топание.

— Для чего это? — прошептал я ему на ухо.

Он сказал мне тоже шепотом, что я топаю, как кролик, и что раньше или позже преследователь будет привлечен звуком и покажется, чтобы посмотреть, что происходит.

Как только я скопировал ритм, дон Хуан перестал топать сам, но велел мне продолжать, отмеряя ритм движениями своей руки.

Время от времени он внимательно прислушивался, слегка склонив голову направо, видимо, улавливая звуки в чапарале. Один раз он сделал мне знак остановиться и остался в

крайне alertной позе. Казалось, он был готов прыгнуть или броситься на неизвестного и невидимого противника.

Затем он сделал мне знак продолжать топание и через некоторое время остановил меня опять. Каждый раз, когда я останавливался, он прислушивался с такой концентрацией, что все волокна его тела, казалось, так напрягались, что готовы были порваться.

Внезапно он прыгнул ко мне и прошептал мне на ухо, что сумерки находятся в полной силе.

Я оглянулся. Чапараль был темной массой так же, как холмы и скалы. Небо было темно-синим, и я уже не видел больше облаков. Весь мир казался однообразной массой темных силуэтов, которые не имели каких-нибудь видимых границ.

Я услышал душераздирающий отдаленный крик животного, койота или, может быть, ночной птицы. Он раздался так внезапно, что я не обратил на него внимания, но тело дон Хуана слегка дернулось. Я ощущал его вибрации, поскольку он стоял рядом со мной.

— Вот мы и тут, — прошептал он. — топай опять и будь готов, она здесь.

Я начал бешено топать, но дон Хуан наступил мне на ногу и сделал отчаянный знак, чтобы я расслабился и топал ритмично.

— Не отпугни ее, — прошептал он мне на ухо. — успокойся и не потеряй свои шарики.

Он опять стал отмечать ритм моего топания и после второго раза, когда он остановил меня, я вновь услышал такой же крик. На этот раз он казался криком птицы, которая летает над холмом.

Дон Хуан еще раз заставил меня топать, и как раз тогда, когда я остановился, я услышал особый шуршащий звук слева. Такой звук могло производить тяжелое животное, пробираясь сквозь сухой кустарник. Мне на ум пришла мысль о медведе, но затем я сообразил, что в пустыне нет медведей. Я ухватился за руку дон Хуана, и он улыбнулся мне, приложив палец ко рту в знак молчания. Я таращился в темноту слева от себя, он сделал мне знак не делать так. Несколько раз он указал прямо надо мной вверх, а затем заставил меня повернуться так, чтобы я оказался лицом к темной массе холма. Пальцем дон Хуан указывал на какую-то определенную точку холма. Я удерживал глаза на этом месте, и внезапно, как в ночном кошмаре, темная тень прыгнула на меня. Я взвыл и упал на землю на спину. На секунду темный силуэт был наложен на черно-синее небо, а затем он пронесся дальше и приземлился за нами в кустах. Я услышал звук падения тяжелого тела в кусты, а затем неземной выкрик.

Дон Хуан помог мне подняться и провел меня в темноте к тому месту, где я оставил свои ловушки. Он велел мне собрать их вместе и разобрать на части, а затем разбросал эти части во всех направлениях. Все это он выполнил, не говоря ни слова. По дороге к дому мы не говорили совсем ничего.

— Что ты хочешь мне сказать? — спросил дон Хуан после того, как я неоднократно просил его объяснить те события, свидетелем которых я был несколько часов назад.

— Что это было? — спросил я.

— Ты знаешь чертовски хорошо, что это было, — сказал он. — не размазывай все это своим «что-это-было». Кто это был? — вот что важно.

Я разработал объяснение, которое, казалось, меня устраивало. Фигура, которую я видел, весьма походила на воздушного змея, которого кто-то пустил над холмом, в то время, как кто-то другой притащил его на землю за нами. Отсюда и эффект силуэта. Отсюда и темный силуэт, пронесшийся по воздуху, пожалуй, 30 или 40 метров.

Он внимательно выслушал мое объяснение, а затем смеялся до тех пор, пока слезы не полились у него по щекам.

— Перестань ходить вокруг да около, — сказал он. — отвечай на вопрос прямо. Разве не женщина это была?

Я должен был признать, что когда я упал и смотрел вверх, то я видел темный силуэт женщины в длинной юбке, прыгнувшей через меня в очень медленном движении. Затем что-то, казалось, дернуло силуэт, и он пролетел меня с большой скоростью, обрушившись затем в кусты. В действительности именно это движение дало мне идею воздушного змея.

Дон Хуан отказался обсуждать прецедент дальше. На следующий день он ушел выполнять какое-то мистическое поручение, а я отправился навестить друзей индейцев из племени яки в другой деревне.

Среда, 12 декабря 1962 года.

Как только я прибыл в селение яки, мексиканец, владелец магазина, сказал, что он взял напрокат проигрыватель и двадцать пластинок в городе Обригоне для «фиесты», которую он собирает устроить следующим вечером в честь Гваделупской девы. Он уже всем сказал, что сделал необходимые приготовления благодаря Хулио, бродячему продавцу, который

приезжал в селение яки дважды в месяц, чтобы собирать платежи за дешевую мануфактуру, которую он ухитрялся продавать в кредит некоторым индейцам-яки.

Хулио принес проигрыватель в начале дня и подключил его к динамо, которое снабжало электричеством магазин. Он убедился, что оно работает, а затем, повернув громкость до максимума и напомним владельцу магазина, чтобы тот не трогал никаких кнопок, начал отбирать двадцать пластинок.

- Я знаю, сколько царапин на каждой из них, — сказал Хулио владельцу магазина.
- Скажи это моей дочери, — ответил владелец магазина.
- Отвечаешь ты, а не твоя дочь.
- Это одно и то же, потому что она будет менять пластинки.

Хулио настаивал на том, что для него нет никакой разницы, будет ли она или кто-нибудь еще обращаться с проигрывателем, если владелец магазина будет платить за каждую пластинку, которой будет причинен ущерб. Хозяин начал спорить с Хулио. Лицо у Хулио покраснело. Время от времени он поворачивался к большой группе индейцев яки, собравшихся перед магазином и делал знаки отчаяния или замешательства, двигая руками и корча гримасы. Очевидно, как последний выход, он требовал аванса. Это явилось причиной другого длинного спора относительно того, что считать пластинкой, которой причинен вред. Хулио с авторитетом заявил, что любая сломанная пластинка должна быть оплачена полностью, как если бы она была новой. Хозяин магазина еще больше рассердился и начал выдергивать свой шнур-удлиннитель. Он, казалось, был склонен к тому, чтобы отключить проигрыватель и отменить вечеринку. Он дал понять своим клиентам, собравшимся перед магазином, что сделал все, что мог, чтобы договориться с Хулио. На секунду казалось, что вечеринка провалится, еще не начавшись.

Блас, старый индеец яки, в чьем доме я остановился, сделал несколько мрачных замечаний мрачным голосом о печальном состоянии дел яки, что они не могут даже отпраздновать свой самый почитаемый религиозный праздник, день Святой девы Гваделупской.

Я хотел вмешаться и предложить свою помощь, но Блас остановил меня. Он сказал, что если я буду платить аванс, то хозяин магазина разобьет все пластинки.

— Он хуже, чем кто-либо, — сказал он. — Пусть сам он платит аванс. Он сосет из нас кровь, почему бы ему не заплатить.

После долгого спора, в котором, как ни странно, каждый присутствующий был на стороне Хулио, хозяин магазина добился условий, которые оказались приемлемыми. Он не платил ни аванса, ни залога, но брал на себя ответственность за пластинки и за проигрыватель. Мотоцикл Хулио оставил след пыли, когда он уехал к отдаленным домам селения. Блас сказал, что Хулио старается добраться до своих клиентов прежде, чем они пришли в магазин и растратили все свои деньги на напитки. Когда он это кончил, группа индейцев вышла из-за магазина. Блас взглянул на них и стал смеяться так же, как все кругом. Блас сказал мне, что эти индейцы были клиентами Хулио и прятались позади магазина, ожидая, пока он уедет.

Вечеринка началась рано. Дочь хозяина магазина положила пластинку на диск и опустила адаптер. Раздался ужасающе громкий визг, а затем звуки трубы и гитар.

Вечеринка состояла из проигрывания пластинок на полную громкость. Тут были четыре молодых мексиканца, которые танцевали с двумя дочерьми хозяина магазина, и тремя другими молодыми мексиканками. Яки не танцевали. Они с явным удовольствием следили за каждым движением танцующих. Они, казалось, наслаждались просто наблюдением и глотанием дешевой текилы /крепкий напиток/. Я заказал выпивку для каждого, кого я знал. Я хотел избежать любых чувств недоброжелательства. Я курсировал между многочисленными индейцами, говорил с ними, а затем предлагал им выпить. Мой стиль поведения действовал до тех пор, пока они не сообразили, что я не пью совсем. Это, казалось, вызвало раздражение у всех сразу. Как будто бы коллективно они раскрыли, что я к этому обществу не принадлежу. Индейцы стали очень мрачными и стали бросать на меня косые взгляды.

Мексиканцы, которые были такими же пьяными, как индейцы, в то же самое время поняли, что я не танцую. И это, казалось, обидело их еще больше. Они, казалось, стали очень агрессивными. Один из них силой потащил меня за руку поближе к проигрывателю, другой налил полную чашку текилы и хотел, чтобы я ее полностью выпил одним глотком и доказал, что я «мачо».

Я пытался отбиться от них и идиотски смеялся, как будто мне действительно нравилась ситуация. Я сказал, что хочу сначала танцевать, а потом пить. Один из молодых людей назвал название песни. Девушка, отвечающая за проигрыватель, начала рыться в груде пластинок. Она, казалось, была немного пьяна, хотя никто из женщин открыто не пил, и ей

трудно было поставить пластинку на диск. Молодой человек сказал, что пластинка, которую она выбрала, — не твист. Она стала возиться с грудой, пытаясь найти подходящую, и все сомкнулись вокруг нее, оставив меня. Это дало мне время убежать с освещенного участка и с глаз долой.

Я стоял примерно в шестидесяти метрах в темноте каких-то кустов, стараясь решить, что делать. Я был утомлен. Я чувствовал, что время забраться в машину и ехать домой. Я пошел к дому Бласа, где стояла моя машина. Я рассчитывал, что если я поеду медленно, то никто не заметит, что я уезжаю.

Люди, занятые проигрывателем, казалось, все еще ищут пластинку. Все, что я мог слышать, это гудение громкоговорителя. Затем раздались звуки твиста. Я громко засмеялся, думая, что они, вероятно, повернулись туда, где я был, и обнаружили, что я исчез.

Я увидел темные силуэты людей, идущих в противоположном направлении — к магазину. Мы прошли друг мимо друга, и они пробормотали «буэнос ночес». Я узнал их и заговорил с ними. Я сказал им, что вечеринка была великолепна. Прежде, чем я подошел к изгибу дороги, я встретил еще двоих людей, которых я не знал, но все равно приветствовал. Ревущие звуки проигрывателя были здесь на дороге почти такими же громкими, как и перед магазином. Ночь была темной и беззвездной, но отсвет огней магазина позволял мне довольно хорошо видеть окружающее. Дом Бласа был очень близко, и я ускорил шаг. Затем я заметил темную фигуру человека, сидящего на корточках слева от меня на повороте дороги. Я подумал на секунду, что это, может быть, кто-нибудь из тех, кого я видел на вечеринке, прежде чем ушел оттуда. Человек, казалось, оправлялся на краю дороги. Это казалось странным, люди селения ходили в густой кустарник, чтобы справлять свои телесные функции. Я подумал, что кто бы он ни был, но он, должно быть, пьян.

Я подошел к повороту и сказал «буэнос ночес». Человек ответил мне грубым, дух захватывающим, нечеловеческим завыванием. Все волосы на моем теле встали буквально вертикально. На секунду я был парализован. Затем я быстро пошел. Я бросил короткий взгляд. Я увидел, что темный силуэт стоял на полпути ко мне. Это была женщина. Она была полусогнута, наклоняясь вперед. В таком положении она прошла несколько метров, а затем прыгнула. Я бросился бежать, в то время, как женщина прыгала подобно птице сбоку от меня, не отставая. К тому времени, когда я прибыл к дому Бласа, она заступила мне дорогу, и мы почти столкнулись.

Я перепрыгнул через небольшую сухую канаву перед домом и вломился в двери.

Блас был уже дома, и его, казалось, не озаботила моя история.

— Хорошую шутку они с тобой сыграли, — сказал он. — индейцы находят большое удовольствие в том, чтобы дразнить иностранцев.

Пережитое так расстроило мои нервы, что на следующий день я поехал к дому дон Хуана вместо того, чтобы ехать домой, как я раньше собирался.

Дон Хуан вернулся после обеда. Я не дал ему времени ничего сказать, а тут же изложил ему всю мою историю, включая комментарий Бласа. Лицо дон Хуана стало хмурым. Может, это было только моим воображением, но мне показалось, что он огорчен.

— Поменьше верь тому, что Блас сказал тебе, — сказал он серьезным тоном. — он ничего не знает о битвах между врагами.

Ты должен был знать, что это что-то серьезное уже в тот момент, когда заметил, что тень находится слева от тебя. Точно так же ты не должен был бежать.

— Что же мне полагалось делать? Стоять там?

— Правильно. Когда воин встречает своего противника, и противник не является ординарным человеком, он должен сделать свою стоянку. Это единственное, что делает его неуязвимым.

— О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Я говорю, что у тебя была третья встреча с твоим стоящим противником. Она следует за тобой кругом, поджидая момента слабости с твоей стороны. На этот раз она чуть тебя не раздавила.

Я ощутил приступ тревоги и обвинил его в том, что он толкнул меня в ненужную опасность. Я жаловался, что та игра, которую он со мной играет — жестока.

— Она была бы жестока, если бы случилась со средним человеком. Но с того момента, как человек начинает жить, как воин, он уже не является больше ординарным. К тому же, я не искал для тебя стоящего оппонента ради того, чтобы играть с тобой или дразнить тебя, или раздражать тебя. Стоящий оппонент может пришпорить тебя. Под влиянием противника, подобного «ля Каталине», ты вынужден использовать все, чему я тебя учил. У тебя нет никакого другого выбора.

Некоторое время мы молчали. Его слова подняли во мне огромную тревогу.

Затем он захотел, чтобы я проимитировал как можно ближе тот крик, который я услышал после того, как сказал «буэнос ночес».

Я попытался воспроизвести звук и выдал какое-то такое странное завывание, что оно испугало меня самого. Дон Хуан, должно быть, посчитал мою попытку смешной. Он смеялся почти без удержу.

После этого он попросил меня воспроизвести общую последовательность событий, расстояние, на которое я бежал, расстояние, на котором находилась женщина, когда я ее встретил, расстояние, на котором она находилась, когда я достиг дома, и место, с которого она начала прыгать.

— Ни одна жирная индеанка не может прыгать таким образом, — сказал он, рассмотрев все условия. — они даже не смогут столько пробежать.

Он заставил меня прыгать. Я не мог покрыть за один раз более четырех футов, а если мое восприятие меня не обманывало, то женщина покрывала по крайней мере десять футов одним прыжком.

— Конечно, ты знаешь, что с этого времени ты должен быть настороже, — сказал он с выражением огромной серьезности. — она постарается хлопнуть тебя по левому плечу в тот момент, когда ты будешь слаб или не настороже.

— Что мне следует делать? — спросил я.

— Бесплезно жаловаться, — сказал он. — важно, чтобы с этого момента у тебя была твердая стратегия жизни.

Я совершенно не мог сконцентрироваться на том, что он говорит. Записывал я автоматически. После долгого молчания он спросил, не чувствую ли я боли за ушами или у основания шеи. Я сказал, нет, и он объяснил, что если бы я испытывал неприятные ощущения в любом из этих мест, то это означало бы, что я неуклюж и что «ля Каталина» нанесла мне вред.

— Все, что ты делал прошлой ночью, было неуклюжим, — сказал он. — прежде всего ты отправился на вечеринку, чтобы убить время, как если бы было какое-то время, которое можно убивать. Это ослабило тебя.

— Ты хочешь сказать, что мне не нужно ходить на вечеринки?

— Нет, я не это хочу сказать. Ты можешь идти туда, куда хочешь, но если ты идешь, ты должен принимать на себя полностью ответственность за свой поступок. Воин стратегически живет свою жизнь. Он будет присутствовать на вечеринке или на собрании подобного рода, только если это входит в его стратегию. Разумеется, это означает, что он будет в полном контроле и будет выполнять все те поступки, которые считает необходимыми.

Он пристально взглянул на меня и улыбнулся. Затем прикрыл лицо и мягко кашлянул.

— Ты в ужасном узле, — сказал он. — впервые в твоей жизни твой противник идет по твоему следу, и ты не можешь тебе позволить действовать абы как. На этот раз тебе придется учиться совершенно другому деланию, деланию стратегии. Думай об этом так: если ты останешься живым после покушения «ля Каталины», то тебе нужно будет поблагодарить ее когда-нибудь за то, что она заставила тебя изменить твое делание.

— Что за ужасный способ представлять все это так! — воскликнул я. — а если я не останусь живой?

— Воин никогда не индугирует в подобных мыслях, — сказал он. — когда он должен действовать с окружающими людьми, воин следует деланию стратегии, и в этом делании нет ни побед, ни поражений. В этом делании есть только действие.

Я спросил его, что входит в делание стратегии.

— Это состоит в том, что ты не полагаешься на милость людей, — ответил он. — на этой вечеринке, например, ты был клоуном не потому, что это отвечало твоей цели быть клоуном, а потому, что ты отдался на милость этих людей. У тебя не было никакого контроля и поэтому ты был вынужден бежать от них.

— Что мне следовало делать?

— Не ходить туда совсем, или идти туда для того, чтобы выполнить особое действие.

— После карусели с мексиканцами ты был слаб, и «ля Каталина» воспользовалась этой возможностью. Поэтому она расположилась на дороге, чтобы ожидать тебя.

Ты все же заговорил с ней, хотя твое тело знало, что что-то не в порядке. Это было ужасно. Ты не должен произносить своему оппоненту ни единого слова во время подобных встреч. Затем ты повернулся к ней спиной. Это было еще хуже. Потом ты побежал от нее, и это было самое худшее, что ты только мог сделать. Очевидно, она неуклюжа. Маг, который стоит своего хлеба, раздавил бы тебя в ту же секунду, как ты повернулся спиной и побежал.

Пока что единственной твоей защитой является оставаться на месте и исполнять свой танец.

— О каком танце ты говоришь? — спросил я.

Он сказал, что «кроличье топанье», которому он научил меня, было первым движением танца, который воин исполняет и расширяет в течение своей жизни и в конце концов танцует его на своей последней стоянке на земле.

Я ощутил момент странной трезвости. И целая серия мыслей возникла у меня. На одном уровне было ясно, что то, что имело место между мной и «ля Каталиной» в первый раз, когда я с ней встретился, было реальным. «Ля Каталина» была реальной, и я не мог сбросить со счетов той возможности, что она действительно преследует меня. На другом уровне я не мог понять, каким образом она преследует меня, и это давало основу слабому подозрению, что дон Хуан, может быть, шутит надо мной, и что, может быть, он сам каким-нибудь образом производит те мистические эффекты, свидетелем которых я был.

Внезапно дон Хуан взглянул на небо и сказал мне, что еще есть время поехать и проверить колдунью. Он заверил меня, что мы подвергаемся очень небольшой опасности, поскольку собираемся просто проехать мимо ее дома.

— Ты должен сопоставить ее формы, — сказал дон Хуан. — тогда у тебя в уме не останется никаких сомнений ни так, ни эдак.

Ладони у меня стали так сильно потеть, что я был вынужден их несколько раз вытереть полотенцем. Мы забрались в мою машину, и дон Хуан направил меня на главное шоссе, а затем на широкую грунтовую дорогу. Я ехал по ее середине. Тяжелые грузовики и тракторы промяли глубокие колеи, а моя машина была слишком низка для того, чтобы ехать по левой или правой стороне дороги. Мы медленно ехали в густом облаке пыли. Гравий, который использовали для починки дороги, смешался с глиной во время дождей, и куски сухих грязных камней стучали по металлу под моей машиной, издавая громкий взрывоподобный звук.

Дон Хуан сказал, чтобы я снизил скорость, когда мы подъезжали к небольшому мосту. Там сидели четверо индейцев, и они помахали нам. Мы переехали через мост, и дорога плавно повернула.

— Вот дом этой женщины, — прошептал дон Хуан, указывая глазами на белый дом с высокой бамбуковой оградой вокруг.

Он сказал, чтобы я развернулся и остановился посередине дороги, ожидая, не будет ли женщина настолько подозрительной, чтобы показать свое лицо. Мы стояли там, наверно, минут десять. Время мне казалось бесконечным. Дон Хуан не сказал ни слова. Он сидел неподвижно, глядя на дом.

— Вот она, — сказал он, и его тело сделало внезапный прыжок.

Я увидел темный силуэт женщины, стоящей внутри дома и смотрящей через открытую дверь. В комнате было тесно, и это только усиливало темноту женского силуэта.

Через несколько минут женщина вышла из темноты комнаты и, остановившись в дверях, смотрела на нас. Секунду мы смотрели на нее, а затем дон Хуан сказал, чтобы я ехал. У меня не было слов. Я мог бы присягнуть, что она была именно той женщиной, которую я видел прыгающей у дороги в темноте.

Примерно полчаса спустя, когда мы вернулись на мощеное шоссе, дон Хуан заговорил со мной.

— Ну, что ты скажешь? — спросил он. — узнал ты эту форму?

Прежде, чем ответить, я долго колебался. Я боялся последствий того, что я скажу да. Я тщательно разработал свой ответ и сказал, что я думаю, тогда было очень темно и поэтому я не могу быть абсолютно уверен.

Он засмеялся и слегка похлопал меня по голове.

— Она была той самой, не так ли? — спросил он.

Он не дал мне времени ответить. Он приложил палец ко рту знаком молчания и прошептал мне на ухо, что говорить что-либо бессмысленно и что для того, чтобы выжить в покушениях «ля Каталины», я вынужден использовать все, чему он меня научил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛЭН

18. КОЛЬЦО СИЛЫ МАГА

11 мая 1971 года я в последний раз за свое ученичество навестил дона Хуана. В этот раз я приехал к нему с тем же настроением, с каким приезжал к нему в течение десяти лет нашей связи. Иначе говоря, я опять искал дружелюбия его компании.

Его друг, дон Хенаро, маг из индейцев сакатэка, находился с ним. Я видел их обоих во время своего предыдущего визита шесть месяцами ранее. Я раздумывал, спросить их или не спросить о том, были ли они все это время вместе, когда дон Хенаро объяснил, что он так

сильно любит северную пустыню, что вернулся как раз во-время, чтобы повидаться со мной. Они оба засмеялись, как будто бы знали секрет.

— Я вернулся специально для тебя, — сказал дон Хенаро.

— Это верно, — отозвался дон Хуан.

Я напомнил дону Хенаро, что в последний раз, когда я тут был, его попытки помочь мне «остановить мир» были катастрофичны для меня. Это был дружеский способ дать ему знать, что я его боюсь. Он смеялся безудержно, трясясь всем телом и взбрыкивая ногами, как ребенок. Дон Хуан избегал смотреть на меня и тоже смеялся.

— Ты больше не будешь пытаться помочь мне, дон Хенаро? — спросил я.

Мой вопрос вызвал у них обоих судороги смеха. Дон Хенаро, смеясь, катался по земле. Затем он лег на живот и поплыл по полу. Когда я увидел, что он делает, я понял, что пропал. В этот момент мое тело каким-то образом осознало, что я прибыл к концу. Я не знал, что это за конец. Моя личная склонность к драматизации и мой предыдущий опыт с доном Хенаро заставляли меня думать, что это может быть конец моей жизни.

Во время моего последнего визита к ним, дон Хенаро попытался толкнуть меня на грань «остановки мира». Его усилия были столь головокружительны и столь прямолинейны, что дон Хуан сам велел мне уехать. «Демонстрация силы», показанная доном Хенаро, была такой необычайной и такой ошеломляющей, что вызвала у меня полную переоценку самого себя. Я уехал домой, пересмотрел записки, которые я сделал в самом начале своего ученичества, и совершенно новое чувство загадочно пришло ко мне, хотя я и не осознавал его до тех пор, пока не увидел дона Хенаро, плывущего по полу.

Акт плавания по полу, который соответствовал другим странным и ошеломляющим поступкам, которые он выполнял перед самыми моими глазами, начался с того, что он вроде бы лежал лицом вниз. Сначала он смеялся настолько сильно, что его тело тряслось в конвульсиях, затем он начал брыкаться ногами, и, наконец, движения его ног стали координированными с гребущими движениями его рук, и дон Хенаро стал скользить по земле, как если бы лежал на доске, поставленной на подшипниковые колеса. Он несколько раз менял направление и покрыл весь участок перед домом дона Хуана, плавая вокруг меня и дона Хуана.

Дон Хенаро устраивал свою клоунаду передо мной и раньше, и каждый раз, когда он это делал, дон Хуан говорил, что я находился на грани «видения». Моя неудача «видеть» была результатом того, что я настойчиво старался объяснить любой из поступков дона Хенаро с разумной точки зрения. На этот раз я был настороже, и когда он поплыл, я не делал попыток объяснить или понять события. Я просто следил за ним. Однако, я не мог уйти от ощущения ошеломленности. Он действительно скользил на животе и груди. Мои глаза начали скашиваться, когда я следил за ним. Я ощутил прилив тревоги. Я был убежден, что если не объясню себе того, что происходит, то я смогу «видеть», и эта мысль наполняла меня необычайным нетерпением. Мое нервное напряжение было столь большим, что каким-то образом я опять оказался в исходной точке, еще раз замкнутый в разумные рассуждения.

Дон Хуан, должно быть, следил за мной. Внезапно он хлопнул меня. Автоматически я повернулся к нему лицом и на секунду отвел глаза с дона Хенаро. Когда я опять взглянул на него, он стоял рядом со мной со слегка склоненной головой так, что подбородок почти касался моего правого плеча. Я испытал запоздалую реакцию испуга. Секунду я смотрел на него, а затем отпрыгнул назад.

Его выражение неподдельного изумления было столь комичным, что я истерически рассмеялся. Однако я не мог не сознавать, что мой смех необычен. Мое тело сотрясало от нервных спазмов, исходящих из средней части живота. Дон Хенаро приложил свою руку к моему животу, и судорожный смех прекратился.

— Этот маленький карлос во всем так чрезмерен! — воскликнул он с видом очень сдержанного человека.

Затем он добавил, подражая голосу и манерам дона Хуана:

— Разве ты не знаешь, что воин никогда не смеется таким образом?

Его карикатура дона Хуана была столь совершенна, что я рассмеялся еще сильнее.

Затем они оба ушли вместе и отсутствовали около двух часов, почти до полудня.

Когда они вернулись, то сели перед домом дона Хуана. Они не говорили ни слова. Они казались сонными, усталыми, почти отсутствующими. Долгое время они оставались неподвижными, однако казалось, что им было очень удобно и незатруднительно это. Рот дона Хуана слегка приоткрылся, как если бы он действительно спал, но его руки были сцеплены на коленях и большие пальцы ритмично шевелились. Я нервничал и несколько раз менял положение.

Затем через некоторое время на меня нашла приятная дремота. Я, должно быть, заснул. Смех дона Хуана разбудил меня. Я раскрыл глаза. Они оба стояли и смотрели на меня.

— Если ты не разговариваешь, то ты засыпаешь, — сказал дон Хуан, смеясь.

— Боюсь, что так, — ответил я.

Дон Хенаро лег на спину и стал дрыгать ногами в воздухе. На секунду я подумал, что он опять начинает свою беспокойную клоунаду, но он уже вернулся в свое обычное сидячее положение со скрещенными ногами.

— Есть еще одна вещь, которую ты должен теперь осознать, — сказал дон Хуан. — я называю ее кубический сантиметр шанса. Все мы, в независимости от того, воины мы или нет, имеем кубический сантиметр шанса, который время от времени выскакивает у нас перед глазами. Различие между средним человеком и воином состоит в том, что воин осознает это, и одна из его задач — быть алертным, намеренно ожидая, так что когда его кубический сантиметр выскакивает, он обладает необходимой скоростью и гибкостью, чтобы поднять его.

Шанс, удача, личная сила или как ты это ни назови, является особым состоянием дел. Это как очень маленькая палочка, которая появляется прямо перед нами и приглашает нас схватиться за нее. Обычно мы слишком заняты или слишком загружены, или слишком глупы и ленивы для того, чтобы понять, что это наш кубический сантиметр удачи. Воин, с другой стороны, всегда алертен, всегда подтянут и имеет пружинистость и цепкость, необходимые, чтобы схватить ее.

— Твоя жизнь очень туга? — спросил внезапно меня дон Хенаро.

— Я думаю, да, — сказал я с убеждением.

— Ты думаешь, что можешь ухватить свой кубический сантиметр удачи? — спросил меня дон Хуан тоном недоверия.

— Я считаю, что делаю это все время, — сказал я.

Я думаю, что ты алертен только относительно тех вещей, которые знаешь, — сказал дон Хуан.

— Может быть, я дурачу себя, но я считаю, что сейчас я более сознателен, чем в любое другое время своей жизни, — сказал я, действительно имея это в виду.

Дон Хенаро кивнул головой в подтверждение.

— Да, — сказал он мягко, как бы говоря про себя, — маленький карлос действительно подтянут и абсолютно алертен.

Я почувствовал, что они подсмеиваются надо мной. По моему мнению, мое заявление о своем подтянутом состоянии и алертности, возможно, могло раздражить их.

— Я не собирался хвастаться, — сказал я.

Дон Хенаро вытянул брови и расширил ноздри. Он взглянул на мой блокнот и притворился, что пишет.

— Я думаю, что карлос более подтянут, чем всегда, — сказал дон Хуан дону Хенаро.

— Может быть, он слишком подтянут? — бросил дон Хенаро.

— Вполне может быть, — заключил дон Хуан.

Я не знал, что тут вставить, поэтому молчал.

— Ты помнишь тот случай, когда я заморозил твою машину? — спросил дон Хуан, как бы невзначай.

Его вопрос был внезапен и не связан с тем, о чем мы говорили. Он относился к тому времени, когда я не мог завести мотор машины до тех пор, пока он не сказал, что я могу.

— Это было ничто, — заверил дон Хуан с оттенком уверенности. — совершенно ничто. Правильно, Хенаро?

— Правильно, — безразлично сказал дон Хенаро.

— Что ты имеешь в виду? — сказал я с протестом. — то, что ты сделал в тот день, было действительно вне границ моего понимания.

— Это о многом не говорит, — сказал дон Хенаро.

— Они оба громко рассмеялись, а затем дон Хуан похлопал меня по спине.

— Хенаро может сделать кое-что намного лучшее, чем замораживание твоей машины, — продолжал он. — верно, Хенаро?

— Верно, заметил дон Хенаро, оттопыривая губы, как ребенок.

— Что он может сделать? — спросил я, стараясь не показать беспокойства.

— Хенаро может всю твою машину убрать прочь! — воскликнул дон Хуан громовым голосом. И затем добавил тем же самым тоном: — верно, Хенаро?

— Верно! — ответил дон Хенаро самым громким человеческим голосом, какой я когда-либо слышал.

Я невольно подскочил. По телу у меня прошли три-четыре нервные спазма.

— Что ты хочешь сказать тем, что он хочет взять мою машину прочь? — спросил я.

— Что я хочу сказать, Хенаро? — спросил дон Хуан.

— Ты хочешь сказать, что я могу забраться в его машину и уехать, — сказал дон Хенаро с неубедительной серьезностью.

— Забери машину прочь, Хенаро, — подтолкнул его дон Хуан шутливым тоном.

— Сделано! — сказал Хенаро, гримасничая и глядя на меня искоса.

Я заметил, что когда он гримасничал, его брови топорщились, делая его взгляд предательским и пронзительным.

— Хорошо, — спокойно сказал дон Хуан. — пойдём туда и проверим машину.

— Да, — эхом отозвался Хенаро. — пойдём туда и проверим машину.

Очень медленно они поднялись. Секунду я не знал, что делать, но дон Хуан жестом поднял меня.

Мы отправились к небольшому холмику перед домом дона Хуана. Дон Хуан шел справа от меня. Дон Хенаро — слева. Они находились в полутора-двух метрах впереди меня, все время в поле моего зрения.

— Давай проверим машину, — сказал Хенаро опять.

Дон Хуан двигал руками, как если бы сучил невидимую нить. Дон Хенаро сделал так же и повторил: — давай проверим машину.

Они шли, немножко приседая. Их шаги были длиннее, чем обычно, и их руки двигались так, как если бы они вытирали или полировали какие-то невидимые предметы перед собой. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан паясничал таким образом, и, глядя на него я чувствовал почти раздражение.

Мы достигли вершины, и я посмотрел вниз, к подножию холма, где в каких-нибудь ста метрах я поставил свою машину. Желудок у меня судорожно сжался! Машины не было!

Я сбежал с холма. Машины нигде не было видно. На секунду я испытал огромное замешательство. Я был дезориентирован.

Моя машина стояла здесь с тех пор, как я приехал рано утром. Наверное, получасом раньше я приходил сюда, чтобы взять новую пачку писчей бумаги. Я еще подумал, чтобы оставить открытыми окна, т.к. было слишком жарко, но количество комаров и других летающих насекомых, заполонивших весь этот район, заставило меня изменить свое решение, и я оставил машину запертой, как обычно.

Я оглянулся. Я отказывался верить в то, что моя машина исчезла. Я прошелся по краю чистой площадки. Дон Хуан и дон Хенаро присоединились ко мне и стояли рядом, в точности делая то, что делал я. Вглядываясь в даль, не видно ли где-нибудь машины, на секунду я испытал эйфорию, которая уступила место чувству ни с чем не связанного раздражения. Они, казалось, заметили это и стали ходить вокруг меня, двигая руками, как если бы раскатывали тесто.

— Как ты думаешь, что случилось с машиной, Хенаро? — спросил дон Хуан наигранно.

— Я угнал ее, — сказал Хенаро и сделал поразительнейшее движение переключения передач и выруливания. Он согнул ноги, как если бы сидел и оставался в этом положении несколько секунд, очевидно, удерживаясь в этом положении мышцами ног. Затем он перенес вес на правую ногу и вытянул левую, имитируя выжимание сцепления. Губами он издал звук мотора, и, наконец, он притворился, что наехал на ухаб и стал подпрыгивать вверх и вниз, давая мне полное ощущение неопытного водителя, который подскакивает на ухабах, не выпуская рулевого колеса.

Пантомима дона Хенаро поражала. Дон Хуан смеялся, пока не выбился из дыхания. Я хотел присоединиться к их веселью, но не мог расслабиться. Я чувствовал себя нехорошо, под угрозой. Тревога, беспрецедентная в моей жизни, овладела мной. Я почувствовал, что горю изнутри и начал пинать камешки на земле, и закончил тем, что стал их переворачивать с бессознательной и непредсказуемой яростью. Казалось, ярость действительно находилась вне меня и внезапно меня обволокла. Потом раздражение покинуло меня так же мистически, как и нашло. Я глубоко вздохнул и почувствовал себя лучше.

Я не смел взглянуть на дона Хуана. Моя вспышка злости раздражала меня, но в то же самое время мне хотелось смеяться. Дон Хуан подошел ко мне сбоку и погладил по спине. Хенаро положил руку мне на плечо.

— Правильно, — сказал дон Хенаро, — индальгируй себя. Ударь себя по носу, чтобы потекла кровь. Потом ты можешь взять камень и вышибить себе зубы. Это очень помогает! А если и это не поможет, то ты можешь расплющить свои яйца тем же самым камнем на большом булыжнике вот здесь.

Дон Хуан засмеялся. Я сказал, что мне стыдно за то, что я себя так плохо вел. Я не знаю, что на меня нашло. Дон Хуан сказал, что он уверен, я точно знаю, что происходит, что я притворяюсь, будто бы не знаю, и что сам акт притворства рассердил меня. Дон Хенаро необычно был приятен. Он неоднократно поглаживал меня по спине.

— Это бывает со всеми нами, — сказал дон Хуан.

— Что ты имеешь в виду? — спросил дон Хенаро, имитируя мой голос и мою привычку задавать дону Хуану вопросы.

Дон Хуан сказал какие-то абсурдные вещи типа «когда мир вверх ногами, то мы вниз ногами, а когда мир вниз ногами, то мы вверх ногами. Теперь, когда и мир и мы вниз ногами, то мы думаем, что мы наружу ногами». Он продолжал и продолжал говорить чушь в то время, как дон Хенаро изображал мое делание заметок. Он писал на невидимом блокноте, раздувая ноздри в такт движению руки, держа глаза широко открытыми, прикованными к дону Хуану. Дон Хенаро ухватился за мои попытки писать, не глядя в блокнот для того, чтобы избежать нарушения естественного хода разговора. Его подражание было поистине смешным.

Внезапно я почувствовал себя легко и счастливо. Их смех успокаивал. На какой-то момент я отступился и расхохотался. Но затем мой мозг вошел в новое состояние тревоги, смущения и раздражения. Я подумал, что что бы тут ни происходило, но это невозможно. И действительно, это было неприемлемо, согласно тому логическому порядку, по которому я привык судить об окружающем мире. И, однако же, органами чувств я ощущал, что моей машины тут нет. Мне пришла в голову мысль, как это всегда бывало, когда дон Хуан ставил передо мной необъяснимые явления, что надо мной подшутили обычными средствами. Под стрессом мой ум невольно и настойчиво всегда повторял одну и ту же конструкцию. Я стал рассчитывать, сколько доверенных лиц нужно дону Хуану и дону Хенаро, чтобы поднять мою машину и перенести ее с того места, где я ее оставил. Я был абсолютно уверен, что запер дверцы. Ручной тормоз был затянут, и машина была на скорости. Рулевое колесо также было заперто. Чтобы передвинуть ее, нужно было бы поднять ее руками. Эта задача потребовала бы такой рабочей силы, которую, я был уверен, ни один из них не смог бы собрать вместе. Другой возможностью было, что кто-то в согласии с ними отмычкой открыл мою машину, подсоединил к зажиганию провода и угнал ее. Чтобы это сделать, требовались специальные знания, которые не были в их средствах. Единственным другим объяснением было то, что они, возможно, гипнотизируют меня. Их движения были столь новы для меня и так подозрительны, что я вошел в штопор рациональных размышлений. Я думал, что если они меня гипнотизируют, то я нахожусь в состоянии измененного сознания. В своем опыте с доном Хуаном я заметил, что в таких состояниях невозможно удерживать постоянное умственное слежение за ходом времени. При этом никогда не было порядка в воспринимаемом ходе времени, во всех состояниях необычной реальности, которые я испытал. И моим заключением было, что если я буду держаться alertно, то придет момент, когда я потеряю порядок последовательности времени. Как, например, я смотрел бы на гору в данный момент, а в следующий момент сознания оказалось бы, что я смотрю на долину в противоположном направлении и не помню, когда повернулся. Я считал, что если что-нибудь подобного рода произойдет со мной, то я тогда смогу объяснить то, что происходит с моей машиной, может быть, как случай гипноза. Я решил, что единственное, что я могу сделать, это как можно тщательнее следить за каждой деталью.

— Где моя машина? — спросил я, обращаясь к ним обоим.

— Где машина, Хенаро? — спросил дон Хуан с видом необычайной серьезности.

Дон Хенаро начал переворачивать маленькие камешки и заглядывать под них. Он работал лихорадочно по всему тому участку, где я оставил свою машину. Фактически, он перевернул каждый камень. Временами он притворялся сердитым и забрасывал камень в кусты.

Дон Хуан, казалось, наслаждался сценой вне всяких слов. Он смеялся и хмыкал, почти забыв о моем присутствии.

Дон Хенаро только что закончил переворачивание камней и застыл в наигранном замешательстве, когда наткнулся на крупный булыжник, единственный большой и тяжелый камень на месте стоянки. Он попытался перевернуть его, но камень был слишком тяжел и слишком глубоко ушел в землю. Он старался и пыхтел, пока не покрылся потом. Потом он сел на камень и позвал дону Хуана на помощь.

Дон Хуан повернулся ко мне с лучезарной улыбкой и сказал:

— Пойдем, поможем Хенаро.

— Что он делает? — сказал я.

— Он ищет твою машину, — сказал дон Хуан, как будто это в порядке вещей.

— Но бога ради! Как он может найти ее под камнями? — запротестовал я.

— Но бога ради! Почему бы нет? — откликнулся дон Хенаро, и оба они покатались со смеху.

Мы не смогли приподнять камень. Дон Хуан предложил, чтобы мы сходили к нему домой и взяли хорошее бревно, чтобы использовать его, как рычаг.

По дороге к дому я говорил им, что их поступки абсурдны, и что то, что они делают, не нужно. Дон Хуан уставился на меня.

— Хенаро очень последовательный человек, — сказал дон Хуан с серьезным выражением. — он такой же последовательный и пунктуальный, как ты. Ты сам сказал, что никогда не оставляешь ни одного камня не перевернутым. Он делает то же самое.

Дон Хенаро хлопнул меня по плечу и сказал, что дон Хуан абсолютно прав, и что ему действительно хочется походить на меня. Он взглянул на меня с безумным блеском в глазах и раздул ноздри.

Дон Хуан хлопнул в ладоши и бросил на землю свою шляпу.

После долгих поисков вокруг дома дон Хенаро нашел длинное и довольно толстое бревно — часть конька крыши. Он взвалил его себе на плечи, и мы пошли назад к тому месту, где была моя машина.

Когда мы поднимались на небольшой холм и уже почти достигли поворота тропинки, откуда я мог видеть плоский участок стоянки, на меня внезапно нашло озарение. Я подумал, что найду свою машину, если взгляну прежде их, но когда я посмотрел вниз, у подножия холма моей машины не оказалось.

Дон Хуан и дон Хенаро, должно быть, поняли, что я имел в мыслях, и бежали за мной, громко смеясь. Когда мы достигли подножия холма, они сразу принялись за работу. Я следил за ними несколько секунд. Их поступки были совершенно непонятны. Они не притворялись, что они работают. Они действительно ушли целиком в задачу переворачивания валуна, чтобы посмотреть, нет ли под ним моей машины. Для меня это было слишком, и я присоединился к ним. Они пыхтели и кричали, а дон Хенаро выл, как койот. Они насквозь пропитались потом. Я отметил, как невероятно сильны были их тела, особенно у дона Хуана. Рядом с ними я был нежным юношей.

Очень скоро я тоже обливался потом. В конце концов мы перевернули валун, и дон Хенаро исследовал под ним землю со сводящим с ума терпением и тщательностью.

— Нет, ее здесь нет, — заявил он.

Это заявление повалило их обоих от смеха на землю.

Я нервно смеялся. У дона Хуана, казалось, были настоящие спазмы боли, и он лежал на земле, прикрыв руками лицо, в то время, как его тело тряслось от смеха.

— В каком направлении мы пойдем теперь? — спросил дон Хенаро после долгого отдыха.

Дон Хуан указал кивком головы.

— Куда мы идем? — спросил я.

— Искать твою машину, — сказал дон Хуан и даже не улыбнулся.

Они опять шли по бокам от меня, когда мы вошли в кусты. Мы прошли лишь несколько метров, когда дон Хенаро сделал нам знак остановиться. Он на цыпочках подкрался к круглому кусту в нескольких шагах в стороне. Несколько секунд всматривался между веток, а затем сказал, что машины там нет.

Мы шли некоторое время, а затем дон Хенаро сделал мне знак тишины своей рукой. Он выгнул спину, стоя на цыпочках, и вытянул руки над головой. Его пальцы согнулись, как когти. С того места, где я стоял, тело дона Хенаро имело форму латинской буквы s. Секунду он был в этой позе, а затем буквально головой вперед прыгнул на длинную ветку с сухими листьями. Он осторожно поднял ее, осмотрел, а затем заметил, что машины там нет.

Пока мы шли в густом чапарале, он заглядывал в кусты, забирался на небольшие деревья и всматривался в их листву лишь для того, чтобы заключить, что машины там тоже нет.

Тем временем я выдерживал подробнейший умственный отчет всего, что я вижу и чего касаюсь. Мой последовательный и упорядоченный взгляд на мир вокруг себя был таким же непрерывным, как бывал всегда. Я касался камней, кустов, деревьев, и перемещал свой взгляд с одного предмета на другой, смотрел то одним глазом, то другим. По всем расчетам я шел в чапарале: так же, как я делал это десятки раз во время обычной жизни.

Потом дон Хенаро лег на живот и попросил нас сделать так же. Он положил подбородок на сомкнутые руки. Дон Хуан сделал то же самое. Оба они уставились на серию маленьких выступов земли, которые выглядели, как микроскопические холмы. Внезапно дон Хенаро сделал хватательное движение правой рукой и что-то поймал. Он поспешно поднялся и также сделал дон Хуан. Держа сомкнутую в кулак руку перед нами, он сделал нам знак подойти поближе и посмотреть. Затем он стал медленно открывать ладонь. Когда она наполовину приоткрылась, из нее вылетел и улетел большой черный предмет. Движение было столь внезапным, а летящий предмет столь велик, что я отпрыгнул назад и чуть не потерял равновесия. Дон Хуан поддержал меня.

— Это была не машина, — пожаловался дон Хенаро. — это была проклятая муха. Извините.

Оба они пристально рассматривали меня. Они стояли передо мной и не смотрели прямо на меня, а только уголками глаз. Взгляд был длительный.

— Это была муха, не так ли? — спросил меня дон Хенаро.

— Я думаю, что так, — сказал я.

— Не думай, — приказал дон Хуан величественно. — что ты видел?

— Я видел что-то величиной с ворону, вылетающее у него из руки, — сказал я.

Мое заявление соответствовало тому, что я ощутил, и не было рассчитано, как шутка, но они восприняли его, как самое смешное заявление, которое кто-либо сказал за этот день. Они оба стали прыгать вверх и вниз и хохотать, пока не выбились из дыхания.

— Я полагаю, с Карлоса достаточно, — сказал дон Хуан. Его голос звучал хрипло от смеха.

Дон Хенаро сказал, что он вот-вот найдет мою машину, и что чувствуется все горячее и горячее. Дон Хуан сказал, что мы находимся в очень пересеченной местности, и что найти машину здесь было нежелательной вещью. Дон Хенаро снял свою шляпу и привязал к ней кусок нитки из своего пончо. Затем он прикрепил свой шерстяной пояс к желтой ленточке, закрепленной на полях шляпы с краю.

— Я делаю из своей шляпы воздушного змея, — сказал он мне.

Я следил за ним, зная, что он шутит. Я всегда считал себя экспертом по воздушным змеям. Будучи ребенком, я строил сложнейшие змеи и знал, что поля шляпы слишком ветхи для того, чтобы устоять перед ветром. Верх шляпы, с другой стороны, был слишком высок, и ветер будет циркулировать внутри, не давая шляпе приподняться с земли.

— Ты думаешь, она не полетит, так? — спросил дон Хуан.

— Я знаю, что не полетит, — сказал я.

Дону Хенаро, казалось, не было до этого дела, и он закончил тем, что привязал длинную бечевку к своей шляпе-змею.

День был ветреным, и дон Хенаро побежал вниз с холма в то время, как дон Хуан держал его шляпу. Затем дон Хенаро дернул за бечевку, и проклятая штуковина действительно полетела.

— Смотри, смотри на змея! — заорал дон Хенаро. Шляпа пару раз нырнула, но осталась в воздухе.

— Не отводи глаз от змея, — сказал дон Хуан твердо.

На мгновение я почувствовал головокружение. Глядя на змея, я испытал полное воспоминание другого случая. Казалось, что я сам запускаю змея, как я когда-то делал в ветреные дни на холмах моего родного города.

На короткое мгновение воспоминание поглотило меня, и я потерял свое осознание хода времени.

Я услышал, что дон Хенаро кричит что-то и увидел шляпу, которая ныряла вверх и вниз, а затем стала падать на землю туда, где была моя машина. Все это произошло с такой скоростью, что у меня не было ясного представления о том, что произошло. Я чувствовал головокружение и рассеянность. Мой ум удержал только смущающую картину. Я увидел, что то ли шляпа дон Хенаро превратилась в мою машину, то ли шляпа упала на крышу моей машины. Мне хотелось верить последнему, что дон Хенаро хотел использовать свою шляпу, чтобы указать мне мою машину, используя шляпу. Не то, чтобы это имело значение, поскольку один вариант был такой же пугающий, как и второй, но в то же время мой ум цеплялся за эту спорную деталь для того, чтобы удержать мое первоначальное умственное равновесие.

— Не борись с этим, — услышал я слова дон Хуана.

Я чувствовал, что что-то внутри меня вот-вот прорвется на поверхность. Мысли и видения накатывались безудержными волнами, как если бы я засыпал. Я остолбенело смотрел на машину. Она стояла на каменистом участке примерно в тридцати метрах. Она действительно выглядела так, как если бы кто-то только что поставил ее туда. Я подбежал к ней и начал ее осматривать.

— Проклятие! — воскликнул дон Хуан. — не смотри на машину, останови мир!

Затем, как во сне, я услышал его крик: «шляпа Хенаро! Шляпа Хенаро!»

Я посмотрел на них. Они пристально смотрели на меня. Их глаза были пронзительными. Я почувствовал боль в животе. Внезапно у меня заболела голова, и мне стало плохо.

Дон Хуан и дон Хенаро смотрели на меня с любопытством. Некоторое время я сидел рядом с машиной, а затем совершенно автоматически я отпер дверцу и пустил дон Хенаро на заднее сиденье. Дон Хуан последовал за ним и сел рядом. Мне показалось это странным, поскольку он обычно садился на переднее сиденье.

Я погнал свою машину к дому дон Хуана в каком-то тумане. Я не был сам собой. В животе у меня было беспокойно, и ощущение тошноты вытеснило мою трезвость. Я вел машину механически. Я слышал, как дон Хуан и дон Хенаро подобно детям смеялись и хихикали на заднем сидении. Я слышал, как дон Хуан спросил меня: «мы подъезжаем?»

Тут я увидел, что только сейчас обращаю внимание на дорогу. Мы действительно были очень близко от его дома.

— Сейчас мы будем там, — пробормотал я.

Они взвыли от смеха. Они хлопали в ладоши и себя по ляжкам.

Когда мы подъехали к дому, я автоматически выскочил из машины и открыл перед ними дверцу. Дон Хенаро вышел первым и поздравил меня с тем, что он назвал самой приятной и гладкой поездкой, которая когда-либо была у него в жизни. Дон Хуан сделал то же самое. Я почти не обратил на них внимание.

Я запер машину и едва добрался до domu. Прежде, чем заснуть, я слышал, как хохотали дон Хуан и дон Хенаро.

19. ОСТАНАВЛИВАНИЕ МИРА

На следующий день, как только я проснулся, я начал задавать дону Хуану вопросы. Он рубил дрова за домом, а дон Хенаро нигде не было видно. Он сказал, что говорить не о чем. Я указал на то, что добился успеха, оставаясь без мыслей в то время, как наблюдал «плавание на полу» дон Хенаро, что я не хотел и не требовал никаких объяснений совсем, но что моя сдержанность не помогла мне понять того, что имело место. Затем, после исчезновения машины, я автоматически замкнулся в поиске логического объяснения, но это тоже не помогло мне. Я сказал дону Хуану, что моя настойчивость в том, чтобы находить объяснения, не была чем-то таким, что я изобрел сам, только для того, чтобы со мной было трудно. Но это было нечто настолько глубоко вросшее в меня, что преодолевало любое другое соображение.

— Это вроде болезни, — сказал я.

— Тут нет никаких болезней, — спокойно ответил дон Хуан. — тут есть только индальгирование. Ты индальгируешь себя, пытаешься все объяснить. В твоём случае объяснение больше не нужно.

Я настаивал на том, что могу функционировать только при условии порядка и понимания. Я напомнил ему о том, что я коренным образом изменил свою личность за время нашей связи. И что условием, которое сделало возможной такую перемену, было то, что я имел возможность объяснить себе причины для такой перемены.

Дон Хуан мягко засмеялся. Долгое время он ничего не говорил.

— Ты очень умен, — сказал он, наконец, — ты возвращаешься туда, где ты всегда был. Однако, на этот раз с этим покончено. Тебе некуда идти назад. Я не буду больше тебе всего объяснять. Что бы там Хенаро ни делал тебе вчера, он делал это для твоего тела, поэтому позволь своему телу решать, что есть что.

Тон дон Хуана был дружественным, но необычно отрешенным, и это заставило меня почувствовать всепоглощающее одиночество. Я выразил свое чувство печали. Он улыбнулся. Его пальцы мягко обхватили мою руку у локтя.

— Мы оба — существа, которые умрут, — сказал он мягко. — Нет больше времени для того, что мы привыкли делать. Сейчас ты должен использовать все неделание, которому я тебя научил, и остановить мир.

Он опять сжал мою руку. Его прикосновение было твердым и дружественным. Оно было вроде подтверждения тому, что он заботится обо мне и имеет ко мне привязанность. И в то же время оно давало мне впечатление непоколебимой целенаправленности.

— Это мой договор с тобой, — сказал он, удерживая мою руку на секунду. — теперь ты должен самостоятельно пойти в эти дружественные горы.

Он указал подбородком на далекий гребень гор на юго-востоке.

Он сказал, что я должен оставаться там до тех пор, пока мое тело не скажет, что хватит, а затем возвращаться к нему домой. Он дал мне понять, что не хочет, чтобы я что-либо говорил или медлил, тем, что слегка подтолкнул меня в направлении машины.

— Что мне полагается делать там? — спросил я.

Он не ответил, но покачал головой, глядя на меня.

— Хватит этого, — сказал он, наконец.

— Затем он указал пальцем на юго-восток.

— Поезжай туда, — сказал он отрывисто.

Я ехал на юг, а затем на восток по тем дорогам, по которым ездил всегда вместе с доном Хуаном. Неподалеку от того места, где закончилась грунтовая дорога, я остановил свою машину, а затем шел знакомым путем, пока не достиг высокого плато. Я не имел никакого представления о том, что здесь делать. Я начал бродить, выискивая место для отдыха. Внезапно мое внимание остановилось на небольшом участке слева от меня. Казалось, что химический состав почвы был другим на этом месте. Однако, когда я остановил на нем

пристальный взгляд, то не заметил ничего, что могло бы выделять его. Я стоял в нескольких футах в стороне и старался «почувствовать», как всегда рекомендовал мне делать дон Хуан.

Я стоял неподвижно, наверное, в течение около часа. Количество мыслей у меня постепенно уменьшалось, пока я не перестал разговаривать сам с собой. Затем ко мне пришло ощущение раздражения. Ощущение, казалось, было связано с моим животом и было более острым, если я смотрел на сомнительное место. Оно меня отталкивало, и я почувствовал себя обязанным уйти от него прочь. Я начал водить глазами по этому району и почувствовал необходимость уйти от него. Затем, после короткого перехода я наткнулся на широкую плоскую скалу. Я остановился перед ней. В этом камне не было ничего особенного, что бы привлекало меня. Я не заметил никакого особого цвета, никакого сияния, но все же он мне нравился. Мое тело чувствовало себя хорошо. Я испытал ощущение физического комфорта и сел немного отдохнуть.

Я бродил среди высоких плато и окружающих гор весь день, не зная, что делать или чего ожидать. В сумерках я вернулся обратно к плоской скале. Я знал, что если я проведу ночь здесь, то я буду в безопасности.

На следующий день я отправился далее на восток в высокие горы. Во второй половине дня я пришел к другому, еще более высокому плато. Мне показалось, что я уже был здесь ранее. Я осмотрелся, что ориентироваться, но не смог узнать ни одного из окружающих горных пиков. После тщательного выбора подходящего места я уселся отдохнуть на краю каменистого района. Мне было очень тепло и мирно там. Я постарался извлечь какую-нибудь пищу из своей фляги, но она была пуста. Тогда я попил воды. Она была теплой и затхлой. Я подумал, что мне больше нечего делать, как вернуться к дому дон Хуана и начал размышлять над тем, не начать ли мне обратный путь прямо сейчас. Я лег на живот и положил голову на руки. Я почувствовал себя нехорошо и несколько раз менял положение, пока не оказался лицом к западу. Солнце было уже низко. Мои глаза устали и я взглянул на землю, и мой взгляд поймал крупного черного жука. Он вылез из-за маленького камешка, толкая перед собой шар навоза в два своих собственных размера. Некоторое время я следил за его движениями. Насекомое, казалось, на замечало моего присутствия и продолжало толкать свой груз через камни, корни, вмятины и выступы на земле. Настолько, насколько я знал, насекомое не осознавало моего присутствия. Мне пришла в голову мысль, что я, пожалуй, наверняка не могу быть уверенным в том, что насекомое не знает обо мне. Эта мысль произвела ряд разумных оценок по поводу природы мира насекомого в противоположность моему собственному миру. Насекомое и я были в одном и том же мире, и, очевидно, мир не был одним и тем же для нас. Я погрузился в наблюдения за ним и поразился гигантской силе, которая требовалась для того, чтобы тащить его груз через камни и земляные трещины.

Я наблюдал за насекомым долгое время, и наконец, заметил тишину вокруг нас. Только ветер свистел между веток и листьев чапарала. Я посмотрел вверх, повернулся налево быстрым и невольным движением и поймал изображение слабой тени или мелькания на камне в нескольких футах в стороне. Сначала я не обратил на нее внимания, но затем я сообразил, что это мелькание было слева от меня. Я еще раз повернулся внезапно и смог ясно увидеть тень на скалу. У меня было непонятное ощущение, что тень внезапно соскользнула на землю, и почва впитала ее, как промокашка впитывает чернильную кляксу. Озноб пробежал у меня по спине, мне пришла в голову мысль, что смерть караулит и меня, и жука.

Я еще раз посмотрел на насекомое, но не смог его найти. Я подумал, что оно, должно быть, прибыло к месту своего назначения и сбросило свой груз в земляную норку. Я приложил лицо к гладкой скале.

Жук вылез из глубокой норы и остановился в нескольких дюймах от моего лица. Он, казалось, смотрел на меня, и на секунду я почувствовал, что он осознал мое присутствие. Наверное так же, как я осознал присутствие собственной смерти. Я испытал озноб. В конце концов жук и я не очень-то отличались. Смерть, как тень, подкарауливала каждого из нас из-за камня. Я ощущал момент необычайного подъема. И жук, и я были на одной чаше весов, никто из нас не был лучше другого. Наша смерть делала нас равными.

Мой подъем и радость были столь захватывающими, что я начал плакать. Дон Хуан был прав. Он всегда был прав. Я жил в самом мистическом мире, и, как любой другой, я был самое мистическое существо. И, тем не менее, я не был более важным, чем жук. Я вытер свои глаза, и, вытирая их тыльной стороной руки, я увидел человека или что-то, имеющее форму человека. Это находилось справа от меня, примерно в ста метрах в стороне. Я выпрямился и постарался всмотреться. Солнце было почти на горизонте, и его желтоватые отблески мешали мне ясно видеть. В этот миг я услышал какой-то особенный грохот. Он был похож на звук далекого реактивного самолета. Когда я остановил свое внимание на нем,

звук усилился до длительного визга, а затем ослаб, пока не превратился в гипнотизирующий мелодичный звук. Мелодия была подобна колебаниям электрического тока. Мне пришло при этом на ум, что две электрические сферы сходятся вместе или два квадратных куска наэлектризованного металла трутся один о другой, а затем остаются в покое, когда их рывком отодвинут один от другого. Я вновь попытался увидеть, не смогу ли я рассмотреть того человека, который, казалось, прятался от меня, но смог различить лишь темный силуэт против кустов. Я прикрыл глаза, приложив к ним руку. Блеск солнца изменился в этот момент, и тут я понял, что то, что я вижу, было лишь оптической иллюзией, игрой тени и листвы. Я отвел глаза и увидел койота, спокойно бегущего через поле. Койот находился примерно в том месте, где я видел человека. Он пробежал примерно сто метров в южном направлении, а затем остановился и побежал в моем направлении. Я крикнул пару раз, чтобы испугать его, но он продолжал бежать. Я испытал тревожный момент. Я подумал, что он, может быть, бешеный, и что мне неплохо было бы собрать камней для того, чтобы защититься в случае, если он нападет. Когда животное находилось в трех-четырех метрах от меня, я заметил, что оно несколько не взволновано. Наоборот, оно казалось очень спокойным и не испуганным. Оно замедлило свой шаг и остановилось в полутора-двух метрах от меня. Мы посмотрели друг на друга, а затем койот подошел еще ближе. Его коричневые глаза были дружественными и ясными. Я уселся на камни, и койот почти касался меня. Я был ошеломлен. Я никогда не видел дикого койота так близко, и единственное, что мне пришло в голову в этот момент, это заговорить с ним. Я начал так, как человек заговорил бы с дружественной собакой. И затем я подумал, что койот «заговорил» мне в ответ. У меня была абсолютная уверенность, что он сказал мне что-то. Я был смущен, но у меня не было времени разбираться в своих чувствах, потому что койот «заговорил» вновь. Не то, чтобы животное произносило слова так, как я привык слышать слова, произносимые людьми. Скорее это было «ощущение», что он говорил. Но это не было тем ощущением, которое имеешь, когда домашнее животное, кажется, общается со своим хозяином. Койот фактически что-то сказал. Он передавал мысль, и эта связь вылилась во что-то весьма похожее на предложение. Я сказал: «как поживаешь, маленький койот?» И мне показалось, что я услышал ответ животного: «я хорошо, а как ты?» Затем койот повторил предложение, и я вскочил на ноги. Животное не сделало ни единого движения. Оно не было испугано моим внезапным прыжком. Его глаза оставались дружескими и ясными. Оно наклонило голову, легло на живот и спросило: «чего ты испугался?» Я сел, и, глядя на него, повел самый колдовской разговор, который у меня когда-либо бывал. В конце концов оно спросило меня, что я тут делаю, и я сказал, что я пришел сюда, чтобы «остановить мир». Койот сказал: «как здорово!» Я тут я сообразил, что это был койот, владеющий двумя языками. Существительные и глаголы в его предложении были на английском, но союзы и восклицания — на испанском. Мне пришла в голову мысль, что я нахожусь в присутствии сказочного /чикано/ койота. Я стал смеяться над абсурдностью всего этого и смеялся так сильно, что почти впал в истерику. Затем весь груз невозможности того, что происходит, обрушился на меня, и мой разум заколебался. Койот поднялся на ноги и наши глаза встретились. Я пристально смотрел в них. Я чувствовал, что они тянут меня, и внезапно животное стало радужным. Оно начало испускать сияние. Казалось, что мой мозг проигрывает воспоминание другого события, которое имело место десять лет ранее, когда под воздействием пейота я был свидетелем превращения обычной собаки в незабываемое радужное существо. Казалось, койот вызвал воспоминание, и память этого предыдущего события собралась и наложила на очертания койота. Койот стал текучим, жидким, светящимся существом. От его свечения кружилась голова. Я хотел закрыть глаза руками, чтобы защитить их, но не мог двинуться. Светящееся существо коснулось меня в какой-то неопределенной части меня самого, и мое тело испытало такую полную неопишемую теплоту и такое хорошее самочувствие, что, казалось, это прикосновение заставило меня взорваться. Я стал разобщенным. Я не мог больше чувствовать свои ноги, или свои ступни или любую другую часть своего тела, однако, что-то удерживало меня в прямом положении.

Я не представлял себе, как долго я оставался в таком положении. Тем временем светящийся койот и вершина холма, на котором я стоял, исчезли из виду. У меня не было ни мыслей, ни чувств. Все было выключено, и я свободно парил.

Внезапно я почувствовал, что мое тело испытало удар, и затем я почувствовал, что что-то обволокло меня. Тут я понял, что солнце залило меня. Я едва мог различать отдаленные гребни гор на западе. Солнце почти касалось горизонта. Я смотрел на него и потом увидел «линии мира». Я действительно ощутил крайне необычное глубокое восприятие флюоресцирующих белых линий, которые соединяли все вокруг меня. На секунду я подумал, что, возможно, я ощущаю солнечный свет, отраженный от моих ресниц. Я моргнул и оглянулся опять. Линии были устойчивы и были наложены на или проходили через все

вокруг. Я повернулся вокруг себя и осмотрел необычный новый мир. Линии были хорошо заметны и постоянны, даже если я смотрел в противоположную от солнца сторону.

Я стоял на вершине холма в состоянии экстаза, казалось, бесконечное время, однако, все это событие могло длиться лишь несколько минут, пожалуй, не дольше, чем светило солнце до того, как оно достигло горизонта, но мне это показалось бесконечным временем. Я чувствовал что-то теплое и успокаивающее, исходящее из мира и из моего собственного тела. Я знал, что раскрыл секрет. Он был таким простым. Я испытал неведомый поток чувств. Никогда в моей жизни не было у меня такой божественной эйфории, такого покоя и такого всеобъемлющего чувства, и, тем не менее, я не мог перевести раскрытый секрет в слова или хотя бы в мысли, но мое тело его знало.

Затем то ли я заснул, то ли потерял сознание. Когда я опять пришел в себя, я лежал на камнях. Я поднялся. Мир был таким, каким я его всегда видел. Уже темнело, и автоматически я отправился назад к своей машине.

Дон Хуан был один в доме, когда я прибыл на следующее утро. Я спросил о доне Хенаро, и он сказал, что тот был где-то поблизости, занимаясь своим делом. Я немедленно стал пересказывать ему необычные события, свидетелем которых я был. Он слушал с явным интересом.

— Ты просто «остановил мир», — прокомментировал он, когда я кончил свой рассказ.

Секунду мы молчали, а затем он сказал, что мне следует поблагодарить дону Хенаро за помощь, оказанную мне. Казалось, он был необычайно мною доволен. Несколько раз он похлопывал меня по спине и посмеивался.

— Но это невероятно, чтобы койот говорил, — сказал я.

— Это не было разговором, — сказал дон Хуан.

— Что же это было тогда?

— Впервые твое тело поняло, но ты не смог понять того, что это не койот для начала, и что это уж конечно был не разговор в том виде, как ты и я разговариваем.

— Но койот действительно говорил, дон Хуан!

— Смотри, кто теперь говорит, как идиот. После стольких лет учения ты должен знать лучше. Вчера ты остановил мир, и ты, может быть, даже «видел». Волшебное существо сказало тебе что-то, и твое тело смогло это понять, потому что мир разрушился.

— Мир был таким же, как сегодня, дон Хуан.

— Нет, он не был таким же. Сегодня койоты тебе ничего не говорят, и ты не можешь видеть линии мира. Вчера ты это делал просто потому, что что-то остановилось в тебе. И естественно, что у нас нет выбора, кроме как видеть мир таким, каким люди его нам представляют.

Мы взглянули друг на друга.

Вчера мир стал таким, каким его тебе представляют маги, — Продолжал он. — в этом мире койоты разговаривают и точно так же разговаривают олени, как я однажды рассказывал тебе, и точно так же разговаривают гремучие змеи и деревья, и все другие живые существа. Но то, чему я хочу тебя обучить, это «видение». Возможно, ты теперь знаешь, что «видение» имеет место только тогда, когда проскальзываешь между мирами: миром обычных людей и миром магов. Ты сейчас втиснут в самую середину между этими мирами. Вчера ты считал, что койот с тобой разговаривал. Любимой маг, которые не «видит», считал бы так же. Но тот, кто «видит», считает, что верить в это, значит быть пригвожденным в мире магов. Точно так же, не верить в то, что койоты разговаривают, значит быть пригвожденным в мире обычных людей.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что ни мир обычных людей, ни мир магов не являются реальными?

— Это реальные миры. Они могут воздействовать на тебя. Например, этому койоту ты мог задать любой вопрос, который тебя интересует, и он был бы обязан дать тебе ответ. Единственной печальной частью является то, что на койотов нельзя полагаться. Они шутники. Твоя судьба не имеет животного друга, на которого можно положиться.

Дон Хуан объяснил, что койот будет моим другом на всю жизнь, и что в мире магов иметь койота другом — нежелательное положение вещей. Он сказал, что для меня было бы идеальным разговаривать с гремучей змеей, поскольку они были поразительно надежными друзьями.

— Если бы я был тобой, — добавил он, — то я никогда бы не доверял койоту. Но ты другой. И ты, может быть, станешь койотным магом.

— Что это такое, койотный маг?

— Это тот, кто извлекает массу сведений от своих братьев-койотов.

Я хотел продолжать задавать вопросы, но он сделал знак, чтобы остановить меня.

— Ты видел линии мира, — сказал он. — ты видел светящееся существо. Теперь ты почти готов встретиться с олли. Ты, конечно, знаешь, что тот человек, которого ты видел в кустах, был олли. Ты слышал его грохот, похожий на звук реактивного самолета. Он будет ожидать тебя на краю долины, к которой я подведу тебя сам.

Долгое время мы молчали. Дон Хуан держал руки сцепленными на животе. Большие пальцы у него двигались почти незаметно.

— Хенаро тоже пойдет с нами к этой долине, — внезапно сказал он. — он тот, кто тебе помог остановить мир.

Дон Хуан посмотрел на меня пронзительными глазами.

— Я скажу тебе еще одну вещь, — сказал он и засмеялся.

— Сейчас это действительно имеет значение. Хенаро никогда не перемещал твою машину из мира обычных людей в тот день. Он просто заставил тебя смотреть на мир так, как смотрят маги, и твоей машины не было в этом мире. Хенаро хотел ослабить твою уверенность. Его шутовство сказало твоему телу об абсурдности попыток понять все. А когда он запустил своего воздушного змея, ты почти «видел». Ты нашел свою машину и был в обоих мирах. Причина, по которой мы чуть не надорвали животы, состояла в том, что ты действительно считал, что везешь нас обратно с того места, где, как ты думал, ты нашел свою машину.

— Но каким образом он заставил меня видеть мир так, как его видят маги?

— Я был с ним. Мы оба знаем этот мир. Если этот мир знаешь, то все, что нужно для того, чтобы ввести его в действие, так это использовать то добавочное кольцо силы, которое, как я тебе говорил, имеют маги. Хенаро может это сделать так же легко, как щелкнуть пальцами. Он удерживал тебя занятым перевертыванием камней для того, чтобы рассеять твои мысли и позволить твоему телу «видеть».

Я сказал ему, что события последних трех дней причинили непоправимый вред моей идее мира. Я сказал, что в течение десяти лет, которые я был связан с ним, я никогда не продвинулся настолько, даже в те времена, когда я принимал психотропные растения.

— Растения силы являются только помощью, — сказал дон Хуан. — реальная же вещь, это когда тело поймет, что оно может «видеть». Только тогда возможно знать, что мир, на который мы смотрим каждый день, является только описанием. Мое намерение состояло только в том, чтобы показать тебе это. К сожалению, у тебя осталось слишком мало времени, прежде чем олли пощупает тебя.

— Разве олли должен пощупать меня?

— Нет никакого способа, чтобы избежать этого. Для того, что «увидеть», нужно знать те способы, посредством которых маги «видят» мир. А отсюда олли должно быть призвано. А когда это сделано, оно приходит.

— А ты не мог бы научить меня «видеть», не призывая олли?

— Нет для того, чтобы «видеть», нужно научиться смотреть на мир каким-то другим образом. А единственный другой способ, который я знаю, это способ магов.

20. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛЭН

Дон Хенаро вернулся около полудня, и по предложению дона Хуана мы все трое поехали к тому гребню гор, где я был предыдущим днем. Мы шли тем же путем, которым шел я, но вместо того, чтобы остановиться на высоком плато, как сделал я, мы продолжали взбираться до тех пор, пока не достигли вершины нижнего гребня гор. Затем мы стали спускаться в плоскую долину.

На вершине высокого холма мы остановились отдохнуть. Место выбирал дон Хенаро. Автоматически я уселся, как всегда делал это в их компании, образовав треугольник, с доном Хуаном справа от себя и доном Хенаро — слева.

Пустынный чапараль приобрел исключительно мокрый блеск. Он был блистающе-зеленым после короткого весеннего дождя.

— Хенаро собирается кое-что рассказать тебе, — внезапно сказал мне дон Хуан. — он собирается рассказать тебе историю своей первой встречи со своим олли. Разве не так, Хенаро?

В голосе дона Хуана был оттенок уговаривания. Дон Хенаро посмотрел на меня и сжимал губы до тех пор, пока его рот не стал выглядеть, как круглая дырка. Он прижал язык к небу, а затем открывал и закрывал рот, как бы имея судороги.

Дон Хуан взглянул на него и громко рассмеялся. Я не знал, как это понимать.

— Что он делает? — спросил я дона Хуана.

— Он курица, — сказал тот.

— Курица?

— Смотри, смотри на его рот. Это куриная попка, она сейчас отложит яйцо.

Спазмы рта дон Хенаро, казалось, увеличились. У него был непонятный безумный взгляд в глазах. Его рот раскрылся, как если бы судороги образовали круглую дыру. В горле у него раздался трещащий звук. Руки у него сложились на груди с ладонями, вывернутыми наружу, а затем он бесцеремонно выплюнул мокроту.

— Проклятие! Это было не яйцо, — сказал он с озабоченным видом на лице.

Поза его тела и выражение его лица были столь необычными, что я не смог не засмеяться.

— Теперь, когда Хенаро почти снес яйцо, может быть, он расскажет тебе о своей первой встрече со своим олли, — настаивал дон Хуан.

— Может быть, — сказал дон Хенаро незаинтересованно.

Я стал просить, чтобы он рассказал.

Дон Хенаро поднялся и потянулся руками и спиной. Его кости издали хрустящий звук. Затем он опять сел.

— Когда я впервые коснулся своего олли, я был молод, — сказал он, наконец. — я помню, что это было сразу после полудня. С рассвета я работал в поле и возвращался домой. Внезапно из-за куста вышел олли и загородил мне дорогу. Он ожидал меня и приглашал меня побороться с ним. Я начал отворачиваться для того, чтобы оставить его в покое, на ум мне пришла мысль, что я достаточно силен для того, чтобы коснуться его. Тем не менее, я был испуган. Озноб пробежал вверх по моей спине, и шея у меня стала твердой, как доска. Кстати, это всегда является признаком, что ты готов. Я хочу сказать, что это когда твоя шея становится твердой.

Он расстегнул рубашку и показал мне свою спину. Он напряг мышцы шеи, спины и рук. Я отметил превосходное качество его мускулатуры. Казалось, воспоминание о той встрече активизировало каждую мышцу в его теле.

— В подобной ситуации ты должен всегда закрыть рот.

Он повернулся к дону Хуану и сказал:

— Разве не так?

— Да, — спокойно ответил дон Хуан. — потрясение, которое испытываешь от того, что схватишь олли, настолько велико, что можно откусить язык или вышибить себе зубы. Тело должно быть прямым, хорошо уравновешенным, а ноги должны держаться за землю.

Дон Хенаро поднялся и показал мне правильное положение. Колени его были слегка согнуты, руки со слегка подогнутыми пальцами висели по бокам. Он казался расслабленным, и, тем не менее, твердо стоял на земле. Секунду он оставался в этом положении, и, когда я полагал, что он собирается сесть, он внезапно бросился вперед одним поразительным прыжком, как если бы у него под пятками были пружины. Его движение было столь внезапным, что я упал на спину. Но пока я падал, у меня было ясное ощущение того, что дон Хенаро схватил человека или что-то, имеющее форму человека. Я вновь уселся.

Дон Хенаро все еще сохранял колоссальное напряжение во всем теле. Затем он резко расслабил все свои мышцы и вернулся на то самое место, где сидел раньше.

— Карлос только что видел твоего олли прямо сейчас, — спокойно заметил дон Хуан. — он еще слаб и упал.

— Ты заметил? — спросил дон Хенаро наивным голосом и расширил ноздри.

Дон Хуан заверил его, что я «видел» олли.

Дон Хенаро опять прыгнул вперед с такой силой, что я упал на бок. Он выполнил свой прыжок так быстро, что я действительно не мог сказать, каким образом он вскочил на ноги, чтобы прыгнуть вперед из сидячего положения.

Они оба громко засмеялись, а затем дон Хенаро сменил свой смех на вой, не отличимый от воя койота.

— Не думай, что тебе нужно прыгать так же хорошо, как Хенаро, для того, чтобы схватить своего олли, — сказал дон Хуан предупреждающим тоном. — Хенаро прыгает так хорошо, потому что его олли помогает ему. Все, что тебе нужно, это цепко стоять на земле, для того, чтобы выстоять столкновение. Ты должен стоять так, как стоял Хенаро, прежде чем он прыгнул. Затем ты должен броситься вперед и схватить олли.

— Ему нужно сначала поцеловать свой медальон, — вставил дон Хенаро.

Дон Хуан с наигранной яростью сказал, что у меня нет никаких медальонов.

— А как насчет его блокнотов? — настаивал дон Хенаро. — ему нужно что-то сделать со своими блокнотами. Положить их, прежде чем он прыгнет. Или, может быть, он использует свои блокноты для того, чтобы ударить своего олли.

— Будь я проклят, — сказал дон Хуан, кажется, с искренним изумлением. — я совсем не подумал об этом. Клянусь, это будет первый раз, когда олли свалят на землю, побив блокнотами.

Когда замолк смех дона Хуана и койотный вой дона Хенаро, все мы были в очень хорошем настроении.

— Что случилось, когда ты схватил своего олли? — спросил я.

— Это было ложное потрясение, — сказал дон Хенаро после секундного колебания. Казалось, он приводил свои мысли в порядок.

— Я никогда и не воображал, что это будет так, — продолжал он. — это было что-то такое, такое, такое... Как ничто, что я могу сказать. После того, как я схватил его, мы начали кружиться. Олли заставил меня вертеться, но я не отступался. Мы штопором ввинтились в воздух с такой скоростью и силой, что я уже ничего не мог видеть. Все было в тумане. Верченье продолжалось далее и далее. Внезапно я почувствовал, что вновь стою на земле. Я взглянул на себя. Олли не убил меня. Я был цел, я был самим собой! Тогда я понял, что достиг успеха. После долгих стремлений я имел олли. От радости я запрыгал. Что за чувство! Что это было за чувство!

Затем я оглянулся, чтобы установить, где я нахожусь. Окружающее было неизвестно мне. Я подумал, что олли, должно быть, пронес меня по воздуху и опустил очень далеко от того места, где мы начали кружиться. Я ориентировался. Я решил, что мой дом должен быть на востоке, поэтому я пошел в этом направлении. Было еще рано. Встреча с олли отняла немного времени. Очень скоро я нашел тропинку, а затем увидел группу мужчин и женщин, идущих мне навстречу. Это были индейцы из племени масатэк. Они окружили меня и спросили, куда я иду.

— Я иду домой, в икстлэн, — сказал я им.

— Ты что, заблудился? — спросил меня кто-то.

— Я заблудился? — сказал я. — почему?

— Потому что икстлэн не здесь, икстлэн в противоположном направлении.

— Мы сами идем туда, — сказал кто-то.

— Присоединяйся к нам, — сказали они все. — у нас есть пища.

Дон Хенаро перестал говорить и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса.

— Ну, и что произошло? — спросил я. — ты присоединился к ним?

— Нет, не присоединился, — сказал он. — потому что они не были реальными. Я понял это в ту же минуту, как они подошли ко мне. Было что-то в их голосах, в их дружелюбии, что выдавало их, особенно, когда они попросили меня присоединиться к ним. Поэтому я убежал прочь. Они звали меня и просили вернуться. Их призывы стали преследовательскими, но я продолжал убежать от них.

— Кем они были? — спросил я.

— Людьями, — ответил дон Хенаро отрывисто. — за исключением того, что они не были реальными.

— Они были как привидения, — объяснил дон Хуан. — как фантомы.

— Пройдя некоторое время, — продолжал дон Хенаро, — я стал более уверен в себе. Я знал, что икстлэн находится в той стороне, куда я иду. И затем я увидел двух человек, идущих по тропинке ко мне. Казалось, они тоже были индейцами из племени масатэк. С ними был осел, нагруженный дровами. Они прошли мимо меня, пробормотав: «добрый день».

— Добрый день, — сказал я, продолжая идти. Они не обратили на меня внимания, продолжая свой путь. Я замедлил свой бег и осторожно повернулся, чтобы взглянуть на них. Они уходили, не обращая на меня внимания. Казалось, они были реальными. Я побежал за ними и закричал: «подождите, подождите!» Они придержали своего осла и остановились с обеих сторон животного, как бы охраняя груз.

— Я заблудился в этих горах, — сказал я им. — в каком направлении находится икстлэн?

Они указали в том направлении, куда шли сами.

— Ты далеко зашел, — сказал один из них. — это с другой стороны вон тех гор. Чтобы добраться туда, тебе потребуется четыре-пять дней.

Затем они повернулись и продолжали идти. Я почувствовал, что эти индейцы реальны и попросил, чтобы они взяли меня с собой.

Мы шли вместе некоторое время, а затем один из них снял свой мешок с провизией и предложил немного мне. Я застыл на месте. Было что-то ужасно странное в том, как он предлагал мне свою пищу. Мое тело ощутило испуг, поэтому я прыгнул назад и бросился бежать. Они оба сказали, что я умру в этих горах, если не пойду вместе с ними, и пытались уговорить меня присоединиться к ним. Их призывы были также очень преследующими, но я также убежал от них изо всех сил.

Я продолжал идти. Теперь я знал, что я на правильном пути в икстлэн, и что эти фантомы пытались сбить меня с пути.

Мне встретилось восемь таких. Должно быть, они знали, что мое намерение непоколебимо. Они стояли на дороге и смотрели на меня просящими глазами. Большинство из них не говорило ни слова. Однако, женщины среди них были более смелыми и упрашивали меня. Некоторые из них даже раскладывали пищу и другие предметы, которые, казалось, продают, как невинные торговцы у дороги. Я не остановился и не взглянул на них.

К концу дня и пришел в долину, которую я, казалось, узнал, что-то в ней было знакомое. Мне казалось, что я был в ней раньше, но если это было так, то я действительно находился к югу от икстлэна. Я начал искать знакомые предметы, чтобы ориентироваться и выправить свой путь, когда увидел маленького индейского мальчика, пасущего коз. Ему было, наверное, семь лет, и одет он был также, как я был одет в его возрасте. Фактически, он мне напомнил меня самого, пасущего двух коз моего отца.

Некоторое время я следил за ним. Мальчик разговаривал сам с собой так, как обычно это делал я. Затем он стал разговаривать со своими козами. Из того, что я знал об уходе за козами, он хорошо знал свое дело. Он делал его тщательно и осторожно. Он не баловал коз, но в то же время он не был с ними жесток.

Я решил окликнуть его. Когда я заговорил с ним громким голосом, он подпрыгнул, и, бросившись к скале, стал смотреть на меня из-за камней. Казалось, он был готов бежать, спасая свою жизнь. Он понравился мне. Казалось, он был испуган, и все же он нашел время отозвать своих коз из поля моего зрения.

Я разговаривал с ним долго. Я сказал, что заблудился и не знаю дорогу в икстлэн. Я спросил, как называется место, где мы находимся, и он сказал, что это место, которое я считал. Это очень меня обрадовало. Я понял, что уже больше не потерян и раздумывал о той силе, которую должен был иметь мой олли, чтобы перенести все мое тело за время меньшее, чем взмах ресниц.

Я поблагодарил мальчика и начал уходить. Он осторожно вышел из своего укрытия и погнал своих коз по почти незаметной тропинке. Тропинка, казалось, вела в долину. Я позвал мальчика, и он не убежал. Я пошел к нему, и когда был слишком близко от него, он прыгнул в кусты. Я похвалил его за то, что он так осторожен, и начал задавать ему вопросы.

— Куда ведет эта тропинка? — спросил я.

— Вниз, — сказал он.

— Где ты живешь?

— Там, внизу.

— Там, внизу, много домов?

— Нет, только один.

— Где остальные дома?

Мальчик указал на другую сторону долины с безразличием, свойственным мальчикам его возраста. Затем он со своими козами пошел вниз по тропинке.

— Подожди, — сказал я мальчику. — я очень устал и голоден. Возьми меня к своим.

— У меня нет своих, — сказал маленький мальчик, и это потрясло меня. Я не знаю почему, но его голос заставил меня колебаться. Мальчик, заметив мое колебание, остановился и повернулся ко мне.

— У меня дома никого нет, — сказал он. — мой дядя уехал, а его жена — в поле. Там полно еды, полно. Пойдем со мной.

Я чувствовал почти печаль. Мальчик тоже был фантомом. Тон его голоса и его настойчивость выдали его. Фантомы были повсюду, чтобы захватить меня, но я не боялся. Я все еще был онемевший после своей встречи с олли. Я хотел взбеситься на олли или на фантомов, но каким-то образом я не мог рассердиться, как я обычно это делаю, поэтому я перестал пытаться. Затем я захотел опечалиться, потому что мне понравился этот маленький мальчик, но не смог. Поэтому я бросил это тоже.

Внезапно я сообразил, что у меня есть олли, и что нет ничего такого, что могли бы мне сделать фантомы. Я последовал за мальчиком по тропинке. Другие фантомы быстро выскочили и попытались заставить меня шагнуть в пропасть, но моя воля была сильнее их. Они, должно быть, чувствовали это, потому что перестали осаждать меня. Спустя некоторое время они просто стояли у моей тропы. Время от времени кто-нибудь из них прыгал ко мне, но я останавливал их своей волей. И тогда они перестали беспокоить меня совершенно.

Долгое время дон Хенаро молчал. Дон Хуан взглянул на меня.

— Что произошло после этого, дон Хенаро? — спросил я.

— Я продолжал идти, — сказал он, как само собой разумеющееся.

Казалось, что он кончил свой рассказ, и не было ничего, что он хотел бы добавить.

Я спросил их, почему тот факт, что они предлагали ему пищу был указанием на то, что они фантомы. Он не ответил. Я допытывался дальше и спросил, является ли обычаем среди

индейцев племени масатэк отрицать то, что у них есть какая-либо пища, или же быть очень озабоченным всем, что касается пищи.

Он сказал, что тон их голосов, их желание выманить его и та манера, в которой фантомы говорили о пище, были указаниями. И что он знал это из-за того, что его олли помогал ему. Он заверил меня в том, что один он бы не заметил этих тонкостей.

— Эти фантомы были олли, дон Хенаро? — спросил я.

— Нет, они были людьми.

— Людьями? Но ты сказал, что они были фантомами.

— Я сказал, что они больше не были реальными. После моей встречи с олли ничего больше не было реальным.

Долгое время мы молчали.

— Каков был конечный исход этого события, дон Хенаро? — спросил я.

— Конечный исход?

— Я хочу сказать, когда и как ты, наконец, достиг икстлэна?

Оба они тут же расхохотались.

— Так это значит, это для тебя конечный исход? — заметил дон Хуан. — давай тогда скажем это так. Для путешествия Хенаро не было конечного исхода. И н и к о г д а не будет никакого конечного исхода. Хенаро все еще в пути в икстлэн!

Дон Хенаро взглянул на меня пронзительными глазами, а затем повернул голову и посмотрел вдаль в сторону юга.

— Я никогда не достигну икстлэна, — сказал он. Его голос был твердым, но тихим, почти шепотом.

— Однако, в моих чувствах... В моих чувствах мне иногда кажется, что остался лишь один шаг, чтобы достигнуть его. И все же, этого никогда не будет. В своем путешествии я даже не встречаю знакомых примет, которые я когда-то знал. Ничего уже больше не является тем же самым.

Дон Хуан и дон Хенаро взглянули друг на друга. Было что-то очень печальное в их взгляде.

— В моем путешествии в икстлэн я нашел только путников-фантомов, — сказал он тихо.

Я взглянул на дона Хуана. Я не понял, что имел в виду дон Хенаро.

— Каждый, кого Хенаро встречает на своем пути в икстлэн, только эфемерное существо, — объяснил дон Хуан. — возьмем тебя, например. Ты — фантом. Твои чувства и твоя настойчивость те же, что у людей. Вот почему он говорит, что он встречает только путников-фантомов на своем пути в икстлэн.

Внезапно я понял, что путешествие дона Хенаро было метафорой.

— В таком случае твое путешествие в икстлэн — нереально? — сказал я.

— Оно реально! — вставил дон Хенаро. — путники нереальны.

Кивком головы он указал на дона Хуана и сказал с ударением:

— Он — единственный, кто реален. Мир реален только тогда, когда я с ним.

Дон Хуан улыбнулся.

— Хенаро рассказывал тебе свою историю, — сказал дон Хуан, — потому что ты вчера остановил мир. И он думал, что ты также и «видел». Но ты такой дурень, что ты не знаешь этого сам. Я неустанно говорю ему, что ты очень странный, и что рано или поздно, но ты будешь видеть. Во всяком случае, во время твоей следующей встречи с олли, если для тебя будет следующий раз, тебе придется бороться с ним и усмирить его. Если ты переживешь потрясение, что, как я уверен, ты сделаешь, поскольку ты сильный и жил, как воин, то ты окажешься живым в неизвестной земле. Затем, что естественно для всех нас, первое, что ты захочешь сделать, — это вернуться назад, к себе в Лос-Анжелес, но не будет назад пути в Лос-Анжелес. То, что ты там оставил, потеряно навсегда. Конечно, к этому времени ты будешь магом, но это не поможет. Что важно для всех нас в такое время, так это то, что все, что мы любили, ненавидели или желали, осталось позади. Однако, чувства в человеке не умирают и не изменяются. И маг отправляется в дорогу домой, зная, что дома он никогда не достигнет, зная, что нет такой силы на земле, которая принесет его к тому месту, к тем вещам и к тем людям, которых он любил. Даже его собственная смерть. Именно об этом тебе рассказывал Хенаро.

Объяснение дона Хуана было подобно катализатору. Весь груз рассказа дона Хенаро обрушился на меня внезапно, когда я начал сопоставлять этот рассказ со своей собственной жизнью.

— Как насчет людей, которых я люблю? — спросил я дона Хуана. — что случится с ними?

— Они все останутся позади, — сказал он.

— Но разве нет никакого способа, которым я бы мог вернуть их? Могу ли я вызволить их и взять с собой?

— Нет. Твой олли бросит тебя одного в неизвестные миры.
— Но я могу вернуться обратно в Лос-Анжелес, разве не так? Я могу сесть на автобус или на самолет и отправиться туда? Лос-анжелес останется на месте, не так ли?
— Конечно, — смеясь, сказал дон Хуан. — а также и монтека, и тэмикула, и туксон.
— И текат, — добавил дон Хенаро с большой серьезностью.
— И пьедрас неграс, и транкитас, — сказал дон Хуан, улыбаясь.

Дон Хенаро добавил еще несколько названий, так же сделал дон Хуан. И они ушли в перечисление целой серии крайне смешных и невероятных названий городов и местечек.

— Вращение с твоим олли изменит твою идею мира, — сказал дон Хуан. — эта идея есть все. И когда она меняется, меняется сам мир.

Он напомнил мне, что однажды я читал ему стихотворение и захотел, чтобы я рассказал его. Он настроил меня несколькими словами на него, и я вспомнил, что читал ему стихи Хуана Рамона Хименеса. То, о котором он говорил, называлось «окончательное путешествие». Я прочел его.

...И я уйду, но птицы останутся, распевая, и мой сад останется с его зелеными деревьями, с его глубокими колодцами. Много дней небеса будут синими и ясными, и колокола в отдалении будут звонить так, как они звонят сегодня днем. Люди, которые любили меня, уйдут, и город будет расцветать заново ежегодно, но мой дух, одержимый ностальгией, будет вечно бродить в том же самом забытом углу моего цветущего сада.

— Это то чувство, о котором говорит Хенаро, — сказал дон Хуан. — для того, чтобы быть магом, человек должен быть страстным. Страстный человек имеет земные привязанности и вещи, дорогие ему. Хотя бы та тропа, по которой он ходит.

То, что Хенаро рассказал тебе в своем рассказе, именно это. Хенаро оставил свою страсть в икстлэне. Его дом, его людей, все те вещи, до которых ему было дело. И теперь он бродит вокруг в своих чувствах, и иногда, как он говорит, он почти достигает икстлэна. У нас у всех это одинаково. Для Хенаро — это икстлэн, для тебя это будет Лос-Анжелес, для меня —...

Я не хотел, чтобы дон Хуан рассказывал мне о себе. Он остановился, как бы прочитав мои мысли.

Хенаро вздохнул и перефразировал первую строчку стихотворения:

— Я ушел, а птицы остались, распевая.

На мгновение я ощутил волну агонии и неопишуемого одиночества, охватывающего нас троих. Я взглянул на дона Хенаро и понял, что он, будучи страстным человеком, имел очень много сердечных уз, очень много вещей, до которых ему было дело и которые остались позади. У меня было ясное ощущение, что в этот момент сила его воспоминания готова обрушиться горным обвалом, и что Хенаро находится на грани рыдания.

Я поспешно отвел глаза. Страсть дона Хенаро, его высшее одиночество заставили меня плакать.

Я взглянул на дона Хуана. Он смотрел на меня.

— Только как воин можно выжить на тропе знания, — сказал он. — потому что искусством воина является находить равновесие между ужасом от того, что ты человек, и восхищением от того, что ты человек.

Я взглянул на них обоих, на каждого по очереди. Их глаза были мирными и ясными. Они вызвали волну захватывающей ностальгии, и когда они, казалось, были на грани того, чтобы разразиться страстными слезами, они повернули эту волну. На мгновение я, казалось, «видел». Я «видел» одиночество человека, как гигантскую волну, которая застыла передо мной, отброшенная назад невидимой стеной метафоры.

Моя печаль была столь захватывающа, что я ощутил эйфорию. Я обнял их.

Дон Хенаро улыбнулся и поднялся. Дон Хуан тоже встал и мягко положил руку мне на плечо.

— Мы собираемся покинуть тебя здесь, — сказал он. — делай то, что найдешь нужным. Олли будет ждать тебя на краю той долины.

Он указал на темную долину вдали.

— Если ты чувствуешь, что это еще не твое время, то откажись от своего свидания, — сказал он. — ничего нельзя достигнуть насильем. Если ты хочешь выжить, ты должен быть кристально чистым и совершенно уверенным в себе.

Дон Хуан ушел, не глядя на меня. Но дон Хенаро пару раз повернулся и подмигиваниями и движениями головой подталкивал меня идти вперед. Я смотрел на них, пока они не исчезли вдали, а затем пошел к своей машине и уехал. Я знал, что это еще не мое время.